

ДЕНИС ФОНВИЗИН:

Обжора, моралист,
журналист,
государственный
деятель

ЛАТИНИЗАЦИЯ ВО ИМЯ РАСКОЛА

НА УКРАИНЕ ВНОВЬ АКТИВИЗИРОВАЛАСЬ АГИТАЦИЯ ЗА ЗАМЕНУ кириллицы в украинском языке на латиницу. Разумеется, в интересах евроинтеграции. Идея эта не нова, в основном ее проталкивают представители галицкой, западноукраинской интеллигенции. А восходит она еще к началу XIX века. Хотя тогда, в отличие от нынешних времен, попытки ввести латиницу для галицких русинов, проживавших на территории тогдашней Австрии, не ставили перед собой тех политических целей, которые преследуют нынешние «реформаторы», – они хотели лишь приобщить простой народ к письменной грамоте.

Можно еще вспомнить, что и на заре советской власти, в ожидании якобы неминуемой мировой революции, идея латинизации русского, славянских и всех неславянских языков СССР получила некоторую поддержку ряда тогдашних руководителей СССР, но в 30-е годы от нее отказались полностью.

Нынешние сторонники латинизации Украины делают ставку не на братство мировых народов, а, скорее, на раскол с Россией и – вместе с ней – с Восточной Украиной. При этом они проводят четкое противопоставление между «испокон веков европейским» – западноукраинским народом, с одной стороны, и «малороссами, надднепрянскими украинцами» – с другой. Единству страны в столь непростое время это вряд ли способствует, скорее, будет еще быстрее вести к расколу. Но кого и где угроза национальной катастрофы останавливалась в пассионарном движении «больших идей»?

Вопрос латинизации поднимали и при президенте Ющенко, но хода тогда не дали. Однако якобы по сей день существует даже некая комиссия (при МИДе), неспешно прорабатывающая этот вопрос. Специалистами уже разработаны некие нормы латинского правописания на украинском языке, в печати уже появились первые статьи на украинской латинице.

Многие лингвисты считают, что переход на латиницу не облегчит использование украинского языка. Хотя бы потому, что в латинской графике букв гораздо меньше, чем в кириллической. Придется придумывать также сочетания каких-то букв для обозна-

чения тех или иных звуков, придумывать надстрочные знаки. Это не говоря уже о подготовке целого поколения преподавателей, по сути, нового языка. Правда, в периоды столь драматических процессов, которые сейчас происходят на Украине, политики, бывает, не очень думают о долгосрочных последствиях и тем более об издержках принимаемых решений. ●

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российской общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Российской академии образования, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Руководитель Центра экспертиз федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Член Совета Федерации от администрации Краснодарского края

ИЛАРИОН (АЛФЕЕВ Г.В.)

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Руководитель Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество)

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛИВАНОВ Д.В.

Министр образования и науки Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Министр культуры
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегионального общественного фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.
Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», председатель наблюдательного совета Российского общества преподавателей русского языка и литературы, заместитель председателя правления Фонда

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.
Директор департамента науки, высоких технологий и образования Аппарата Правительства Российской Федерации

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

КАГАНОВ В.Ш.
Заместитель министра образования и науки Российской Федерации

ПРОКОФЬЕВ П.А.
Директор департамента специальной связи МИД Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.
Президент открытого акционерного общества «Российские железнодорожные дороги», председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

РУССКИЙ МИР

- 06 Вызовы нового времени
18 Дополнительный ресурс
20 Равнодушных нет
22 Дружба на языке санкций

ИНТЕРВЬЮ

- 24 «Война санкций»
в зеркале большой
политики

- 30 «Меня спасла
любовь
и искренность»

НАСЛЕДИЕ

- 44 Из прерусских
русский

ТРАДИЦИИ

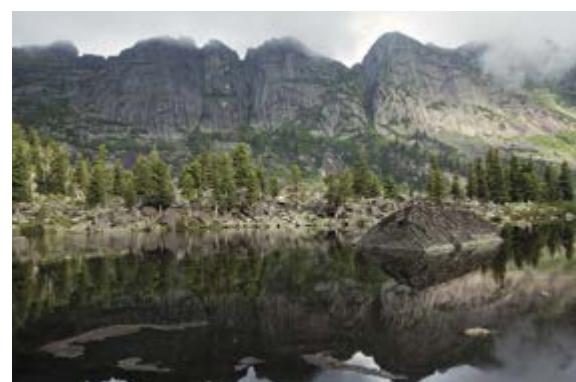
- 52 Ларец с драгоценностями

ИСТОРИЯ

- 36 Царское это дело

РЕГИОНЫ РОССИИ

- 60 Заповедник духа

РЕПОРТАЖ

68 Крым Крымыч

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

76 По пути на Валдай

ПУТЕШЕСТВИЕ

86 Пошхонская сторона

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор,
руководитель информационно-
издательского управления
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Оксана ПРИЛЕПИНА

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Михаил БЫКОВ
Михаил ГЛИНКА
Василий ГОЛОВАНОВ
Константин КРАВЦОВ
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Любовь РУМЯНЦЕВА
Михаил ТАРКОВСКИЙ

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гlamур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 8 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Электронный адрес:
rm@russkimir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке
предоставлено М. Золотаревым

ВЫЗОВЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ

АВТОРЫ

ЛАДА КЛОКОВА, АННА ЛОЩИХИНА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

VIII АССАМБЛЕЯ РУССКОГО МИРА, ПРОШЕДШАЯ ПОД ДЕВИЗОМ «КУЛЬТУРА И ВРЕМЯ», удивила постоянных участников тем, что заметно отличалась от предыдущих. Неизменными остались лишь сроки проведения Ассамблеи, традиционно приуроченной ко дню народного единства.

В О-ПЕРВЫХ, ВПЕРВЫЕ фонд «Русский мир» провел Ассамблею не в Москве и не в Санкт-Петербурге. VIII Ассамблея прошла в новой олимпийской столице России – Сочи. Как подчеркнул на посвященной форуму пресс-конференции председатель правления фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов, «решение это было принято по простой причине: мы хотели показать новый Сочи нашим делегатам».

Во-вторых, впервые в дискуссиях Ассамблеи удавалось такое большое внимание проблемам текущей политики и международных отношений. Эта Ассамблея примечательна тем, что проходит спустя год после того, как начались серьезные события, наложившие отпечаток на судьбу Русского мира, – подчеркнул Вячеслав Никонов. – «Майдан», «Крым», «Новороссия» – эти слова еще не звучали, когда мы проводили VII Ассамблею в Санкт-Петербурге. Серьезно изменился сам контекст, в котором существует и Русский мир, и наш фонд.

На пресс-конференции в агентстве «Россия сегодня» председатель правления фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов и исполнительный директор фонда Владимир Кочин подвели итоги деятельности в 2014 году

Произошла страшная трагедия. Мы говорили о единстве, а наш Русский мир оказался расколот. В братской нам стране русские люди, говорящие по-русски, убивали русских, причем часто за то, что они говорили по-русски!»

На пресс-конференции Вячеслав Никонов и исполнительный директор фонда «Русский мир» Владимир Кочин сообщили и о потерях, которые понес и сам фонд. Так, не по инициативе «Русского мира» был закрыт Русский центр в Оксфорде. «Это сугубо политическое решение», – считает Вячеслав Никонов. Сильно пострадал от попадания снаряда Русский центр в Луганске. Русские центры в Донецке и Горловке также попали под обстрел, но уцелели. «Наши центры на Украине продолжают действовать, – объяснил Владимир Кочин, – однако условия, в которых сегодня работает фонд, заметно усложнились».

В-третьих, впервые на Ассамблее был испробован новый формат общения руководства фонда с делегатами – «Открытая трибуна». Кроме того, в рамках форума прошло несколько ярких акций, а также награждение победителей двух творческих конкурсов, проведенных фондом в 2014 году, – «Слово за нами!» и «Со-творение». Но обо всем по порядку.

ЕДИНСТВО ДУШ И УСТРЕМЛЕНИЙ

В начале ноября в Сочи высадился огромный десант русистов, политологов, чиновников, представителей русскоязычных диаспор и журналистов, приехавших на VIII Ассамблею Русского мира. К ним присоединились участники I Педагогического форума «Русский язык в современной школе» и IV Конгресса РОПРЯЛ, прошедших в Сочи 1–2 ноября при поддержке фонда «Русский мир». Так что 3 ноября, когда началась работа VIII Ассамблеи, ее участниками стало свыше 800 человек из 80 стран.

Церемония награждения победителей журналистского конкурса «Со-творение»

Но сначала гости собрались на торжественный подъем флагов Русского мира. 1 ноября площадь у знаменитой сочинской гостиницы «Жемчужина» расцвела яркими красками: организованная фондом «Русский мир» праздничная акция прошла с участием студентов сочинских институтов, волонтеров и делегатов Педагогического форума и Ассамблеи. А на следующий день в сочинском парке «Ривьера» гости собрались для участия еще в одной акции. Здесь в память о VIII Ассамблее было посажено интернациональное дерево дружбы. В посадке магнолии приняли участие президент Российской академии образования, глава МАПРЯЛ, президент Санкт-Петербургского государственного университета, председатель попечительского совета фонда «Русский мир» Людмила Вербиц-

Участники VIII Ассамблеи возложили цветы к памятнику А.С. Пушкину

кая и глава комитета Госдумы по образованию, декан факультета госуправления МГУ, председатель правления фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов, оставившие записи в почетной книге гостей парка «Ривьера».

Торжественная церемония открытия VIII Ассамблеи Русского мира состоялась 3 ноября в легендарном Зимнем театре. По традиции первыми на сцену поднялись Людмила Вербицкая и Вячеслав Никонов. «Дорогие друзья! За прошедшие восемь лет фонд «Русский мир» сделал немало, – подчеркнула Людмила Вербицкая. – Мы открыли уже 100 Русских центров и около 139 Кабинетов Русского мира во многих странах. За эти годы фонд рассмотрел почти 7 тысяч заявок на гранты, полторы тысячи из которых были удовлетворены». Вячеслав Никонов, поблагодарив за гостеприимство руководство Краснодарского края и города Сочи, отметил: «За последний год изменился Русский мир, его изменила Украина. Семь лет назад мы говорили о Русском мире как о культурном феномене, мы говорили о мире русского языка и культуры. Сейчас все чаще Русский мир политизируется и становится категорией не столько культурной, сколько политической».

Победители II Международного молодежного творческого конкурса «Слово за нами!»

Церемония
подъема флагов
Русского мира

Но мы по-прежнему верим, что это – цивилизационный феномен. Мы рассматриваем его как единство духовное и языковое, как единство наших душ, наших устремлений. Мы присягнули на верность русской культуре и Русскому миру».

Приветствия в адрес VIII Ассамблеи Русского мира направили президент РФ Владимир Путин, председатель правительства РФ Дмитрий Медведев, председатель Государственной думы РФ Сергей Нарышкин.

Теперь в
сочинском парке
«Ривьера» растет
магнолия –
в память
о VIII Ассамблее
Русского мира

ВидеоОбращение
патриарха
Кирилла

Приветствие
В.В. Путина
участникам
Ассамблеи
зачитал
заместитель
руководителя
Администрации
Президента РФ
Магомедсалам
Магомедов

кин, министр иностранных дел Сергей Лавров, Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, председатель Совета министров Республики Крым Сергей Аксенов, полномочный представитель президента РФ

в Южном федеральном округе Владимир Устинов, губернатор Краснодарского края Александр Ткачев, председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы Владимир Якунин, председатель попечительского совета целевой комплексной программы «Духовно-нравственная культура подрастающего поколения» Светлана Медведева.

Приветствие Владимира Путина делегатам Ассамблеи зачитал заместитель руководителя Администрации Президента РФ Магомедсалам Магомедов. В своем послании глава государства приветствовал стремление фонда «Русский мир» внести свой вклад в решение общенациональных задач по объединению Русского мира и популяризации русского языка. Президент напомнил, что 2014 год – Год культуры, а следующий, 2015 год – Год литературы. Однако проходят они в сложных условиях, когда русский народ и носителей русского языка пытаются выставить агрессорами на Украине, в то время как русских людей убивают и превращают в беженцев. «Мы против агрессии и войны, – подчеркивается в послании, – еще и потому, что мы – многонациональная страна, где вражда между народами самоубийственна».

УКРАИНА, РОССИЯ И МИР

Работу Ассамблеи продолжила панельная дискуссия «Украина, Россия, мир», ведущим которой являлся председатель правления фонда «Русский мир». Лейтмотивом выступлений на панельной дискуссии стали несколько главных вопросов, сформулированных Вячеславом Никоновым: что означают события на Украине для России как государства? Что ждет Украину? Какой будет судьба Русского мира, который сегодня заявляет о себе на Юго-Востоке Украины? Какова цена санкций, введенных Западом против России? Мы приведем наиболее яркие моменты выступлений делегатов.

«Сегодня мы смотрим на то, что происходит на Украине, и понимаем, от чего мы ушли, – подчеркнул представитель Республики Крым в Совете Федерации Сергей Цеков. – Мы переживаем за Украину и желаем ей добра. И мы понимаем, почему Украина не состоялась как государство. По нашему мнению, это произошло по двум главным причинам. Первая – в том, что правящие элиты украинского общества строили государство на основе русофобии. Вторая – в том, что на протяжении последних 23 лет власти Украины пытались переориентировать страну с Востока на Запад».

«Новороссия – это мечта. Мечта о справедливом государстве, о народном государстве. Это символ русских, вставших с колен, – заявил лидер движения «Юго-Восток», спикер парламента Новороссии Олег Царев. – Что такое Русский мир и что такое «русский»? Я уверен, русский – это не просто национальность. Русские – это те люди, для которых высшими категориями являются право и справедливость. Русские долго разбираются, где правда. Но когда русский понял, что правда именно там, где он стоит, он становится непоколебим, и ему все равно, кто против него идет. Я не хочу обидеть европейцев, но, мне кажется, в Европе долго считают, у кого больше денег, а кто выигрывает, а где лучше быть. Для нас это не так. Именно поэтому мы победим».

«Что в этой ситуации можно сказать о США, НАТО и Евросоюзе? – задал вопрос глава Рос-

Во время работы панельной дискуссии «Украина, Россия, мир»

Глава Россотрудничества Константин Косачев: «Украинский национализм поощряется Западом»

сотрудничества Константин Косачев. – Если бы речь шла о демократических ценностях, которые они постоянно поднимают на свои знамена, то по логике вещей ущемление национальных меньшинств в стране, переписывание истории под конъюнктурные интересы должно было бы быть Западом отвергнуто, потому что они этого не терпят в своей среде. И национализм некоторых лидеров стран ЕС подвергается критике. А украинский национализм, наоборот, поощряется Западом. Почему? Да потому, что речь в этом случае идет о geopolитических интересах. К сожалению, Украина в этой ситуации – лишь незначительная фигура на шахматной доске. И я думаю, в этой ситуации единственным другом Украины остается только Россия».

«На протяжении многих лет российские элиты считали, что Украина и Россия – одинаковые, – подчеркнул директор украинского Центра политических исследований и конфликтологии Михаил Погребинский. – И разделение на два государства – это что-то случайное. И я считаю, что это одна из тех тяжелых ошибок, которые помимо всего прочего привели к нынешним трагическим обстоятельствам. Я себя считаю представителем той части русской Украины, которая не является частью Донецкой народной или Луганской народной республики, но представляет собой миллионы людей, которые считают себя частью Русского мира. И меня больше всего волнует судьба этих миллионов людей. Мы не понимаем, чем эта история закончится. И если она, не дай бог, закончится тем, что будет заморожен конфликт, то мы – часть русской Украины – окажемся неспособны сопротивляться тому давлению, которое уже начинает нарастать на все русское, что есть в нашей стране. Еще несколько лет назад даже на Западной Украине абсолютное большинство хорошо от-

Олег Царев:
«Что такое
Русский мир
и что такое
«русский»?»

Джульетто Кьеза:
«Демократия уже
не нужна никому
на Западе»

носились к России. Но за последние пять лет число таких людей сокращалось. Это естественные результаты политики, которую проводили все украинские власти. Гуманитарная политика была отдана на откуп украинским националистам. В итоге к власти пришла элита, настроенная резко антироссийски. А после этого произошел Крым. Замечательно, что люди в Крыму получили то, о чем мечтали много лет. Но надо отдавать себе отчет в том, что часть русских людей, которая живет на Украине, посчитала себя обиженной и поддержала сегодняшнюю власть. И искать выход из этой ситуации сложно. Но мне кажется, его не стоит искать в жестком противостоянии с Европой. Надо найти способ убедить Европу в том, что можно решить эти проблемы вместе. Я убежден в том, что почти вся Украина – часть Русского мира. И это страшная трагедия – то, что русские сейчас убивают русских». В конце своего выступления Михаил Погребинский попросил присутствующих минутой молчания почтить память всех жертв конфликта. Весь зал молча встал. «У Европы и России совместные ценности, у нас много точек соприкосновения, – подчеркнул исполнительный директор Германо-Российского форума Мартин Хоффман. – Но в данный момент мы не понимаем друг друга. Если бы вы сейчас приехали в Германию и включили телевизор, вы бы не пони-

мали, что там рассказывают и как обсуждают проблемы. А западные люди, когда приезжают в Россию и включают телевизор, тоже ничего не понимают. И мне кажется, именно поэтому сегодня так важна народная дипломатия. Мы должны говорить друг с другом, мы должны находить пути взаимопонимания и сотрудничества. Потому что если будет продолжаться нынешняя ситуация, то я боюсь, что Европа потеряет Русский мир, а Русский мир потеряет Европу. Я сейчас говорю не о политиках. Я призываю подумать о том, что нам делать сейчас для того, чтобы развивать гражданское общество, народную дипломатию, те связи, которые необходимы для того, чтобы мы были вместе».

«Украина – это не региональный и не европейский кризис. Это мировой кризис, – считает независимый журналист из Италии, бывший евродепутат Джульетто Кьеза. – Украина ис-

Авигдор Эскин:
«Я горд тем,
что Израиль
оказался
единственной
страной так
называемого
западного
блока, которая
отказалась
осудить Россию»

пользуется как дубинка против России. Когда я наблюдал за событиями на Украине, меня волновал один вопрос: почему так спешат? Украина уже давно была в руках американцев. Почему они начали атаку в феврале 2014 года? Они ведь могли спокойно подождать один год и выбрать нового президента? Ответ только один. Кризис в Америке. Это конец развития капитализма. Это конец эпохи благополучия. Это значит, что демократия уже не нужна никому на Западе. Никакой свободы слова не существует в Европе. Европа управляетя институтами, не имеющими ничего общего с демократией. Европейская комиссия – это демократия? Никто ее не избирает. Центральный банк Европы – это демократия? Никто его не избирает. У людей нет никакой власти. Это первое. Второе: информация. 90 процентов европейцев ничего не знают об Украине. Я могу вам сказать, что в течение апреля, мая, июня, июля, августа информация о событиях на Украине исчезла с каналов итальянского телевидения. Бомбили Донецк и Луганск, гибли люди – ни слова. Миллионы людей об этом ничего не знают. Но у России в Европе есть много возможных союзников. И знаете в чем проблема? Сведения о России отсутствуют в Европе! Это означает, что нужно приложить усилия, чтобы русский взгляд, русская культура вышли за границы Рос-

ции. Это означает, что надо открывать русские телеканалы. Везде: в Италии, во Франции, в Германии, в Англии. Нужно начать экспортировать русские идеалы».

«Я хочу поблагодарить Русский мир и всех вас за то, что снова, как это было 75 лет назад, вы оказались самыми чувствительными к веяниям абсолютного зла. Кто выступил против коричневой волны нацизма, которая покрыла сегодня всю Украину? Русский мир! – заявил израильский публицист Авигдор Эскин. – И я горд тем, что Израиль оказался единственной страной так называемого западного блока, которая отказалась осудить Россию. Ни один из наших министров не сказал ни слова критики в адрес вашего президента. И я хочу заметить, что суть конфликта на Украине на самом деле не территориальная. На Украине все началось с того, что русское слово пытались затоптать фашистским сапогом. Людям пригрозили, что их лишат всего дорогого... К сожалению, сегодня, если вы приедете в Киев, то в самом центре города на здании оперного театра увидите мемориальную доску, на которой написано «Герою Орлику»... Это мемориальная доска человеку, который был комендантом киевской полиции, который вел людей в Бабий Яр. Когда такое происходит, нельзя не вспомнить слова Карамзина: «...чего терпеть без подлости не можно». И мы не будем этого терпеть».

Панельная
дискуссия
«Культура
русской речи
в XXI веке»

НА КАКОМ ЯЗЫКЕ МЫ РАЗГОВАРИВАЕМ С БОГОМ

Агнес Рауш из Инсбрука и Чжэн Тиу из Шанхая оказались привередливыми русистами. В Сочи они приехали с прикладными задачами. Тиу – разобраться, почему в русском языке так много иностранных заимствований, а Рауш – как объяснить студентам, почему в русской публичной речи используется брань. Вот и пришли Рауш и Тиу на панельную дискуссию «Культура русской речи в XXI веке» каждый со своими вопросами, и не ошиблись.

«Культура русской речи снижается по двум направлениям – за счет обилия низкой лексики и некритического переосмысления иностранных заимствований, – открыла панельную дискуссию глава попечительского совета фонда «Русский мир» Людмила Вербицкая. – Еще русский философ Владимир Соловьев в XIX веке писал о том, что русской речи присущи три

стиля – высокий, средний и низкий. Высоким слогом мы разговариваем с Богом, средним – с окружающим миром, на низком обращаемся к себе. Но уже тогда Соловьев настаивал, что почти не осталось высокого стиля, а средний сдает позиции просторечию. Если эти параллели проводить с сегодняшним днем, то у нас почти не осталось среднего стиля. Низкий уверенно занял место среднего и просторечие продолжает наступать».

Вербицкая убеждена, однако, что красноречивые обличия этих явлений – «занятие пустое». Позиция «Русского мира» иная: надо кропотливо и последовательно, начиная с дошкольного образования, создавать современные речевые стандарты, сохраняя литературную норму речи. И вот о том, как это делать грамотно, и шла дискуссия.

Профессор филологии Кубанского государственного университета Сергей Малевинский считает, что одна из ключевых проблем – недостаток эталонных словарей. «Разнокалиберная речь», густо замешанная на просторечии, с его точки зрения, могла бы постепенно сдавать позиции под напором грамотно составленных словарей, оперативно и умело толкующих новые слова. Однако словари мало того что опаздывают, так еще часто противоречат в объяснении произношения слов. Малевинский, задавшись вопросом, чем руководствуются составители словарей и кодификаторы норм русского языка, предложил отстранять их от работы, если словари будут противоречить друг другу в толковании слов. «Лукавством» Малевинский и другие эксперты назвали игру в разночтения при произношении слов, напомнив, что языковая норма определяется степенью употребимости выражения и авторитетностью эталонного источника.

«Игра в разночтения – это лишь элемент процесса диквалификации русского языка, – убеждена профессор филологии МГУ Любовь Клобукова. – Увы, в образо-

Сергей
Малевинский:
«Чем
руководствуются
составители
словарей
и кодификаторы
норм русского
языка?»

ванном сообществе есть те, кто сознательно перестает заботиться о чистоте русского языка. Это дисквалификаторы. Опасность в том, что это грамотные специалисты, например, по рекламе товаров. Именно они внедряют в речь поток заимствований, употребляемых без перевода на русский язык. Один из последних примеров – «фейк». Это пример немотивированного заимствования, когда тот, кто «продвинуто» произносит слово «фейк», отсекает «маргиналов», не знающих английский язык. Что свидетельствует о расслоении социума. Мы должны бороться с явными и сознательными попытками дисквалификации русской речи.

И Малевинский, и Клобукова убеждены, что в этом направлении важны как поспевающая за временем, но не репрессивная законодательная база, так и научная работа и просвещение.

Профессор кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского университета Валерий Мокиенко, согласившись с тем, что средний стиль общения надо вернуть в публичное пространство, тем не менее встал на защиту ненормативной лексики. «Как только русский профессор хочет погрузиться в таинство русской браны, на него сразу смотрят косо, – делится Валерий Мокиенко, автор «Словаря русской бранной лексики» и «Словаря сквернословия». – Все же в погоне за грамотной речью, мы должны помнить о том, что мат и ненормативная лексика – элемент богатства русского языка. И это богатство надо уметь сохранять. Как? Говорить. Другое дело – где и как. На телевидении нашли выход – матерные выражения «запикивают». Но мне кажется, это лицемерие, а представление о том, что запрет приведет к вытеснению, – наивно. Поэтому легальную нишу для русского мата надо искать всему ученному сообществу».

Позже в кулуарах многие соглашались с тем, что сложилась странная ситуация: нас надо защищать от мата или мат – от злоупотребления им людьми? Столь же активно обсуждалось

предложение вице-президента МАПРЯЛ, президента Американских советов по международному образованию Дэна Дэвидсона, который заявил, что из-за Интернета надо пересмотреть условия культурной аутентичности. Особое внимание в современном мире, по его мнению, необходимо уделить адаптивной языковой практике и педагогике. Что позволит варьировать обучение, создавать новые структуры уроков, при которых учитель сможет не только осуществлять самостоятельную работу и контроль за учениками, но и работать индивидуально, а учащиеся – творчески.

С ним согласилась и.о. ректора Института русского языка имени А.С. Пушкина Маргарита Руслецкая. Она считает, что разработанный дистанционный курс изучения русского языка, который уже доступен в Интернете, и есть пример такой адаптивности преподавания современного русского языка. «Когда говорим о русском языке, – подвел итоги панельной дискуссии заместитель исполнительного директора фонда «Русский мир» Сергей Богданов, – речь идет о русской национальной идее. Эта идея в хо-

Председатель попечительского совета фонда «Русский мир» Людмила Вербицкая и заместитель исполнительного директора фонда Сергей Богданов

рошем смысле имперская. Идея гармоничного сосуществования множества этносов, идея исторической миссии России, которая как раз питается и обеспечивается русским языком и русской культурой. Но это тезис. Языковая практика ему иногда противоречит. У человечества в руках невероятный инструмент коллективного мышления – и Интернет, и социальные сети. У каждого человека есть теперь право на голос и публичную речь. И эти голоса зазвучали. Как результат – коммуникативный уровень социального существования стал падать. Наша задача – этот укрепляющийся уровень виртуального общения поднимать, насыщая реальностью. Через грамотный русский язык в том числе».

ПЕРЕКРЕСТОК МНЕНИЙ

Украинская тема была продолжена на круглом столе, прошедшем в Международном олимпийском университете. Желающих выступить на нем оказалось так много, что ведущему, Вячеславу Никонову, приходилось постоянно напоминать делегатам о необходимости соблюдать регламент.

Политолог Николай Злобин обратил внимание на серьезную проблему: Россию не понимают за рубежом и, увы, Россия мало делает для того, чтобы преодолеть это непонимание. «Сегодня, по сути дела, нет глобального экспертного сообщества, которое относится к России позитивно, – считает Николай Злобин. – К сожалению, в силу многих причин тут наша вина: России и Русского мира тоже, безусловно, есть, но вот это непонимание – серьезная системная проблема, которая перед нами стоит. Я думаю, здесь надо обращаться к молодежи в первую очередь. Я даже предложил бы создать под эгидой «Русского мира» детский «Русский мир» и начинать работать со следующим поколением, из которого вырастет следующее мировое экспертное, журналистское и политологическое сообщество».

«Здесь в Сочи присутствует значительная часть глобального

Вице-президент МАПРЯЛ, президент Американских советов по международному образованию Дэн Дэвидсон

экспертного сообщества, и я что-то не встретил здесь ни одного человека, относящегося к России негативно, – возразил Вячеслав Никонов. – Кроме того, я возглавляю академический форум БРИКС, и на его заседаниях я тоже не встретил ни одного человека, который бы негативно относился к России. Поэтому речь, скорее, может идти о западном экспертом клубе. Так что говорить об этом как о глобальном феномене я бы не стал.

«Еще совсем недавно я был украинским экспертом, – сказал эксперт МИА «Россия сегодня» Ростислав Ищенко. – Но месяц назад я поменял украинское гражданство на российское. Думаю, Украина уже прошла тот момент, когда она еще могла оставаться Русским миром. До февраля 2014 года мы еще могли выбирать. Но в феврале 2014 года на улицы вышли люди с автоматами, которые сказали: «Мы уже выбрали, и ваше мнение ничего не значит, даже если вас большинство». То есть на Украине произошло то же самое, что в России в 1917 году. Только на Украине к власти пришли нацисты. Именно поэтому они не могут прекратить войну на Востоке».

Глава ассоциации «Франко-Российский диалог» князь Александр Трубецкой призвал называть то, что сегодня происходит на Украине, геноцидом. «Бисмарк говорил, что напрямую воевать против России сложно, но можно действовать против нее, используя украинский национализм. Об этом он писал еще в XIX веке, – подчеркнул князь. – Чем могут помочь русские, живущие за пределами России? В первую очередь противодействием той информационной войне, которая ведется против России». Князь рассказал о том, что возглавляемая им ассоциация в сентябре привезла в Россию 15 французских парламентариев, которые после встреч с российскими дипломатами и депутатами поменяли свое мнение о событиях на Украине. «Я уверен, некоторые из вас имеют до-

ступ к парламентам стран, в которых вы проживаете, – обратился Александр Трубецкой к соотечественникам. – Привозите парламентариев в Россию, пусть они увидят и услышат другую сторону. Распространяйте сами информацию – ее много в Интернете. Предупреждаю, такие акции воспринимаются очень плохо. Нас уже обвиняют в том, что мы пятая колонна, что мы ставленники Путина, но я думаю, цена всего этого не такая дорогая по сравнению с тем, как страдают люди в Луганске и Донецке».

«Я представляю генерацию евроэнтузиастов, которые в последние годы стали разъяренными евроскептиками, – заявил лидер Христианско-демократического движения Республики Молдавия Юрий Рошка. – Украинский кризис помог России обрести национальную идею. Это идея консерватизма, традиционных ценностей, и сегодня Россия рассматривается во всем мире как оплот консервативного нормального уклада жизни. И это очень важно. Россия не должна оправдываться, Россия должна самоут-

верждаться, и мы очень рады, что это происходит. Однополярный мир закончился. Мир либо будет многополярным, либо перестанет существовать».

«Сегодня Запад и Россия втянуты фактически в словесную перепалку. Помогает ли это? Конечно, нет, – считает руководитель Русского центра Гронингенского университета (Нидерланды) Ханс ван Кёнинбрюгге. – В западных СМИ доминирует негативная информация в отношении всего, что касается России. И в российских СМИ ситуация ненамного лучше. Запад постоянно именуется партнером, но преподносится как источник всего того, что происходит неправильно в мире... Но я знаю: Россия – часть Европы, и это никуда не денется. Но справедливо и другое: Россия нуждается в Европе как в основном и коммерческом, и технологическом партнере, и, кратко говоря, изоляционизм – это тоже не ответ».

«ФИШ-КАРТА» ДЛЯ ЧИНОВНИКА

Людмила Вербицкая и профессор Санкт-Петербургского университета Евгений Хохлов – ведущие круглого стола «Русский язык: проблемы государственного регулирования» – начали общение с его участниками с обнародования данных интересного соцопроса, проведенного в СПбГУ. На вопрос: «Беспокоит ли вас состояние современного русского языка?» 80 процентов респондентов ответили «да». Почти 70 процентов опрошенных заметили, что нужен качественный учебник русского языка, а также увеличение часов, отведенных на изучение русского языка. Еще около 50 процентов считают, что надо повышать статус русского языка как государственного.

«Возможности государственного регулирования языка как инструмента коммуникации ограничены, и это факт, – считает Евгений Хохлов. – Тем не менее нужна серия законов, которые бы регулировали языковое общение и культуру. И тут надо начинать с качества действующих и создава-

Директор европейских программ фонда «Русский мир» Алексей Громыко – один из участников круглого стола «Украина, Россия, мир»

емых законов». Хохлов убежден, механизм правового регулирования не ограничивается только законами: «Закон – это средство, а цель – ее еще надо сформулировать. Однако пока даже филологи не договорились, чего они хотят от общества и как быть – законсервировать язык или отпустить его на свободу». Поэтому, как полагает ученый, скрупулезная работа юристов уместна лишь тогда, когда будут сформулированы цели принятия законов. Развивая эту мысль, Хохлов спросил филологов, участников круглого стола: «На ваш взгляд, что хуже: когда ребенок видит на заборе табуированное слово? Или рекламу, где слово «кошачий» написано с двумя «н»? На мой взгляд, страшнее второе. Более того. Считаю, пришло время для вмешательства государства: на основании закона надо наказывать тех, кто выпускает в эфир грамматические ошибки или намеренно искажает русский язык в рекламе. Именно потому, что дети – наше будущее, нужна государственная лингвистическая цензура. Думаю, это предмет общественного обсуждения».

Людмила Вербицкая поддержала Евгения Хохлова, но дала понять, что речь идет о решении очень тяжелой задачи. «Я более десяти лет, – призналась Людмила Вербицкая, – не могу добиться того, чтобы чиновники и депутаты, перед тем как занять государственную должность, сдавали бы государственный экзамен по культуре речи».

Так что же такое современный русский язык как государственный? Синоним литературного языка? Или у него особый статус? Или это сначала научная проблема филологов и лишь затем юристов и законодателей?

«У государственного языка есть дополнительный компонент звучания, – считает заместитель исполнительного директора фонда «Русский мир» Сергей Богданов. – Можно по-разному относиться к пониманию языковой нормы. Но мы должны создать систему законов и системы обеспечения этих законов».

Вячеслав Белоусов из Российского лингвистического университета принимал участие в разработке «Закона о государственном русском языке» от 25 октября 1991 года. С тех пор, хотя язык и получил статус государственного, содержательно ситуация не изменилась. «Наша проблема в том, что носители и законодатели небрежно относятся к родному языку, – уверен Вячеслав Белоусов. – Примеров тому, к сожалению, тьма. Так, на открытии Большого театра после его реконструкции очень важный чиновник раз пять сказал: «Большой – это наш бренд». Такое говорить – это прямое нарушение «Закона о государственном языке» – статья 1, параграф 6. Еще дальше пошел бывший глава Росрыболовства Андрей Крайний. Он в разгар кампании за то, чтобы сделать рыбалку платной, предложил ввести «фиш-карты». Это не просто безграмотно. Это попытка через систему подзаконных актов эту вопиющую безграмотность ввести как норму».

Участники круглого стола пришли к согласию, что принуждать чиновников не употреблять к месту и не к месту иностранные заимствования – занятие бессмысленное. А вот через систему законов о языке последовательно формировать в среде чиновничества и законодателей запрос на культуру речи – дело государственной важности. Правда, прогноз о том, когда этот запрос сформируется, ученыe дают пессимистический.

Круглый стол
«Русский язык:
проблемы госу-
дарственного
регулирования»

«ВОСКРЕСНАЯ МАЧЕХА»

Преподаватель русского языка Тель-Авивского университета Марина Низник в перерывах между работой секций не узнавала Сочи. «Другой город, – делилась впечатлениями она, – вот бы нам такими сделать русские школы!»

Все участники круглого стола «Русская школа за рубежом» говорили о том, что надо сформулировать: какой должна быть школа – воскресной, стационарной или факультативной (работающей в будни после школьных занятий два-три раза в неделю)? Или все эти комбинации уместны в разных условиях и в разных странах? Две другие проблемы – нехватка учебников и устаревшие методики преподавания, а также острый дефицит преподавателей. Так, в некоторых странах СНГ русский язык в ряде школ преподают гастарбайтеры по учебникам СССР 80-х и даже 70-х годов.

«Нам тоже нелегко, – объясняет Марина Низник. – Из-за того, что дети учат язык только по воскресеньям, у подростков интерес к нему падает. Это проблема: заставить изучать родной язык ребенка, растущего в иноязычной среде, трудно, если он не хочет. Выход – в интенсивности изучения языка и в том, что учебник должен быть занимательным. Ведь русский язык для билингва – это не данность, а выбор».

Впрочем, все эти доводы некому было услышать. Единственный официальный представитель на круглом столе – начальник отдела международного сотрудничества и поддержки русского языка при Министерстве образования и науки РФ Саргылана Брызгалова была весьма оптимистична в оценках, но от детального разговора о концепции поддержки русских школ за рубежом уклонилась. «Документ еще не принят, и отвечает за него Россотрудничество», – напомнила Брызгалова. И добавила: «Сейчас составляется реестр русских школ за рубежом». Как удалось выяснить «Русскому миру», появление концепции русских школ за рубежом ожидается лишь к концу 2015 года.

«НЕМЕЦКИЙ ПЛЕННИК» ЛЕРМОНТОВА

«Сегодня мы узнаем Лермонтова, о котором еще не слышали» – так открыла круглый стол «Кавказский пленник: неизвестный Лермонтов» ведущая – директор Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы Екатерина Гениева.

Когда к трибуне подошла заместитель директора Музея-заповедника Михаила Лермонтова в Пятигорске Татьяна Юрченко, сидящие в зале начали вспоминать о том, как почти каждый из них когда-то побывал в музее. «У нас есть «Книга отзывов», – рассказала Татьяна Юрченко, – музею 102 года, а ей 114. Эта книга – кладезь. В ней есть уникальная запись. Во время оккупации 1942–1943 годов музей по настоянию гитлеровской администрации работал. В Домик приходили в том числе и немецкие солдаты и офицеры. Как правило, в поисках ценных экспонатов или развлечений. Ничего не найдя, уходили. Единственный, кто из фашистов понимал ценность и величие фигуры Лермонтова, – это служивший в Пятигорске немецкий писатель и переводчик Зигфрид фон Фекензак. Уже после войны он перевел на немецкий язык стихотворение Лермонтова «Выхожу один я на дорогу». Однако у нас в стране он неизвестен, его книги не переводились, поскольку писатель служил у фашистов. Запись в книге отзывов фон Фекензак оставил короткую: «Лермонтов великий».

Многие участники круглого стола «Кавказский пленник: неизвестный Лермонтов» открыли для себя немало нового в биографии великого поэта

Посещение крохотного провинциального музея стало для немецкого писателя судьбоносным. Он оценил войну по-лермонтовски. Он написал рапорт руководству – «Об обращении с населением на восточных территориях», в котором излагает свое категорическое несогласие с отношением к людям на оккупированных землях. Последовали отставка и понижение в должности. Он прожил долгую жизнь, умерев в своем замке в Баварии в 70-е годы, написал более 70 книг. Одна из них, автобиографическая, написана в 1965 году. Называется «Переводчик на Восточном фронте. Воспоминания 1942–1943 годов». В ней есть глава «Случай в Пятигорске»...

Зал профессионалов, привыкших ко всяkim экзотическим историям, затих после выступления Татьяны Юрченко. «Я потрясена, – признается директор знаменитого Музея Михаила Лермонтова в Тарханах Тамара Милентьева. – Лермонтова не любить нельзя, если его знаешь, но знать и понять его трудно». Ответ на вопрос, почему Лермонтов остается многими непонятным, Милентьева нашла у Александра Блока, который писал: «Многие исследователи стоят на стороне Лермонтова. Он им не по зубам».

«Вот в чем разгадка, – считает Милентьева, – Лермонтов мно-

гим не по зубам, а привлекает к себе внимание. И, не понимая писателя и поэта, но прикоснувшись к нему, придумывают о нем то, что сами понимают, а то и вовсе небылицы. Я же хочу пожелать людям не бояться понимать и читать Михаила Лермонтова долгие годы».

ВОСТОК ИЛИ ЗАПАД?

На круглом столе «Славянофильство и западничество сегодня», где ведущим выступал главный редактор журнала «Русский мир. ги» Георгий Бовт, страсти кипели не хуже, чем в дискуссиях по украинскому вопросу. «Неслучайно у нас более двух веков идет спор между ориентацией на свои пространства от Балтики до Тихого океана и на Европу, куда пробурено, как известно, окно, – задал тон обсуждению академик Российской академии образования Виктор Костомаров. – Может быть, к счастью, что Петр Алексеевич прорубил туда не ворота, а окно, которое может быть прикрыто, когда нужно... Казалось бы, прогрессивная наша часть была ориентирована на Запад, забывая про свое. Может быть, очевидные цивилизационные успехи Запада нам немножко застили глаза. Мы перестали обращать на себя внимание и стали пренебречь собой. Кстати, даже вся политическая фразеология советского времени, не говоря уже о XIX веке – времени торжества ориентации на Запад, – и советские идеалы в значительной мере были заимствованы с Запада». Но, как заметил Виктор Костомаров, сегодня из Европы идет много цивилизаций, но не культуры. «Славянофильство и западничество – это традиционная рамка для описания русской истории, общественной мысли и идеологической борьбы, – считает доктор политических наук Игорь Зевелев. – Как мне представляется, это один из возможных инструментов анализа того, что мы видим и сегодня и в СМИ, и в культуре, и во внутренней и внешней политике. Мне кажется, эти понятия в какой-то мере могут помочь описать сегодняшнее отно-

Академик Виктор Костомаров: «Неслучайно у нас более двух веков идет спор между славянофилами и западниками»

шение России к Западу. Чего эти термины совершенно не могут описать, так это возможные пути развития современной России». По мнению Игоря Зевелева, в 2014 году произошло важное событие: проблематика Русского мира и соотечественников, ранее существовавшая вне поля, к которому можно было применить понятия славянофильства и западничества, теперь слилась с ним. «Из широкого набора концепций, появившихся в интеллектуальном дискурсе России после распада Советского Союза, после долгих колебаний и дебатов были выбраны две, которые представлялись наиболее подходящими для укрепления независимости, силы и влияния Российского государства и легитимизации власти. Первая – это идея о том, что Россия должна быть независимой великой державой, являющейся оплотом всех сил, борющихся против хаоса и либеральных идей, насаждаемых США и Европой. И вторая – это представление о существовании большого Русского мира и большой русской цивилизации, отличной от западной. И оба этих понятия гораздо шире, чем государственные границы Российской Федерации», – подчеркнул Игорь Зевелев. Однако, по мнению политолога, «дихотомия славянофильства и западничества трансформировалась в bipolarную структуру «западничество-антизападничество», и концепция Русского мира в своем новом измерении сыграла определенную роль в этой трансформации». Научный руководитель департамента политической науки факультета социальных наук Высшей школы экономики Марк Урнов отметил, что славянофильство и западничество вписываются в одну из компонент осмыслиения Россией себя в мировой системе. «Вторая компонента – кем мы хотим быть: великой державой или просто страной? – считает Марк Урнов. – Вот, наверное, в этом двухмерном пространстве мы колеблемся и располагаемся. Но

говорить о том, что все современные тенденции укладываются в дихотомию «славянофильство и западничество», вряд ли возможно». Коснувшись эволюции дискуссии между славянофилами и западниками, Марк Урнов отметил, что сегодняшние так называемые западники – это pragmatики, их идея заключается в возвращении страны в европейскую цивилизацию. Но «потенциал России после семидесяти лет тоталитарной вакханалии подорван настолько, что мы больше никогда не будем великой державой», – считает политолог. «Прозвучавший тезис о том, что можно не быть великой державой в нынешних условиях мирового порядка, слишком наивен, – возразил президент Национального фонда «Возрождение» Виссарион Алявдин. – Сейчас могут выживать только по-настоящему великие державы. Остальные являются их сателлитами. Нам никто не даст быть просто страной. В таком случае мы окажемся страной полуколониального, полуавтосимого или любого другого аналогичного статуса. Только статус великой державы дает возможность экономически процветать и защищать свои интересы». «Такое повышенное внимание к идеологии русской цивилизации – это показатель глубочайшего морального кризиса современной ситуации. Это не моя точка зрения. Это – Николай Бердяев, – пояснил доктор философских наук Александр Ципко. – Есть его знаменитая статья «Гибель русских иллюзий», где

Круглый стол «Славянофильство и западничество сегодня» не оставил равнодушным никого из участников

он показывает, что идея русской цивилизации обычно возникает в условиях глубочайшего морального кризиса». По мнению Александра Ципко, в основе многих сегодняшних проблем российского общества лежит простой факт: идея декоммунизации потерпела поражение.

После выступлений основных докладчиков жесткая дискуссия развернулась среди всех участников круглого стола. Кто-то говорил о том, что приближение НАТО к границам РФ приведет в итоге к сближению позиций славянофилов и западников. Кто-то эмоционально допытывался, почему, если коммунистов призвали к покаянию, не покаяться теперь и так называемым либералам. Одни возмущались: почему россиянам нельзя называть свою страну «великой державой»? Кто-то требовал прекратить раскалывать Русский мир. Другие цитировали Ильина, Бердяева, Достоевского, Бунина, защищая то славянофилов, то западников. Итог подвел Георгий Бовт: «То, что мы сейчас спорим до хрипоты, на самом деле вовсе не означает, что мы раскалываем Русский мир. Мы спорим ради того, чтобы сделать его сильнее. И вот в этом все как раз едины».

«РИСКОВАТЬ НАДО ВМЕСТЕ»

В этом году в рамках Ассамблеи было решено провести новую панельную дискуссию – «Открытая трибуна». И, надо сказать, формат, испробованный впервые, оправдал надежды, дав импульс новым проектам. Первым на «Открытой трибуне» выступил ответственный секретарь Бельгийской федерации русскоязычных организаций Сергей Петросов. Он предложил в идущих информационных войнах активнее использовать русские диаспоры, разбросанные по всему свету. «Мы, живущие за границей, – объект и субъект информационных войн, – считает Сергей Петросов. – Мы на своеобразной передовой. Поэтому нами придуман проект «Русская диаспора и информационные войны

XXI века». Наша цель – адекватно донести до западной аудитории российское видение международных проблем. Одни мы проект финансово не потянем. Хотим обратиться за помощью к фонду «Русский мир».

Ответ исполнительного директора фонда «Русский мир» Владимира Кочина стал лейтмотивом «Открытой трибуны»: «Нам такие проекты нужны. Готовы вас поддержать, но ничего не будем делать в одиночку. Рисковать надо вместе. Поэтому у меня к вам встречный вопрос – кто еще участвует в этом проекте?»

Выяснилось, что участников, способных работать вскладчину, достаточно прежде всего потому, что информационные войны приобретают высокотехнологичное звучание, что делает их довольно дорогостоящими. Хотя есть и исключения. Так, набирающее обороты интернет-телевидение уже показало свои возможности на Украине во время Майдана.

С серией новых инициатив выступил координатор русской диаспоры в ОАЭ Альберт Егоров, где живут около 100 тысяч соотечественников. «Это совсем иная эмиграция – деловая, – говорит Альберт Егоров, – поэтому мы следим за актуальной для России тенденцией, которая складывается на Ближнем Востоке. Эти страны не поддерживают западные санкции против России. Нам нужно использовать этот ресурс – к нам отношение на арабском Востоке позитивное». Альберт Егоров предложил фонду поучаствовать в создании российского образовательного кластера на Ближнем Востоке, что было воспринято как перспективный проект.

Не меньший интерес вызвало выступление президента Русского общества культуры и искусства в Анталье Ирины Балджи. Она предложила открыть Русский центр в Анталье и создать русско-турецкую школу. «Правда, есть условие, – предупредила Ирина Балджи. – Турция готова профинансировать открытие турецких школ или классов в

Москве, Петербурге и Казани, где живет много семей турецких бизнесменов и рабочих, в ответ предоставив России открыть русские школы в Анталье, Стамбуле и других городах на выбор россиян». Ответ представителей фонда был мгновенным: «Это предмет переговоров».

Очень внимательно присутствующие слушали выступление представителя немецкого общества «Восток – Запад» Петера Франка. «В Германии после введения санкций ЕС против России немало тех, кто с ними не согласен и симпатизирует вам, – сказал Петер Франк. – У нас около 70 разных сообществ – молодежный и школьный обмен, языковые программы, туристические. Благодаря им, несмотря на то, что к России в СМИ отношение негативное, у общества отношение к россиянам позитивное. Все федеральные газеты Германии даже закрыли свои блоги – слишком много позитивных высказываний о России. Идет борьба, как мы говорим, между «атлантиками» и пророссийски настроенными немцами. Мы все в нее включены. Я обращаюсь к вам за помощью: «Русский мир» может поддержать этих людей? Есть у нас возмож-

ность написать заявку на грант, например?» «Мы, разумеется, не можем оставить без внимания тех, кто и говорит по-русски, и не говорит по-русски, но симпатизирует России, – ответил Владимир Кочин. – Все инициативы будут рассмотрены».

Приехавший в Сочи из Кишинева депутат парламента Молдавии Константин Старыш убежден, что важен международный контекст, в рамках которого проходит Ассамблея. «Посмотрите, что происходит? – сказал Старыш. – За последние двести с лишним лет жизни Российской империи, СССР, а теперь новой России создана уникальная модель существования разных народов и культур. Правда, она требует сохранения и модернизации, но она жизнеспособна даже после раз渲ала СССР, что доказывает экономический и гуманитарный опыт СНГ. А вот политика Евросоюза, точнее, его политика мультикультурализма потерпела крах, что признают даже в ЕС. Однако европейские ценности – демократия, свобода слова и перемещения, равенство – сформулированы и внедряются в сознание. Хотя что мы видим на деле: кем в ЕС могут быть почти свободно перемещающиеся туда молдаване, украинцы или литовцы? Бесправными гастарбайтерами. А вот евразийские интеграционные ценности не сформулированы вообще. И я полагаю, это и есть проблема и миссия «Русского мира». Со Старышем согласились не все участники «Открытой трибуны». Один из аргументов звучал так: Евросоюз четко сформулировал базу европейских ценностей, а Россия и «Русский мир» не только их не сформулировали, но и тянут с оформлением евразийских ценностей в действующую модель существования. Хотя в кулуарах оппоненты окружили Старыша и благодарили его за смелость и инициативу. «Просто не надо спешить», – уверяли они. «Нам надо спешить, – горячился Константин Старыш, – иначе зачем открыли «Открытую трибуну»? Чтобы поговорить? Нет. Пора переходить к делу».

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ РЕСУРС

АВТОР

ЛАДА КЛОКОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

СОВМЕСТНОЕ ЗАСЕДАНИЕ КОМИТЕТА ГОСДУМЫ ПО ОБРАЗОВАНИЮ И КОМИТЕТА МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ДУМЫ ПО ВОПРОСАМ ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ РАССМОТРЕЛО СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.

ВОПРОСЫ, ОБСУЖДАВШИЕСЯ на круглом столе «Расширение возможностей предоставления дополнительного образования для детей, его финансирования из различных источников», касались, скорее, практического взаимодействия и координации усилий различных ведомств в решении проблем этой сферы.

«Современный мир – это мир знаний, современная экономика – это экономика знаний. И набор тех компетенций, которыми должны обладать наши дети, сейчас нам даже сложно себе представить, – подчеркнул в своем выступлении глава комитета Госдумы по образованию, декан факультета госуправления

МГУ, председатель правления фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов. – По мнению Организации экономического и социального развития, мы уже являемся самой образованной страной, поскольку по числу людей с высшим образованием давно вырвались вперед. У нас 60 процентов взрослых людей в стране имеют высшее образование, нам уступают по этому показателю Канада (54 процента), Израиль (47 процентов), США (43 процента) и Япония (43 процента). Но вы же понимаете, что эта цифра не может нас радовать, поскольку значительная часть наших людей получали высшее образование в псевдовузах. А спрос на высококвалифицированную рабочую силу растет,

и будет расти и дальше. И вот что важно: каждый сейчас, исходя из нашего закона об образовании, вступившего в действие в сентябре прошлого года, имеет возможность получить уникальный набор знаний благодаря дополнительному образованию. Правительством РФ в сентябре утверждена концепция развития дополнительного образования. Существует указ президента РФ от 7 мая 2012 года, в котором поставлена задача увеличения к 2020 году числа детей в возрасте от 5 до 18 лет, обучающихся по дополнительным образовательным программам, в общей численности детей этого возраста до 75–77 процентов, при условии, что 50 процентов из них должны обучаться за счет бюджетных ассигнований». Заместитель председателя комитета Госдумы по образованию Ирина Мануйлова обратила внимание собравшихся на то, что федеральных стандартов и федеральных требований в отношении дополнительных программ не существует. «И самостоятельная разработка программ для небольших организаций может представлять значительные трудности, – считает Ирина Мануйлова. – Мы думаем, что необходимо создавать банк программ, которыми могли бы пользоваться

Заместитель
председателя
комитета Государ-
мы по образо-
ванию Ирина
Мануйлова

ваться все. Он должен быть обще-
федеральным и общедоступным». «На территории Московской области работает 635 организаций дополнительного образования, – сообщил заместитель министра образования Московской области Юрий Картушин. – Общее число обучающихся в них детей превышает 66 тысяч. В 2014 году расходы консолидированного бюджета области на дополнительное образование составили 8,6 миллиарда рублей, в 2015 году эта сумма составит 11,6 миллиарда». Юрий Картушин особо подчеркнул, что результаты опросов среди учащихся 12–14 лет Московской области говорят о том, что абсолютное большинство детей не рассматривает занятия в организациях дополнительного образования как обучение. «Они рассматривают его как организацию

досуга. Многие посещают организации дополнительного образования исключительно под давлением родителей, – сказал Юрий Картушин. – Однако интересно то, что практический смысл таких занятий дети понимают. Дополнительное образование явно востребовано и родителями, и детьми. И нам необходим поиск новых форм развития учреждений дополнительного образования».

«С кем ни поговоришь, все говорят, что дополнительное образование у нас платное. И это удивительно, – подчеркнул заместитель министра образования и науки РФ Вениамин Каганов. – Почему? Судите сами. Общее финансирование всех организаций дополнительного образования у нас в стране составляет свыше 138 миллиардов рублей. Из них 128 миллиардов – это бюд-

жетное финансирование. У нас работает 10 тысяч организаций дополнительного образования, из них более 7 с половиной тысяч – городские, остальные – сельские». Говоря о реализации указа президента об охвате к 2020 году дополнительным образованием не менее 75 процентов детей, Каганов подчеркнул, что это очень сложная задача. «Каждый регион решает эту задачу в силу своих традиций, разумения, талантов, финансовых возможностей, в конце концов, географии, что немаловажно, – отметил Вениамин Каганов. – Сегодня наибольшим охватом детей в возрасте от 5 до 18 лет у нас может похвастаться Ульяновская область. Далее идут Калужская область, Карелия, Ненецкий автономный округ, Удмуртия и так далее. Наименьшие показатели демонстрируют Дагестан, Чечня, Еврейская автономная область, Тверская, Челябинская, Новгородская, Сахалинская области и Республика Ингушетия».

Заместитель министра образования и науки также сообщил, что комплексный план развития дополнительного образования в настоящее время проходит согласование в ведомствах. Кроме того, Вениамин Каганов призвал очень внимательно отнестись к существующему ресурсу в сфере государственно-частного партнерства, привлекая к сотрудничеству в этом направлении крупнейшие инженерные и технические компании.

Заместитель
министра
образования
и науки
Вениамин
Каганов

РАВНОДУШНЫХ НЕТ

АВТОР

ЛАДА КЛОКОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ИТОГИ ПРОВЕДЕНИЯ ЕДИНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭКЗАМЕНА В 2014 ГОДУ И ИЗМЕНЕНИЯ, КОТОРЫЕ ПЛАНИРУЕТСЯ ВНЕСТИ В ПРОВЕДЕНИЕ ЕГЭ В 2015-М, ОБСУЖДАЛИСЬ НА ЗАСЕДАНИИ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ 20 НОЯБРЯ.

«Е

ГЭ – ЭТО ВОПРОС, который постоянно обсуждается в СМИ, в Государственной думе, в профессиональных сообществах и в обществе. И он никого не оставляет равнодушным» – эти слова председателя комитета Госдумы по образованию, декана факультета госуправления МГУ, председателя правления фонда «Русский мир» Вячеслава Никонова можно считать точной характеристикой прошедшего обсуждения. Равнодушных в зале действительно не было. Главе Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор) Сергею Кравцову пришлось не только отчитаться по итогам ЕГЭ-2014, но и выслушать немало предложений,

а также ответить на огромное количество вопросов.

Сначала руководитель Рособрнадзора отчитался о выполнении рекомендаций, данных депутатами еще в октябре 2012 года. К примеру, речь шла о том, что ЕГЭ нужно не только проводить в конце учебного года, но и дать возможность ученикам сдавать экзамен по отдельным предметам, не дожидаясь мая-июня. «Такая возможность будет предоставлена школьникам уже 14 февраля, в частности, по географии», – отметил Сергей Кравцов. Два года назад было предложено создать открытый банк заданий. «Это решение оказалось очень эффективным, – считает Сергей Кравцов. – В прошлом году мы создали в Интернете банк с примерными за-

даниями по всем предметам, и этот ресурс оказался у учеников одним из самых востребованных. Готовясь к экзаменам, школьники им активно пользовались. В нынешнем году мы продолжили эту работу, и сегодня банк насчитывает уже свыше 100 тысяч заданий».

Также по рекомендации депутатов была отменена тестовая часть заданий ЕГЭ по математике, литературе и русскому языку. Шла речь и об увеличении числа общественных наблюдателей на ЕГЭ. «Эту рекомендацию мы тоже выполнили, – сообщил Сергей Кравцов. – В 2014 году мы впервые привлекли в качестве федеральных наблюдателей студентов и, кроме того, ввели институт федеральных инспекторов. Эту же практику мы продолжим и в 2015 году». Еще одна реализованная рекомендация – сертификация пунктов проведения ЕГЭ. «Мы разработали соответствующие требования и в 2014 году проверили каждый пункт сдачи экзамена на соответствие этим требованиям, – пояснил глава Рособрнадзора. – В этом же году мы завершим аудит всех региональных центров обработки информации. Также была реализована инициатива по использованию видеонаблюдения, применявшегося на выборах президента. И сегодня несколько десятков тысяч камер и вся инфраструктура, установленная Ростелекомом в школах, использу-

ются для дистанционного обучения. И будут использоваться для мониторинга качества образования». Кроме того, были подготовлены необходимые рекомендации по разработке специальной литературы по подготовке к ЕГЭ и экзаменационных заданий для детей с ограниченными возможностями и организации пунктов проведения экзамена в стационарах.

«Результаты ЕГЭ в 2014 году по всем предметам ниже, чем в 2013-м, – подытожил Сергей Кравцов. – Но это говорит не о том, что значительно снизилось качество образования – за год это просто невозможно, – это свидетельствует о том, что раньше при сдаче ЕГЭ существовала некая дельта нечестности, подтасовки. При этом мы считаем, что не надо наказывать учителей, надо проанализировать результаты и понять, что необходимо сделать, чтобы повысить качество образования».

Судя по всему, понимать, что необходимо делать, надо срочно. По данным Рособрнадзора, 80 процентов учащихся пишут с орфографическими и пунктуационными ошибками. 20 процентов выпускников не знают Закон Ома, а 36 процентов не умеют снимать показания с измерительных приборов. 50 процентов выпускников не относят к Сталинградской битве бои за Мамаев курган, 28 процентов не знают, что Акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии подписал Георгий Жуков, 60 процентов не могут определить эпоху, которая описывается в «Сло-

ве о полку Игореве», а 22 процента уверены, что первые советские космические ракеты создал Вавилов. «По математике четверть выпускников не могли решить задание: поезд Мурманск – Санкт-Петербург отправляется в 9.15, прибывает в 11.15 на следующий день. Сколько часов поезд находился в пути? – продолжал приводить примеры Сергей Кравцов. – То есть каждый четвертый выпускник».

Глава Рособрнадзора призвал не политизировать ситуацию, а осмыслить и проанализировать результаты ЕГЭ-2014, чтобы планомерно работать дальше. Сергей Кравцов подчеркнул, что одна из главных задач – столь же объективно провести ЕГЭ в 2015 году и в последующие годы, а также ввести утвержденные новшества. Это – увеличение заданий по истории, введение устной части при сдаче иностранных языков, базового и профильного уровней по математике, а также сочинения как до-

Глава
Рособрнадзора
Сергей Кравцов
(слева) отчитался
о работе
ведомства
на заседании
комитета
Госдумы по
образованию

Первый
заместитель
председателя
комитета
Госдумы по
образованию
Олег Смolin

пуска к государственной итоговой аттестации.

«Я хочу подчеркнуть, что ЕГЭ не может служить единственным измерителем оценки качества школьного образования, – отметил Сергей Кравцов. – Поэтому с нынешнего года мы впервые начинаем национальное исследование качества образования».

«ЕГЭ в этом году прошел гораздо более честно, что отразилось на его результатах, – подчеркнул Вячеслав Никонов. – Качество образования не ухудшилось, улучшилась честность сдачи ЕГЭ. Хотя, конечно, все вопросы сняты, безусловно, невозможны. И, честно говоря, я бы не ответил правильно – по мнению экзаменаторов – на вопрос о том, кто подписал Акт о капитуляции. Акт был подписан генералом Суслопаровым, что Сталину не понравилось, и на следующий день была организована еще одна церемония подписания акта Жуковым. Так что вопросы иногда бывают... неоднозначные. Они могут вызвать замешательство даже у людей, которые неплохо знают историю».

В целом депутаты позитивно оценили работу Рособрнадзора. Но затем последовали вполне ожидаемые споры и вопросы по поводу качества образования и того, как можно добиться его повышения. «В наше время высшей математики в школьной программе не было, но я не могу себе представить, чтобы кто-то из моих однокашников не мог решить задачку про поезд из Мурманска, – посетовал первый заместитель председателя комитета Госдумы по образованию Олег Смolin. – Есть определенная психологическая закономерность: когда мы перегружаем детей чем-то, что им трудно освоить, они перестают осваивать даже то, что им освоить легко. Надо пересмотреть школьные программы, чтобы они были доступны подавляющему большинству детей». Большинство депутатов сошлись во мнении, что ЕГЭ – это всего-навсего индикатор того уровня знаний, который имеют российские выпускники. «Да, ЕГЭ в этом году прошел честно – и что дальше? – вопрошал депутат Григорий Балыхин. – Как изменить содержание образования в школе? Что изменить в наших

стандартах? Что сделать для того, чтобы выпускники наших педвузов становились нормальными учителями? ЕГЭ не может влиять на качество. Его главные характеристики – объективность, честность и доступность – это производные тех задач, которые должны позволить обеспечить повышение качества образования».

«Я учитель математики 70–80-х годов и обязан признаться, что если бы в эти годы ваш вопрос про поезд задали бы всей возрастной когорте, а не только тем, кто дошел до девятого класса, да еще в условиях невозможности подсказки и списывания, то, боюсь, процент ответивших неправильно был бы не меньше, чем сегодня, – считает глава департамента образования Москвы Исаак Калина. – ЕГЭ работает не как выпускной из школ, а как вступительный в вуз. Мы должны его сравнивать со вступительными 80–90-х годов, и тогда мы поймем, что ничего страшного в результатах ЕГЭ нет. ЕГЭ – кратко объективнее, чем выпускные экзамены, скажем, 1999 года. И это самый важный результат. Потому что без объективного завершения невозможно обеспечивать качество. Но мы обязаны в то же время и признаться в том, что за пятнадцать лет ЕГЭ ради обеспечения технологии, которая дает объективность, мы в какой-то степени пожертвовали качеством содержательности экзаменационных материалов. И мне кажется, экзаменационные материалы надо активнее насыщать классическим содержанием. Это очень сложная задача. Но это необходимо сделать, чтобы не допустить скатывания в обычное настаскивание на билеты. И думаю, программу надо делать не легче, а реалистичнее».

На заседании комитета развернулась активная дискуссия

ДРУЖБА НА ЯЗЫКЕ САНКЦИЙ

АВТОР

АННА ЛОЩИХИНА

12-Й МОСКОВСКИЙ ФОРУМ «ПАРТНЕРСТВО С РОССИЕЙ В ЕВРОПЕ» БЫЛ ЗАЯВЛЕН КАК ШАНС «ПОЗНАКОМИТЬСЯ» ЕС С ЕВРАЗИЙСКИМ СОЮЗОМ. ШАНС – ПОТОМУ ЧТО ФОРУМ ОСТАЕТСЯ ЕДВА ЛИ НЕ ПОСЛЕДНЕЙ ДИСКУССИОННОЙ ПЛОЩАДКОЙ. ДВА ДРУГИХ ПОДОБНЫХ ФОРМАТА ВСТРЕЧ – «РОССИЯ – НАТО» И «ПЕТЕРБУРГСКИЙ ДИАЛОГ» – ИЗ-ЗА СОБЫТИЙ НА УКРАИНЕ ПЕРЕЖИВАЮТ КРИЗИС. КАК, ВПРОЧЕМ, И ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И ЕВРОСОЮЗА. ПОИСКУ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА И ПОНИМАНИЮ ТОГО, КОНКУРЕНТЫ ИЛИ ПАРТНЕРЫ БРЮССЕЛЬ И ЕВРАЗИЯ, И БЫЛА ПОСВЯЩЕНА ВСТРЕЧА.

СНАЧАЛА ОРГАНИЗАТОРЫ – ФОНД «Русский мир», фонд «Единство во имя России» и Фонд Фридриха Эберта (Германия) – определились с тем, что смысл полемики – поиск позитивной повестки дня. «Как экономист, я понимаю, что есть вещи важнее экономики, – взял изначально компромиссную ноту общения Руслан Гринберг, директор Института экономики РАН. – Никто же не ожидал, что к нам вернется geopolitika в столь отвратительном ее виде. Когда я был вместе с Михаилом Горбачевым на торжествах по поводу воссоединения Германии и видел расположность немцев к нам, мелькнула мысль: «Вот он, шанс добрососедства». Просто участникам взаимных экономических санкций надо осознать, что яблоко раздора между нами – Украина. Запад не смог справиться с комплексом триумфатора в холодной войне по отношению к России, а Россия – с комплексом «старшего брата» по отношению к Украине. Сторонам это надо признать и двигаться дальше». Настрой Гринберга вызвал оживление. При этом и представители ЕС, и представители России согласились не только с ним, но и с мнением одного из гостей о том, что всем надо преодолевать узость обзора: «Ведь пока то, что мы видим, зависит от того, на какой стороне горы мы находимся».

Однако по первому же постулату каждая из сторон четко встала на свою сторону «горы». Москва убеждена, что для возобновления диалога не должно быть никаких предварительных условий, а Брюссель дал понять, что на отмену экономических санкций против России он готов «при соблюдении права соседей на самоопределение» и «понимании, что никто не имеет права на внешнее вмешательство, а Крым – «такой вызов».

Причем все официальные лица ЕС и Еврокомиссии просили не называть их имен, подчеркнув, что формат встречи неофициальный, но при этом они ясно дали понять, что Крым – «это наша принципиальная позиция».

«Наша позиция тоже основана на принципах, – пировал Вячеслав Никонов, председатель правления фонда «Русский мир», – в том числе права наций на самоопределение. И поверьте, в Кремле смелые люди принимали решение о принципах воссоединения Германии как элемента ее права на самоопределение. Другое дело, что по окончании холодной войны США решают, что законно или не законно. Например, без мандата ООН бомбардировка Ливии или Сирии – законны? Или как элемент «цветных революций» – конституционный переворот на Майдане в феврале 2014 года? В этих условиях для нас 90 процентов проголосовавших за присоединение Крыма к России – это вопрос принципа. Как и право Донбасса на автономию и мир. Тем не менее мы подчеркиваем – нужна форма диалога». И вот о том, как может выглядеть диалог между ЕС и Евразийским союзом, и полемизировали участники форума. Позиция Брюсселя – конечно же, «конкуренция и сотрудничество от Лиссабона до Владивостока». Мотивация – конкуренция мобилизует и подтягивает любую экономику. Что же касается кооперации двух экономических союзов, то, по мнению Брюсселя, «потенциал кооперации есть, особенно на техническом уровне». Однако, как заметил один высокопоставленный чиновник Еврокомиссии, «Россия не любит конкуренции». В доказательство он привел примеры ответных санкций Москвы на поставку в Россию пищевых и растительных продуктов, а также растущее наступление на импорт автомобилей из стран ЕС. Тем не менее позиция Евросоюза: «Мы не против Евразийского союза», но красавый лозунг «Конкуренция и сотрудничество от Лиссабона до Владивостока» нереализуем без либерализации экономик двух союзов и соблюдения правил ВТО.

«Я часто общаюсь с российскими бизнесменами, так вот они считают, что нет более непроницаемого рынка, чем бизнес ЕС, – снова жестко включился в полемику Вячеслав Никонов. – Европейцы не привыкли к симметрии. Что же касается «маленькой» экономики стран Таможенного союза, то это бесспорно. Но за двадцать последних лет динамика роста уровня жизни говорит в пользу, например, Белоруссии, Казахстана и России, которые обходят по уровню жизни Хорватию и Венгрию, членов ЕС, а Болгария, Румыния, Латвия – тоже члены ЕС – на

старте имели выше уровень жизни, чем страны ТС, но заметно отстали от них».

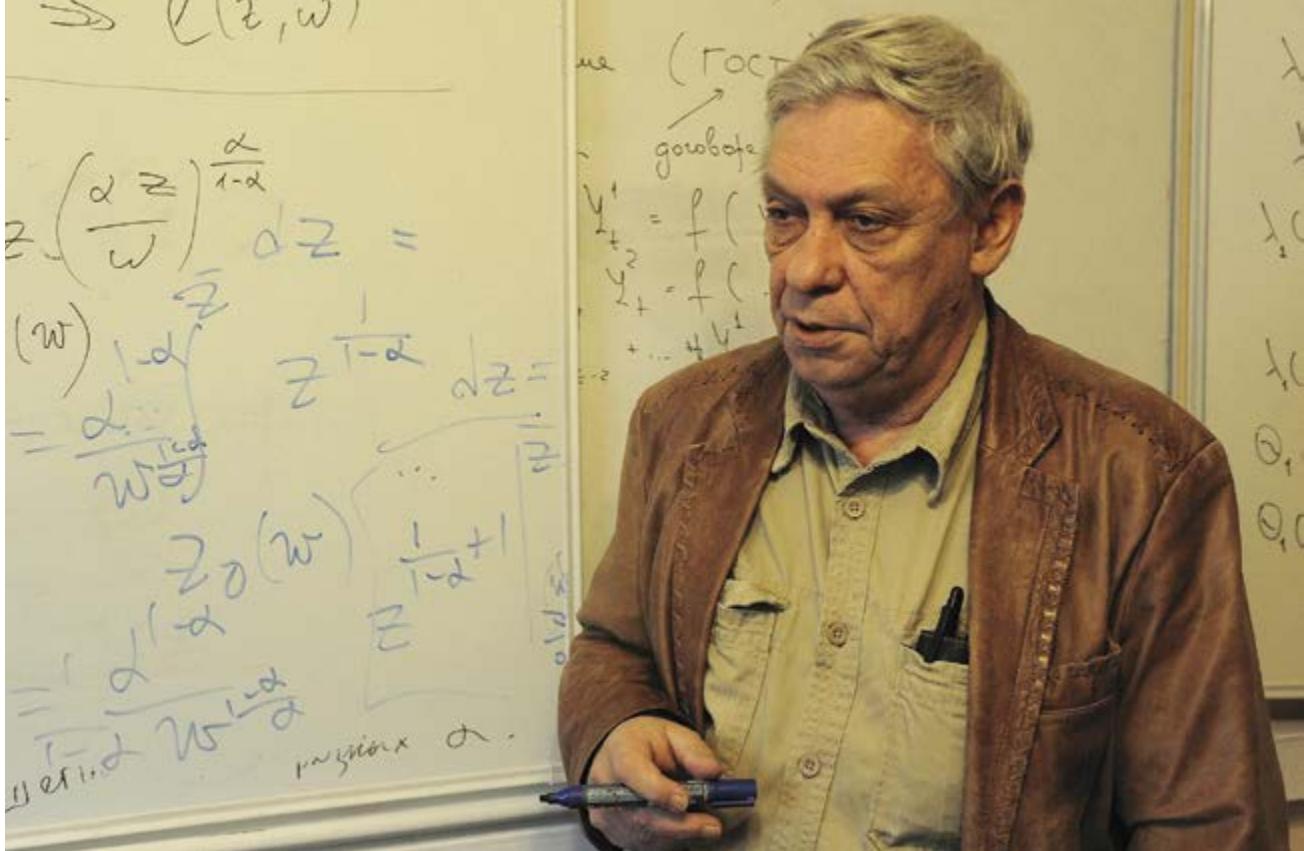
На что оппоненты ЕС ответили в том духе, что «прозрачность рынка ЕС подразумевает взаимодополняемость экономик стран-партнеров, а обмен сырьем на готовые изделия – это не взаимодополняемость». Другой аргумент – «экономика РФ составляет до 70 процентов экономического потенциала Евразийского союза и до 85 процентов экономического потенциала СНГ». Отсюда тактика Брюсселя – он последовательно устраивается от того, чтобы воспринимать Евразийский союз и СНГ как единое партнерское целое. С пятеркой стран – Азербайджаном, Арменией, Грузией, Молдавией и Украиной – он строит отношения по программе «Восточного партнерства» ЕС, с Россией – особые отношения, а со всеми остальными странами СНГ – индивидуальные.

«Разрозненные», – не согласился с гостями из ЕС Леонид Григорьев, профессор факультета мировой экономики и политики ГУ-ВШЭ, подчеркивая, что ЕС не замечает таких региональных объединений, как СНГ или Таможенный союз.

В целом стороны полемики пришли к заключению, что и ЕС, и Евразийскому союзу «пора взрослеть»: вежливо слушать друг друга научились, пора услышать. Так, собеседники от ЕС пытались доказать, что Евразийский союз – это ответ Москвы на инициативу создания Евросоюзом «Восточного партнерства». На что российские оппоненты заметили, что «Восточное партнерство» создано в 2007 году, а проект Евразийского союза возник в 2002-м. Хотя первым о нем заговорил еще в 1993 году президент Казахстана Нурсултан Назарбаев.

Правда, примирительная интонация обеих сторон – во всяком случае, желание найти способы сотрудничества – очевидна. Так, если раньше стремление России интегрировать постсоветское пространство в экономический союз или в какие-либо формы кооперации неизбежно вызывало, например, в США подозрение в желании «воссоздать советскую империю», чему вторила часть политиков ЕС, то на 12-м форуме «Партнерство с Россией в Европе» многое поменялось. Возможно, впервые прозвучало признание Брюсселя: «Мы не против Евразийского союза».

Значит, пусть болезненные, но поиски точек соприкосновения ЕС и Евразии продолжатся. В этом смысле символичным было обращение многих экспертов и гостей форума к мистическим числам – 1814, 1914 и 2014. Но если раньше, все, как правило, говорили о «дамокловом мече» 1914 и 2014 годов, то форум «Партнерство с Россией в Европе» предпочел иную трактовку числа «14» – 1814 год. Год, когда три европейские страны – Австро-Венгрия, Германия и Россия – остановили шествие Наполеона по Европе, а «концерт держав» на Венском конгрессе 1814–1815 годов принес мир на континент на долгие годы. Так вот новый «концерт региональных союзов» уже в 2014 году тоже обещает поиск способов отказа от взаимных экономических санкций, а по большому счету – поиск мира.

«ВОЙНА САНКЦИЙ» В ЗЕРКАЛЕ БОЛЬШОЙ ПОЛИТИКИ

БЕСЕДОВАЛ

ФОТО

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ АНДРЕЯ СЕМАШКО

НА ВОПРОСЫ ЖУРНАЛА
«РУССКИЙ МИР.RU» ОТВЕЧАЕТ
ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ РАН,
ЗАВЕДУЮЩИЙ ОТДЕЛОМ
МАТЕМАТИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ
ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОГО ЦЕНТРА
ИМЕНИ А.А. ДОРОДНИЦЫНА РАН
ИГОРЬ ПОСПЕЛОВ.

— ИГОРЬ ГЕРМОГЕНОВИЧ, В ПРЕДЫДУЩЕЙ беседе с вами (см. «Русский мир.ru» №7 2012) мы уже обсуждали парадоксы современной мировой экономики, которая характеризуется прежде всего насыщением рынка. В этой ситуации экономические санкции Евросоюза против РФ выглядят довольно рискованной для самой Европы мерой, поскольку Россия была для всей европейской экономики рынком номер один. Наши «ответные» санкции в этом смысле ничего существенно не прибавляют к тому, что Европа и так теряет сама. При этом происходит все из-за Украины. Нестабильная ситуация в экономике съезжает к еще более нестабильной... Кому в таком случае это выгодно?

— Формально нас наказывают за «аннексию» Крыма и за поддержку «сепаратистов» Юго-Востока Украины. Но, думается, все началось с прошлогодних событий в Сирии. С желания Америки покончить с Сирией классическим путем бомбардировок. Путин вмешался, и Обама, которому самому не очень-то хотелось бомбить Сирию, отступил. Вот тут-то на него и наехали: мол, ты что? Ты президент Америки или кто вообще? Как случилось, что какой-то Путин смеет нам указывать? А ну-ка, привести Россию к повиновению! Как сказала в ООН Саманта Паузэр: вы же проигравшая сторона, как вы смеете качать права?! Америке не нужно появление на политической арене еще одного самостоятельного игрока, тем более такого, как Россия. Вот это и есть истинная политическая подоплека всех событий и всех санкций в отношении России: «привести к повиновению». Хотя, вероятно, со мной не согласятся сторонники «свободной Украины».

— Но мы — не первая страна, которая попадает под санкции. Интересно было бы знать, как справлялись с режимом санкций наши предшественники. Скажем, Иран.

— Первой страной, попавшей под санкции ООН, была Южная Африка — за режим апартеида, который был несовместим с принципами Декларации прав человека. В свое время мы тоже поддержали эти санкции. Под ними ЮАР жила лет тридцать, хотя они были достаточно суровы: в частности,

стране запрещено было импортировать нефтепродукты. Им было очень трудно. Но что в результате? В результате они довели до ума, до экономически и экологически приемлемых уровней получение синтетического топлива из угля, как это сделали немцы в конце Второй мировой войны, когда румынские нефтяные месторождения были ими утрачены. Немцы довоевывали на синтетическом топливе – со всеми своими воздушными и танковыми армиями, реактивными истребителями и т.д. По тому же пути пошла ЮАР и, в общем, приспособилась. Во всяком случае, осталась самым богатым государством в Африке. Что, правда, нетрудно.

Ирану, угодившему под санкции ООН за выход из договора о нераспространении ядерного оружия, пришлось тяжелее. Мировое сообщество решило, что не следует позволять кому ни попадя делать ядерное оружие, хотя Индии разрешили, Израилю де-факто разрешили и даже Пакистану разрешили. Что, собственно, лишь подтверждает, что ни о какой принципиальности в международной политике речь не идет. Иран держался, но все-таки введение санкций в 2006-м (самой суровой мерой было запрещение экспорта нефти, которой у Ирана как раз полно) сильно сказалось на экономике. Там совершенно очевиден спад в связи с введением санкций. У них даже nominalnyy BVP upal. Это уникальный случай. Почему, собственно, сейчас Иран предпринимает шаги, чтобы примириться с мировым сообществом.

– Но санкции, под которые попала Россия, наложены не ООН. Как вообще их квалифицировать?

– Санкции ООН на Россию наложить невозможно, потому что у нас есть право вето. Так что их следует – наряду с бомбардировками Сербии или вторжением американцев в Ирак – рассматривать как решение группы стран, которые достаточно сильны, чтобы наплевать на всех остальных. Если мы вспомним, о чем говорили в самом начале – про желание США «привести Россию к повиновению», – то должны будем сознаться, что, в отличие от политики Америки на Востоке, которая полностью провалилась, акция против России удалась блестяще. Во-первых, американцам удалось сделать Украину врагом России. Во-вторых, они заставили мир помочь им приводить Россию к повиновению, а расплачиваться за это заставили Европу. Единственное, что вызывает недоумение, – это то, зачем американцам нужна была такая спешка. Ситуация и так естественным образом развивалась в ту же сторону: Янукович тоже хотел в Европу, у него был американский политконсультант, Майдан, хоть он и был посеребрене Болотной, без американской помощи все-таки рассосался бы, Януковича в сентябре или в крайнем случае в марте следующего года переизбрали бы, а в 2017-м американцы на блюдечке получили бы Севастополь как свою военно-морскую базу. С нами просто не продлили бы контракт. При этом легитимность киевской власти была бы сохранена и территориальная целостность Украины, вероят-

но, тоже. Не пришлось бы вести никакой войны с Новороссией, да и Крыму не удалось бы так легко уйти под крыло России. И тем не менее, судя по абсурдной истерике перед Олимпиадой, я думаю, США посчитали, что операцию по приведению России к общему знаменателю надо начинать немедленно. Возможно, в связи с Ближним Востоком, где тогда все висело на волоске, а сейчас уже взорвалось. Они там сами выкормили такое, что теперь бомбят, и это, кстати, не раз уже бывало. Так или иначе США очень форсировали ситуацию на Украине, переворот в Киеве все-таки состоялся, и произошла «революция». А что такое революция? Это разрыв легитимности. Власть, которая пришла на смену Януковичу, в каком-то смысле была самозваной. Ей пришлось заново доказывать свою легитимность.

Причем не только Европе и Америке, которые априори готовы были принять любое правительство. Но и собственному населению. А как ее доказать? Вот в Одессе, где пророссийскую политику поддерживали 10 процентов населения, фашистам из «Правого сектора» достаточно было сжечь 40 или 50 человек, чтобы запугать и заставить повиноваться остальных. А в Донбассе цифра была иная – 30 процентов, причем активных. Очень неудобная цифра: запугать нельзя, раздавить не получается. А в Крыму – 80 процентов. Это вообще серьезно. И потом, власти Крымской автономии – почему они должны были подчиняться людям, захватившим власть в Киеве? По крайней мере, к моменту референдума в Крыму у киевской власти на вопрос: «А почему вам можно, а нам нельзя?» – был единственный ответ: «Потому что мы хорошие, а вы плохие». Единственным ответом он остается и до сих пор. На самом деле в международном праве существует неустранимое противоречие между принятыми принципами целостности государств и правом народа на самоопределение. Оно принципиально неустранимо. И что с ним делать, никто не знает. Поэтому говорить, что мы аннексировали Крым, это в каком-то смысле сведение ситуации к определенному мнению. Нельзя сказать, чтобы в мире вообще никто ничего в последние годы не захватывал. Но тут Крым выразил желание присоединиться к России, а это, как говорит знаковый для европейцев философствующий писатель и политический активист Бернар-Анри Леви, «совсем другое дело». Почему «другое дело»? «Я так вижу». Европа так видит, Америка так видит. А мы видим иначе. Вот на основании этого несовпадения мнений мы и угодили под санкции. Ну и что?

– Вообще, первый пакет санкций был какой-то несерьезный, показной...

– Не скажите. Был момент совсем не показной. Был момент очень неожиданный и очень важный. Дело в том, что у нас было ходячее мнение – основанное на каких-то постсоветских настроениях, – что правительство продажное, оно верой-правдой служит вашингтонскому «обкому», у него

дети за границей, у него капиталы за границей, это ворье, которое на народ не обращает никакого внимания. После Болотной оппозиция эти настроения подхватила, сделала из них лозунг и сама же в него поверила. И когда были наложены первые «персональные» санкции, Навальный с Каспаровым бросились объяснять Нью-Йорку и Вашингтону, что не на тех наложили. Вот на этих надо. Тогда точно Путин «сдрейфит и сольет». Наложили на этих, а он не «слил». И вот это, конечно, был сюрприз. Вообще, это был самый важный момент – правительство оказалось не продажным. Это всех поразило. Это, собственно, и дало некоторую поддержку власти. Ну, отчасти, конечно, Крым, а отчасти понимание того, что какое бы правительство мы ни имели, оно все-таки наше... Это был важнейший момент во всей этой истории, хотя это, конечно, не экономика, а политика.

– У нас много говорят о том, что санкции как раз в экономике открывают широкие возможности для наших производителей. Это что – реальность или пропаганда?

– Вот. Это то, о чем я хотел сказать. Я очень надеялся, когда это началось, что «патриотическое настроение» перейдет в некую конструктивную реальность. И те люди в правительстве, которые, безусловно, просчитывали все риски, которые могут произойти из ситуации с Украиной, они тоже полагали, что в наших силах преодолеть санкции, что будет подъем, бизнес включится, произойдет осознание того, что импортная работа – это, как ни крути, халава, а халава не может длиться вечно, значит, надо работать самим.

Но увы и ужас! Этого не произошло.

Что тут виновато, я не знаю. Конечно, экономика перецентрализована, это видно. Госпрограммы и составлены не здорово, и выполняются, конечно, скверно. Госкорпорации тоже работают неэффективно. Когда-то они привлекли очень много капитала в страну, потому что это считалось хорошим, надежным вложением денег, но работают они плохо. Казалось бы, именно для крупного и среднего бизнеса открылись широкие возможности импортозамещения – ему и зарабатывать. Запад сам снял конкуренцию. А он не стал пользоваться этой возможностью...

– Но почему?

– По большому счету нужно смотреть в корень. Я всегда говорил, что это нам будет аукаться еще десятки лет: Чубайсова приватизация. То есть бесплатная раздача производительных ресурсов кому попало. В результате у бизнеса совершенно нет ощущения, что для того, чтобы что-то получить, надо что-то сделать. Мечта: получить деньги под заказ, а потом их распилить... То есть – та же самая халава. Конечно, чуть-чуть иначе мыслит новая генерация. Дерипаска и Мордашов переоснастили всю металлургию – и черную, и цветную. Их заводы действительно работают под руководством за-

падных фирм, и они более эффективны. Но пока что «халава» в мозгах господствует. Взять хотя бы строительство – что дорожное, что жилищное. Отпускаешь – получается полная халтура, заужаешь – начинается полное взяточничество. У нас десятки, если не сотни строительных компаний, и все они не умеют работать. Хотя рынок жилья огромен, и эта отрасль могла бы развиваться – но не при таких же ценах!

– Сейчас не совсем понятно, отчего наша экономика страдает больше – от санкций или от падения цен на нефть. Насколько она вообще зависит от экспорта?

– У нас, как и у Америки, колоссальный внутренний рынок. Но использовать его толком мы не научились. У нас половина стройматериалов, если не больше, импортных. С какой стати? Мы что, гипсокартон, что ли, не умеем делать или ДСП? Ну это же просто несерьезно. Лес – вон он, свой, глина тоже, гипс тоже. Кирпич импортируем – это же смешно просто! Естественно, если все закупать, особенно при теперешней девальвации, жилье будет золотое. Но если со строительством разобраться, удешевить его и делать на собственных стройматериалах – получится нормальная отрасль. Я не вижу никаких технических или даже экономических оснований, почему это нельзя сделать. Единственное препятствие – халавная психология. Медицина – опять же самая проблема. Спрос на нее, конечно, колоссален и есть возможности. Но качество – под вопросом. И коррупционные схемы торчат отовсюду. Особенно в производстве и лицензировании лекарств... Печаль в том, что, к сожалению, наш бизнес, несмотря на отдельные вопли в блогах, сам ничего, в общем, делать не хочет. Новые условия – санкции определенно открывают ему новые, выгодные условия – никого особенно не прельщают, потому что это не бесплатно и непросто.

– Короче, работать надо.

– Да, это новая, настоящая работа. Ею заниматься желающих очень немного. Слишком мало. Это раз. Два: указующих направлений, где прилагать эти усилия, «сверху» ждать бесполезно. Их надо искать самому. И я думаю, найдутся они не в базовых, как любят сейчас говорить, отраслях и «реальном производстве», а в виртуальной сфере. Все-таки демократия победила, решает население. В экономике – тоже. Я бы сказал так: в жизнеспособном государственном образовании население должно поддержать политическую систему и купить то, что предлагает экономика в этой системе. И таким образом «одобрить» экономику.

Оба этих запроса не к населению, а к политической системе. Население в каком-то смысле даже готово, похоже, быть будущими потребителями и гражданами. Почти готово. Но политическая система и бизнес должны предложить соответствующие вещи, которые оно одобрит. А ни те, ни другие ничего пока всерьез не предложили.

«Америке не нужно появление на политической арене еще одного самостоятельного игрока, тем более такого, как Россия. Вот это и есть истинная политическая подоплека всех событий и всех санкций в отношении России: «привести к повиновению».

– В смысле политика и экономика?

– Да. Обе они в России сейчас не умеют и не хотят отвечать на внутренние вопросы, порожденные внешним вызовом. Это бы я подчеркнул, хотя это и есть самое печальное. Потому что возможности на самом деле санкции скорее открывают, чем закрывают в большинстве позиций. Но пользоваться этими возможностями ни политика, ни бизнес не умеют. Чиновники на стыке государственного управления и экономики – не умеют. Я бы сказал, бизнес не хочет, политика не умеет. На мой взгляд.

– Может быть, замирение с Европой нам даст выход из положения? Все-таки мы очень крепко друж на друге завязаны.

– Замирение с Европой? Я за. Вот только надежда всей этой миротворческой кампании состоит в том, что все опять вернется к привычной халтуре. А ее как раз сейчас надо было бы преодолеть и мириться с Европой уже в некоторой новой позиции. В конце концов наше сельское хозяйство – оно же смогло? Это единственное, что у нас в порядке, – сельское хозяйство. В 90-е годы у нас импорт продовольствия составлял 80 процентов. И «оппозиция» до сих пор считает, что это так. На самом деле сейчас – 20. Уже в начале 2000-х очень быстро и совершенно радикально поменялась эта ситуация. Основное произ-

водство продовольствия у нас внутри, и вообще, сельское хозяйство – это наш несомненный успех. Такие поля, как я видел под Самарой, – десятки километров полей, вылизанных, тучных, трактора с кондиционерами – я видел только в кино...

– Действительно, с продовольствием, в общем, все нормально, что бы там ни говорили. А что в промышленности? Что у нас, собственно, в активе помимо нефти и газа?

– А вот этот вопрос так и висит – куда нам переходить от сырьевого сектора. И ответа, похоже, не знают ни в руководстве страны, ни сами производители. Скажем, у нас больше ста заводов по сборке автомобилей. Больше ста! Но дает ли это нам основания считать, что мы могли бы поучаствовать в гонке за лидером, то есть обогнать по дешевизне Китай или по качеству – Германию или Японию? Вряд ли. Это даже американцы не смогли сделать, когда Япония стала обходить их в машиностроении. Они просто сдали свою автомобильную промышленность, перешагнули через нее и не пожалели. Хотя

политически раздавить Японию они могли бы заочно. Но нет. Они не запрещают американцам покупать дешевые китайские тапочки и японские автомобили. Но говорят своим производителям: а вы, уважаемые, извольте делать то, что не умеют китайцы и японцы. Ракеты, или атомные реакторы, или что-то еще. Придумайте сами. Нам нужны богатые потребители нашей продукции, которую только мы и умеем делать. В этом смысле Америка – уникальная страна, у которой нам учиться и учиться. И от автомобилей они перескочили в электронику, в коммуникации, в виртуальный мир. И сейчас весь мир живет этим. Можем ли мы конкурировать с Америкой в телекоммуникационных системах? И имеет ли это смысл? Ведь этот рынок тоже насыщен. Нельзя сказать, что там такое уж раздолье. Но что тогда делать? Я на эту тему много читаю, говорю с людьми – в основном все говорят общие слова об инновационном прорыве... Как ученый, я не понимаю, что такое – инновационный прорыв.

– Космос?

– Да, за это мы могли бы зацепиться. В космической отрасли, несмотря на все неудачи и разруху, остался задел. Если «Ангара» будет такой, какой она задумана, космос можно превратить в серьезную отрасль.

– А «Ангара» – это?..

– Это целый комплекс космических ракет, несущих от 3 до 50 тонн груза. Легкие уже прошли испытания после первой неудачи, тяжелые сейчас должны испытывать. Если бы «Ангара» заменила собой «Союзы» и «Протоны», мы могли бы запускать спутники всех стран, поскольку американцы отказались от программы «Шаттл», и сейчас нет серийной «запускалки» для всех. А спутники запускать – довольно приличных денег стоит. При этом здесь мы явно впереди. Во-первых, «Ангара» очень дешевая. Она в два раза дешевле по выводу одного килограмма в космос, чем у наших ближайших конкурентов – французов и американцев. Во-вторых, она экологична, поскольку в качестве топлива применяется обычный керосин, а не гептил. Если взрывается гептиловая ракета – отравлена вся местность. А «Ангара», даже если взорвется, никакой опасности экологической не представляет. Так что здесь мы неожиданно вышли вперед.

– Я как-то не очень представляю себе космос «отраслью». Какого порядка прибыль может она приносить? Что есть продукт этой отрасли? С автомобилями все понятно – вот они...

«Экспорт вооружений дает нам десятки миллиардов, а космос – пока только первые миллиарды. Разница на порядок. Но именно сейчас рождается новый спрос – на космическую информацию».

– Да, вот они. Но спрос насыщен. В СССР производили миллион автомобилей в год, и их не хватало. А сейчас продать 10 тысяч «тойот» – это невероятная удача. В мире десятки производителей автомобилей, которые бросаются на наш рынок в любой момент. Если не сотни. Кроме того, школы у нас нет. В нашей автомобильной промышленности инженеры были заточены под одно: надежность. Ну, и было несколько непревзойденных примеров этой надежности создано: УАЗ, ПАЗ, «Нива». Но все эти автомобили – скажем так, вне проблематики современного машиностроения. И догонять нет времени. А вот универсальный космический извозчик – это серьезно. Сейчас, скажем так, экспорт вооружений дает нам десятки миллиардов, а космос – пока только первые миллиарды. Разница на порядок. Но именно сейчас рождается новый спрос – на космическую информацию. Сейчас Роскосмос бесплатно раздает информацию о пожарах, о посевах, о разливах, о погоде, о миграциях животных по заявкам. Он формирует программу по заявкам ведомств и бесплатно раздает ее, но сейчас встает вопрос: а вообще, сколько это стоит, нужно ли это, кому это нужно, зачем это нужно? В принципе, когда мы стали смотреть аналоги – за это платят немало. То есть либо свои спутники за-

пускают, либо платят очень солидные деньги – та же Бразилия, к примеру, платит просто за то, что фотографируют ее леса. Более того, выяснилось, что некоторые наши фирмы платят американцам за космическую информацию. И Роскосмос сейчас заинтересован в том, чтобы иметь ясную картину: кто и за что платит, сколько это стоит. Потому что это тоже могло бы пополнить бюджет отрасли.

– А энергетика? По-моему, здесь у нас тоже давний задел сохранился.

– Сейчас расскажу, но прежде закончу про космос. Сейчас наши объявили – правда, из-за отсутствия денег отложили – лунную программу. Сказали, что будут создавать базу на Луне. Китайцы вроде решили тоже. И этот номер может пройти: борьба за Луну. Что там – никто не знает. И нужна ли Луна в принципе – тоже никто не знает. Но ведь интересно! А это очень важный момент в современной экономике – «интересно». Может начаться лунный бум. Сейчас такой тупик, по ощущению общего безобразия, творящегося на Земле, что может и начаться. Сейчас ведь покупают не то что нужно, а то, что кажется интересным и нужным. Ну кому нужен айфон-6? Что в нем такого уж? А какой ажиотаж! Месяцами тинейджеры стояли в очереди за айфоном-6!

— *Айфон – это образ жизни.*

— И с Луной может такое же получиться. Это интересно, в конце концов это привлекательно. А если будет привлекательно – будут и деньги, и все, что угодно. Экономика в каком-то смысле вообще виртуальна, ибо продаёт смыслы. Было время – целые века – когда люди строили гигантские пирамиды. Или громадные готические соборы. Тогда это было очень важно. И, видимо, очень интересно. Проблемы нашей современной цивилизации – Америки, Европы, Украины, России, – они в некотором смысле демонстрируют усталость и тупик цивилизации. А Луна... Если люди увлекутся – по крайней мере, будут Луну покорять, даже если не будет известно – зачем. Но если всем понравится эта мысль, будет такой бизнес. Заплатят и покорят. Какая-то новая эпоха откроется...

— *Правда, интересно. Но пока что это фантастика. А мы столько раз уже на фантастике обжигались. Думали, в XXI веке будет интересно, а получается какая-то ерунда: то вдруг фашизм воскресает, то фундаментальный ислам, то все пересорятся и изоврутся – неинтересно! Украина заявляет Европе: мы будем держать фронт против России, платите нам! И я не знаю, почему, кроме президентов Чехии и Венгрии, никто не додумался сказать: да не держите вы фронт. Так ли уж нам нужна эта война, если разобраться?*

— Когда-нибудь Европа, несомненно, так и скажет, но не сразу. Европейцам это тяжело с их адвокатским мышлением. Адвокат никогда не отстанет, он никогда не откажется от своих слов. Он будет нудить, вспоминать все пунктики, все подпунктики какой-то своей повестки: вот этот закрыли, а этот вот открыли, вот этот открыли, этот закрыли, зато этот появился. Это американцы могут развернуться, устроить перезагрузку, сказать: «Обознушки – перепрятушки. Всё». Тем более что ситуация патовая, больше всех в результате всех этих событий, кажется, выиграл Китай – и они это тоже понимают. А кроме того, ситуация на Ближнем Востоке настолько скверная, что им еще и нас придется привлекать к сотрудничеству, потому что они не представляют, что теперь делать с той кашей, которую сами же когда-то заварили... Они понимают, что это стыд и позор. У себя, внутри страны, понимают. А в Америке внутренняя политика важнее внешней. Прошло всего полгода, как они «блестательно» смоделировали ситуацию на Украине, но за эти полгода пришло ощущение, что все-таки они потерпели фиаско, влипли и получили чистый минус. Они очередной раз усилили Китай – на этот раз союзом с Россией. Сама Россия вошла в пул стран Тихоокеанского региона и может даже занять в нем далеко не последнюю роль... Европа недовольна, Евросоюз трещит по швам, никто не хочет платить за Украину, никому по большому счету эта заварушка оказалась не нужна...

Но я бы не особенно злорадствовал по этому поводу. Проблемы Украины – это проблемы Украины. Промахи Америки – они касаются Америки. А у нас достаточно своих проблем, как выяснилось за те же полгода. Если бы мы работали над технологиями удешевления добычи своего сырья – нам было бы плевать на падение цен на нефть и газ. Довели бы себестоимость газа до 10 долларов – и с этим ничего нельзя было бы поделать. Но для этого надо вкалывать. Американцы вбухали в свой проект по сланцевому газу огромные деньги, просто немыслимые, но в результате снизили себестоимость со 100 до 70 долларов за тысячу кубов. Хотя это очень непростая, тяжелая технология – извлечение сланцевого газа. Ни Германия, ни Польша, ни Украина, ни даже Китай ничего в этой области добиться не смогли в отличие от Америки. Хотя пытались. А американцы довели и эту технологию до ума. Сланцевый газ у них дешевеет. Казалось бы, принцип известен – бери и делай. А вот черта с два.

— *В России большая проблема в том, что те, кто ничего не умеет, мешают тем, кто умеет хоть что-то...*

— Это отнимает уверенность у тех, кто умеет. Пример – наш институт. Сейчас его хотят объединить еще с какими-то, формально он уже выведен за рамки академии, хотя в названии он еще числится институтом РАН. В общем, мы тоже попали под санкции. И ведь нельзя сказать, что мы работаем плохо или без энтузиазма. Но почему-то пороху возмутиться не хватает. Сказать: вы что там, обалдели – нас трогать? Если не мы – то кто у вас работать будет?! Вы срываете научный процесс! У нас вот это готово, это на подходе, а это – будет завтра. Попробовали бы в Америке тронуть МИТ (Massachusetts Institute of Technology. – Прим. авт.). Там бы скандал разразился невероятный. А у нас – внутренняя апатия какая-то... Внешняя политика России, как выяснилось, опять же за минувшие полгода, оказалась на высоте. А во внутренней – ничего не решено и все запутано. В этой связи приходит на ум классическое учение Тойнби о цивилизации. Он говорил, что цивилизация – в узком смысле – римская цивилизация, китайская цивилизация – рождается как некий ответ на внешний вызов. Цивилизация рождается, когда находит какой-то свой специфический способ противостоять внешнему миру, который и обеспечивает ей успех. По Тойнби, этот ключ остается у нее до конца, она действительно преодолевает внешние угрозы, но следствием этого ответа становится нарастание внутренних противоречий, она запутывается во внутренних противоречиях. Не то чтобы ее съедают снаружи, но все истончается изнутри. А изнутри истончается не потому, что цивилизация морально прогнила, а просто потому, что каждый ответ порождает новые вопросы, все более тонкие, деликатные, запутанные и так далее. Боюсь, что и Россию, и Европу, и Америку в конечном счете ждет именно эта судьба...

«МЕНЯ СПАСЛА ЛЮБОВЬ И ИСКРЕННОСТЬ»

БЕСЕДОВАЛ

**СВЯЩЕННИК
КОНСТАНТИН КРАВЦОВ**

ФОТО

**АЛЕКСАНДРА
БУРОГО**

ТОНКИЕ ЧЕРТЫ РАСПОЛАГАЮЩЕГО К СЕБЕ ЛИЦА И АБСОЛЮТНО СЕДЫЕ ВОЛОСЫ ПО ПЛЕЧИ (В 32 ГОДА!) – ТАКИМ Я УВИДЕЛ ЮРИЯ ЮРЧЕНКО В ЛИТИНСТИТУТЕ ОСЕНЬЮ 87-ГО. ЧЕРЕЗ ДВА ГОДА – «НЕ ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ МОТИВАМ, А ПО ЛЮБОПЫТСТВУ» – ОН ВЫЕХАЛ ЗА ГРАНИЦУ, ТАМ И ОСТАЛСЯ: МЮНХЕН И ШВЕЙЦАРИЯ, ЗАТЕМ – ПАРИЖ, ГДЕ И ЖИВЕТ С 1992 ГОДА, ЖЕНИВШИСЬ НА ФРАНЦУЗСКОЙ АКТРИСЕ ДАНИ КОГАН.

ОБРАЗОВАНИЕ: ГРУЗИНСКИЙ ТЕАТРальный институт им. Ш. Руставели, Литинститут им. А.М. Горького и аспирантура Сорбонны. Актер, драматург, постановщик поэтических и музыкальных спектаклей, но прежде всего – так считает

он сам – поэт. Поэт, названный публикой «королем поэтов русского зарубежья» на поэтическом турнире в Лондоне в 2004 году. Также – как поэт-лирик – Юрченко удостоен Союзом писателей России совместно с правительством Москвы премии «Золотое перо». Девять книг стихов, пьес в стихах и переводов с грузинского, один из которых – «Могильщик» Галактиона Табидзе – спасет ему жизнь в украинском плену («шансов не было ни одного», – скажет мне Юрий по телефону). Стихи и пьесы переведены на французский, итальянский, голландский, болгарский и немецкий, сыграно немало ролей. Плюс к тому – поставлено десять пьес Юрченко в музыкальных и драматических театрах России, Украины, Германии и Франции, а еще – авторские вечера и моноспектакли в Москве, Киеве и Тбилиси, а также в Европе, многочисленные фестивали.

В общем, как говорят в народе, жизнь удалась. Родился Юрий в 1955 году, воспитывал его отчим (отец будущего «короля поэтов» был уголовником, отчим – «из интеллигентной еврейской семьи, мечтал о театральной карьере, арестован во время войны, приговор – высшая мера, замена на 25 лет, отсидел 18; «последние два года досиживал, уже живя с нами, – вспоминает Юрий. – Но-

чевать уходил на зону). Детство прошло в тайге, в 420 километрах от Магадана.

«Жизнь с отчимом у меня не складывалась, он был со мной суров и жесток (зла не держу), я постоянно убегал из дома, в 13 лет ушел из дома совсем, – вспоминал потом Юрий. – В 14 лет «за поведение» меня выгнали из школы. Вскоре после этого, влюбившись в девочку с соседнего рудника, бросил пить и, погорячившись, заодно и курить. Работал на старательских приисках, рабочим у геологов, токарем на Магаданском ремонтно-механическом заводе, резчиком по кости и по дереву, художником-оформителем и дворником во Владивостоке, докером на острове Шикотан, художником-реставратором, рабочим сцены, артистом Грузинского государственного театра пантомимы. Работал в театрах Тбилиси, Владивостока, Хабаровска, Москвы».

Может быть, такая биография, такое знание жизни и предопределили то, что вполне «успешный» французский драматург и желанный гость фестивалей тайно отправился в этом году в Донецк, а затем – в осажденный Славянск? Сам он объяснил мне это так:

«Я решал очень личную проблему. Понимаешь, если бы я сказал: я поеду, во-первых, начались бы отговоры, долгие сборы, и потом – это такая торжественность, как казак на войну собирается, да? Это было очень личное, я разбирался с собой. Вот что-то происходит, а ты ничего не можешь изменить. Ругань в «Фейсбуке» ничему не служит, это бесполезно: тебя не хотят слышать и не слышат, все это – из пустого в порожнее. Ты что-то возражаешь, аппетит не портится у тебя, а там погибают женщины и дети каждый день. И чем дальше, тем больше, смотреть нет сил. А история в Одессе – это уже вот так (проводит рукой по горлу), и ты думаешь: что ты можешь сделать? Кому ты нужен – поэт-лирик? Нет, всё. Никому ничего не доказывать, никого не упрекать. Это мое личное, для себя. Ты что-то должен сделать; что, как – я не знаю. Максимум, что я могу, – это приехать и спросить: чем я могу быть полезен? Если женщины и дети погибают, значит, хотя бы быть рядом и пытаться быть нужным – с оружием, или там старикам и старухам приносить воду. Но для этого надо быть на месте и смотреть».

Для «побега» Юрий воспользовался Пушкинскими днями в Кишиневе – фестивалем, куда был приглашен: с французским паспортом переехал границу Украины и оказался в Одессе – как раз на сороковине по сожженым в Доме профсоюзов. Оттуда – поездом в Луганск, и 10 июня он уже в Донецке, где объяснение того, почему он здесь, складывается в стихотворение «Ватник»:

Зачем иду я воевать? –

Чтоб самому себе не врать,

Чтоб не поддакивать родне:

«Ты здесь нужней, чем на войне,

Найдется кто-нибудь другой,

Кто встанет в строй, кто примет бой...»

За это «неуменье жить»

Не грех и голову сложить.

Записался в ополчение и попросил, чтобы его отправили в Славянск, однако Павел Губарев, увидев французский паспорт, притормозил отправку: мол, давай пробивать информационную блокаду. За четыре дня Юрченко организовал интернет-страницы, связался со своими французскими друзьями, дело пошло и – сбежал в Славянск.

«Приехал туда, чтобы быть полезным чем угодно, пришел... Сначала – как, откуда? Думали, то ли шпион, то ли кто, – вспоминает Юрий. – Потом, когда поняли, что я писатель, говорят: зачем вам это? С оружием есть кому бегать. Отправили к начальнику штаба, а он: ты мне очень нужен...

При выдаче удостоверения ополченца встал вопрос, кем записать: стрелок, связист? Военным корреспондентом, – подсказал доброволец из Франции. Так поэт и драматург стал первым военкором ДНР – возможно, первым военкором после Великой Отечественной. Подписал удостоверение Игорь Стрелков».

– Что ты можешь сказать о нем?

– Да только хорошее. Тем более по сравнению с тем, что взамен пришло... Он не обольщается, у него никаких претензий на политическую деятельность нет, как его ни выталкивают на это. Он талантлив – даже враги, украинские командиры, это признают.

– В соцсетях было много разговоров о его жестокости...

– Он расстрелял двух мародеров, не рядовых – командиров, у которых был авторитет, причем не просто поймал на чем-то: мародерство там было систематическим, они там такое устроили... Он рисковал, но население это вот так приняло (большой палец вверх): время военное, по-другому никак. Как это ни жестоко звучит. Зато – никто не пил, все работало как отлаженный механизм, каждый был занят своим делом, не отжимали ничего – защищали население как могли, бились мужественно и честно. И погибали. Под Ямполем что было (замолкает, в глазах слезы). На них чего только не вешают: за деньги, жлобы, бомжи, ворье...

– Мне один известный поэт недавно сказал, что там только бандиты воюют...

– А эти «бандиты» – они безымянные, знают только их позывные. Идут и прикрывают других сознательно, зная, что никто их не вспомнит, никто не знает, кто они.

Мы сидим в палате московской больницы, которую Юрий предпочел парижской: здесь у него есть возможность рассказать правду об увиденном и быть услышанным, а там – нет. А видел Юрий многое, и рассказать ему есть о чем. Рассказывая – волнуется, иногда вскрикивает: стреляет в ноге, сломанной в двух местах, когда его избивали, взял в плен, – потребовались две операции, так как ступня оказалась раздробленной.

«Я там видел такие подвиги, какие достойны уровня Великой Отечественной войны. Мы говорим: вот, поколение не то, а там была масса таких примеров. Молодая девочка, я писал про это, когда мы отходили из Славянска... Там были у нас каких-то полтора танка – подразделение бригады, которое отходило последним, – и был приказ не ввязываться в бой, но они нарвались: на них вышла украинская часть. И был выбор, и отговорка формальная была: приказ – не вступать в бой. Они его нарушили, а если бы не нарушили... Колонна огромная отходит, шум все равно бы засекли и начали обстреливать. Они пошли на украинцев, эти полтора танка, и «бээмвэшки», и их разбили, они сгорели, но колонна прошла не замеченной за этим шумом. И там была девочка молодая, Ксюша... сгорела в... (снова слезы, снова пауза). А эти из новых зеландий рассказывают, что там жлобы, алкоголики и за деньги, за доллары...».

Поясню относительно Новой Зеландии: речь идет о нашем общем знакомом, выпускнике Литинститута и талантливом поэте. Юрий вспомнил его в числе других товарищей по цеху, разорвавших с ним переписку в «Фейсбуке»:

«Я – в Славянске, а он мне из Новой Зеландии объясняет, что там, в Славянске, происходит, пишет, что этим ополченцам не дают покоя хрустящие новенькие доллары. Я там три месяца ни доллара, ни гривны – ничего не видел, а ребята... Я ему говорю: не клевещи на павших, люди погибают – молодые: девушки, пацаны, – прикрывая, спасая других. Я фосфорные бомбы устал выковыривать и отправлять на экспертизу в Семеновке и в Славянске, детские трубы в морг отвозить, а мне рассказывают, какие невинные ребята эти и какие преступники те».

Примечательна и реакция новозеландца на плен бывшего собрата и однокашника: пусть посидит, ему полезно (хотя сидеть бы не пришлось: пленных сначала калечат, как это и случилось с Юрием, а затем расстреливают). Подобным образом отреагировал и киевский поэт, которому Юрченко когда-то посвящал стихи и был дружен много лет: взяли с оружием – значит, враг. И – не стал подписывать письмо с просьбой освободить имевшего пистолет, но не сделавшего из него ни одного выстрела военкора. Отказался вступиться за него и российский Союз журналистов: мы-де не давали ему аккредитации. Но он же член вашего Союза! Да, но взносы не платит.

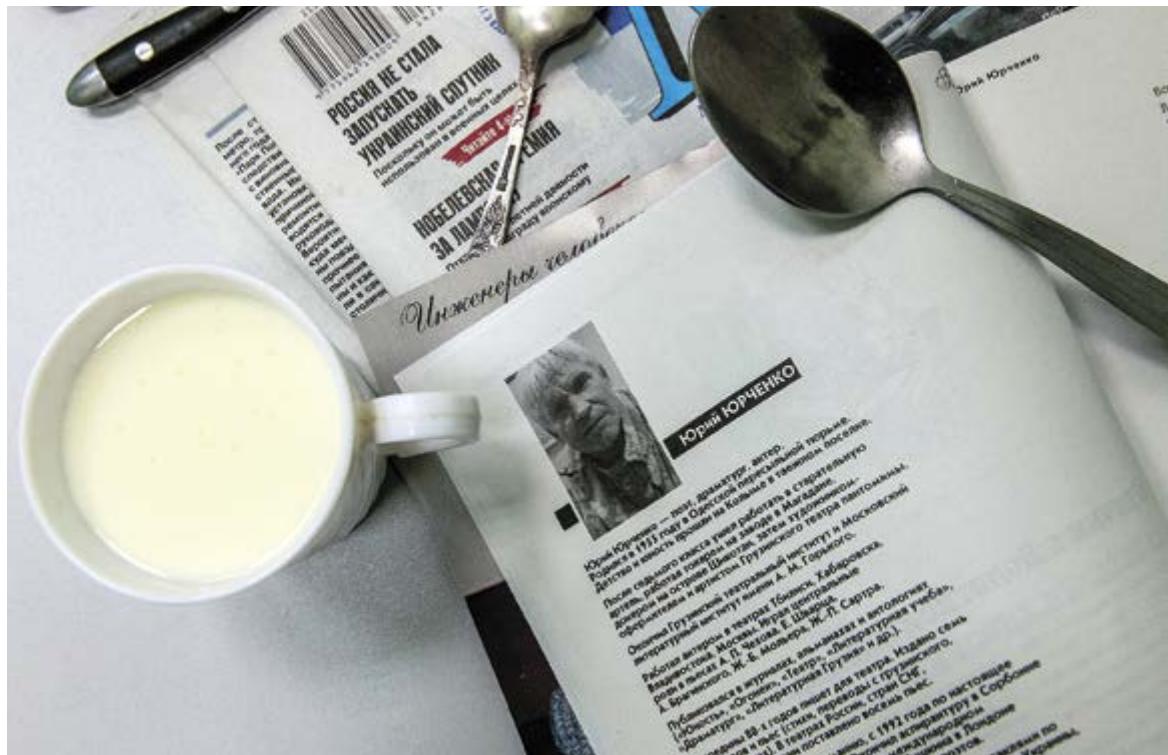
Низость с одной стороны, самопожертвование за право говорить по-русски и не прогибаться под «патриотами Украины» с эмблемами 2-й танковой дивизии СС «Рейх» на шевronах – с другой. Но на мою реплику о поразительной, иррациональной слепоте наших «либералов» Юрий замечает:

«В любом ужасе надо искать что-то позитивное. Тут есть что-то оздоровительное. Мы все же друзья по «Фейсбуку» и «Контактам» – жили-жили, и вдруг все стали любить друг друга, у всех по тысяче друзей, все обнимаются, «лайкаются», и вдруг – ша-

рах – и друзья-то... Мы увидели, кто есть кто. Все милые, хорошие: милый Дима Быков, милый «вот новый поворот», а шарах – и вот такой поворот. Нужно знать, кто рядом. Когда придет война (она уже идет, но не на нашей территории пока, хотя и эта территория – наша), хоть иллюзий не будет. Это не друзья. Те, кто долго жили с нами, с кем мы в общежитиях литинститутских и театральных из одних чашек хлебали, из одного стакана пили и вдруг – враги. И ненависти столько, агрессии... Вы же, ребята, демократами себя называете, вы себя назвали совестью нации... почему-то... так где же толерантность? Толерантности больше у тех, кого вы называете ватниками: они готовы разговаривать... Один сумасшедший отказался даже ехать на фестиваль в Тбилиси, куда меня из Франции приглашали раз пять-шесть. Пишет: я должен сказать, что на фестиваль в Тбилиси я не смогу приехать, потому что это фестиваль, в котором принимал участие Юрий Юрченко, который сейчас в террористических банддах. Это наши поэты...».

Разговор о русоненавистничестве, как Юрий определяет то, что обычно называется *русофобией*, – тема для отдельного очерка, как и многое другое, о чем говорилось в больничной палате, возле которой я со своим диктофоном создал затор: пришедшие навестить чудом спасшегося поэта терпеливо стояли в коридоре, ожидая конца интервью. Не все оказалось записанным: на диктофоне не хватило места как раз тогда, когда мой собеседник рассказывал, как под обстрелом вдруг вспомнил строки Михаила Кульчицкого: «Война – совсем не фейерверк, // А просто – трудная работа». Юрий стоял, прижимаясь к стене, к которой, как он обнаружил потом, приподняв ветку, была привинчена мемориальная доска, извещавшая о том, что именно здесь, на границе Луганской и Донецкой областей, в 43-м году и погиб поэт Михаил Кульчицкий. Таких «совпадений» на войне немало, почему, видимо, и говорят, что под пулями и бомбами все становятся верующими. Но об этом мы поговорить не успели, зато поговорили о поэзии:

- Ты говорил в другом интервью, что тебя спасла твоя любовь к поэзии – переводы с грузинского...
- Ну да, но тут больше, тут такая история – меня вообще спасла любовь. И искренность. Понимаешь, когда ты не врешь в отношениях... Вот мое отношение к Грузии, да? Я ее всегда любил просто искренне, бескорыстно, учил язык, вслушивался в музыку грузинского, и поэтому я все время ощущаю любовь Грузии к себе. Мне от нее ничего не надо было, но она меня много раз спасала в жизни. В России меня отовсюду выгоняли: меня выгнали в седьмом классе из школы – аттестат я получил в Тбилиси; в институт театральный я бы в России никогда не поступил – я поступил в Тбилиси, потом перевелся в Школу-студию МХАТ, но диплом все равно получил в Тбилиси; первая книжка – в Тбилиси, первая серьезная публикация – в Тбилиси, в антологии русских стихов о

Грузии. И практически я по блату от Грузии поступил в Литинститут. Когда мне говорили в Москве: ты двадцать лет не вступишь в Союз писателей – я уезжал в Тбилиси, переводил и прекрасно себя чувствовал. Грузия меня всегда выручала. И сейчас они меня на юбилеи приглашают: на юбилей Театра Грибоедова в Тбилиси, на фестивали. У нас взаимная любовь и бескорыстная, но – я переводил стихи, не ожидая ничего для себя – просто я их любил. И когда я уехал во Францию и жил уже там, они все были опубликованы в «Литературной Грузии» – все. Оставался неопубликованным только «Могильщик» Галактиона Табидзе. И в 2012 году, на юбилей Галактиона, когда был конфликт с Грузией, его опубликовали в «Новом мире». Это был двойной юбилей – 120 лет Галактиону и 100 лет со дня написания этого стихотворения.

И дальше Юрий переходит к истории своего освобождения – благодаря вышеупомянутому «Могильщику»:

«Ты не знаешь, когда и что тебя спасет. Вызывают меня на допрос, я по акценту слышу – грузин, значит, есть шанс. Он начинает спрашивать: где родились, а вот в Грузии вы жили. Я говорю: да, я работал там в театре пантомимы, в драмтеатре. Вы говорите по-грузински? И ему начинаю вместо ответа читать по-грузински Галактиона Табидзе. Он мне ничего не говорит, заканчивается допрос, он мне: понятно, что вы крупный агент, еще «кагэбэшный». Позвонил в Киев, что поймали крупного агента, – гарантия этому, исходя из его опыта работы в разведке, 90 процентов. Я: но остается 10 процентов. Вдруг окажется, что я действительно поэт, а не агент, а меня будут там в подвалах Киева допытывать, чтобы я признался?»

И он мне вдруг по-грузински отвечает последними строчками из «Могильщика», он его наизусть знал: как бы мы ни страдали – все забывается, все проходит. Потом оказалось, что он, сван, из той деревни, где родился Галактион, и когда он услышал его тут – представляешь? – под обстрелом, на Украине, сепаратиста взяли и тот ему на допросе по-грузински Галактиона читает! Потом – третья неделя моего плены, мы с ними (грузинами. – **Прим. авт.**) ездили, я им читал стихи на русском, на грузинском, переводы их поэтов, мы пели песни грузинские, часто я запеваю, а они подхватывают; машина катится – бронированная, с украинским флагом, по военным дорогам Украины – оттуда раздаются грузинские песни, их поет сепаратист, а мариупольские жители оглядываются с ненавистью на эту машину. Они меня в свою форму переодели, медсестра мариупольская говорит: что, думали поставить нас на колени? А я ей радостно: да, думали, а что не становитесь? Смотрит, не понимает. Вот такая история – как кусок из фильма Данелии: идет война, бог знает что творится, а мы там – грузинские стихи, песни, тосты...»

Рассказывая о «куске из фильма Данелии», Юрий оживляется, но у меня еще несколько вопросов о его пребывании в плену – куске из романа «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана, по определению моего собеседника, – о том, как он туда угодил и как выбрался. История эта примечательна тем, что парижанин, поэт, артист, драматург и военкор ДНР не только спасся из-за своей любви и искренности, но и в плен попал из-за любви же – сострадания к старикам-диабетикам из Иловайска и верности данному им обещанию при-

везти лекарства. Хотя сам Юрий считает иначе и смеется:

— Я попал из-за глупости моих товарищей, то есть попутчиков: я их не знал — тех, к кому подсели в машину. Не садитесь в машины к незнакомым людям! Чудом прорвались через шквал пулеметно-автоматного огня, машину прострелили всю насовсем, но все, кто был в машине, остались целы, а как только ушли из-под обстрела — оказались в засаде.

— *Ты ехал с разведывательно-диверсионной группой?*

— Я вообще эту группу не знал — я подсели к ним в машину, чтобы попасть в Иловайск, потому что машина военкорская была занята, и я добирался сам. А я спешил к этим старикам, я боялся, что зайдут ту часть города, где они, и что я к ним не попаду.

— *Но ты ведь понимал, что рискуешь?*

— Я там рисковал три месяца...

— *Но ехать в город, который уже практически занят карателями...*

— Да, я добирался на попутках, и, когда спрашивали: ты куда? — а я отвечал: в Иловайск, мне говорили: там же бой! Но для военкора нормально ехать туда, где бой. Задача была — поскорей попасть, чтобы они не подумали, будто я пообещал и не привез. Вот что было в голове. И даже когда нас обстреливали, а те из машины стреляли в ответ — я снимал это. Был не страх — на него не было времени — я вижу, как машина прострелена, как ее прошивает, и думаю: если выберемся, какие кадры! Я же не профессионал, я снимать только там начал.

В этот момент приоткрывается дверь в палату, и Юрий, видя свою знакомую (ее зовут Наташа), констатирует: «там уже анишлаг». Освобождаю узкое, не рассчитанное на столько людей пространство, перекур в засыпанном листвой дворике, а после оказывается, что Юрченко не расположен говорить о плenе: мол, столько раз уже рассказывал, да и писали об этом. Что ж, нет так нет, материала и так выше крыши: Славянск, откуда все уходили со слезами, потом, в Донецке, устроенный Кургиняном фарс — все это, однако, особая тема, а здесь, пожалуй, было бы уместным рассказать вкратце о пребывании в плenу как исключительном для поэта опыте.

Итак, группа попадает в засаду: более двадцати наставленных автоматов, сопротивление невозможно. Пленных бросают на землю, связывают руки за спиной и начинают избивать. После избиения Юрию сломают ребра и ногу в двух местах, причем — профессионально: калечить его будет, как он узнает потом, чемпион по смешанным единоборствам с позывным «Семерка». «Почему-то его завело, что я француз. — Ты труп, француз!» Со сломанными ребрами и с раздробленной ногой Юрия заставляют бежать. «Не могу, добивай-

те здесь». Юрия несут, кладут на землю у кирпичной стены рядом с другими, все — лицом к земле, руки связаны сзади. «Все, расстреливать будут. Тут пожилой человек, позывной «Майор», говорит: «Развязите ему руки, он же и так двигаться не может». Развязали. Опять появился «Семерка»: «Кто его развязал?» «Майор» говорит: «Стоп. Не будь, как они». Тогда «Семерка» хватает бутылку и запускает мне в висок. Бутылка разбивается рядом о стену. Потом всех отвели в школу».

Этого «Майора», оказавшись снова в Донецке, Юрий узнает среди пленных и обнимет. «Мне было бы страшно жаль, если бы я не смог сказать им спасибо», — скажет он мне. Спасибо всем тем, кто проявлял к нему, пленнику, человечность — «Майору», медику, простым солдатам, интересовавшимся, если ли что-нибудь «сепаратисты», содержавшиеся в железном шкафу для инструментов размером с кладовку из хрущевки, — словак Миро и «король поэтов русской эмиграции».

Сами бойцы «Донбасса» располагались в бомбоубежище под школой, а Юрий и Миро, тоже избитый, провели в шкафу шесть суток под обстрелом артиллерии ополченцев. На том, чтобы их не расстреливали, а транспортировали в Курахово, настоял тот самый вице-полковник Ираклий Курасбедиани, «консультант по разведке» батальона «Донбасс», а в 2008-м — начальник департамента военной разведки Минобороны Грузии, родившийся в том же селе Чквиши близ Кутаиси, где в

1892 году в семье священника (и по совместительству – сельского учителя) появился на свет Галактион Табидзе. Так, через заграницу и плен, поэт снова вернулся в молодость, неразрывно связанную с любимой Грузией, и она снова пришла к нему на помощь.

Галактиона Табидзе переводили и Борис Пастернак, и другие известнейшие поэты, что же касается «Могильщика», то первым его перевел Варлам Шаламов, чей перевод Юрченко не устраивал. Но – по порядку и сначала – о переводческой практике пациента травматологического отделения как таковой.

«Я переводил грузин, когда был еще студентом Литинститута. Тогда была такая коллегия по переводам в Грузии, я приходил, говорил: дайте мне стихи для перевода, я переводчик. Мне давали каких-то молодых грузинских поэтов, я смотрел и говорил: нет. Они: почему, это хороший поэт. Я: может быть, но мне нужны сразу великие поэты, чтобы перевод был не хуже, а, может, лучше. Они смеялись над моей наглостью и говорили: понимаешь, даже если ты переведешь, мы не сможем опубликовать: нас просто задавят – Евтушенко, Межиров и все, кто их переводит, а переводили многие, это была кормушка такая...».

Но Юрий был непреклонен – и в своей непреклонности, а также бескорыстности оказался в конце концов прав. Более того: когда он на спор со своими грузинскими друзьями перевел за один день «Медведей» Мурмана Лебанидзе – самое непереводимое, как они утверждали, стихотворение, – через какое-то время у него в Москве раздался звонок:

«Швило, это Мурман Лебанидзе, ты знаешь, мне показали твое стихотворение, я прожил жизнь, вроде меня кто-то переводил, на самом деле – переводов у меня нет. Поэтому когда мне говорили делать книжку на русском, я отказывался: не было переводов. А сейчас я уже старый человек, у меня юбилей, и мне предлагаю в Союзе писателей выпустить книжку – сделай, пожалуйста, а?» И я ему говорю: «Батоно Мурман, вы большой, громадный поэт, чтобы вас перевести – этому нужно посвятить часть жизни, у меня, к сожалению, сейчас нет такой возможности – я уезжаю из Союза совсем». Я же не знал, что Союз разрушится, я уезжал на все – И у меня до сих пор на совести, что я сказал ему «нет», когда в конце жизни он вдруг увидел, что его можно перевести на русский».

Теперь по поводу «Могильщика»:

«Я переводил то, что любил, то, что мне нравилось. Почти все мои переводы – это какие-то спорные вещи. Например, я слышал: вот «Могильщик» – одно из самых любимых и известных, если не самое известное стихотворение Галактиона Табидзе, и в Грузии все наизусть знают, ну, многие. Но я видел, я читал переводы на русский – того же Шаламова – и понимал, что это отношения не имеет к оригинал: ни настроение не передано, ничего. При всем моем уважении к

Шаламову – я его люблю. Я слышал, как это звучит на грузинском, и я сделал свой перевод». Нелишним будет заметить, что «Могильщик» – как пишет об этом Заза Абзианидзе, историк литературы и эссеист, главный редактор «Литературной Грузии» – был самым значимым для Галактиона Табидзе произведением. Что же касается других переводов, то читатель сам может при желании сравнить их с переводом Юрченко и сделать собственные выводы. И напоследок – об искренности.

Юрий говорил о том, как важно попытаться сохранить человеческое достоинство в плену, как важно контролировать свое поведение *там*, когда мой диктофон, переполненный предыдущими интервью, исчерпал свои возможности, поэтому остается лишь пересказывать эти проверенные на собственном опыте инструкции своими словами. Там, говорил он, заставят говорить каждого, поэтому единственное, что остается, – это заранее продумывать каждое слово, чтобы никого не выдать. И быть искренним. Страшно всем, но важно не терять лица. Не боялся Юрий и говорить напрямую хлопцам из территориального батальона «Донбасс» о том, что он думает о происшедшем с их страной:

«Отменяется 9 Мая как праздник Победы и назначается день скорби вместо него, проводятся демонстрации в память о дивизии «Галичина»; за награды за Отечественную войну ветеран может быть избит на улице, а героями Украины делают бандеровцев и прочих – это что? Конечно, конкретный фашизм. Я, когда меня спрашивали в плену, где ты видел фашистов, так и говорил: вот, ребята, то, что вы делаете, – оглянитесь – это самый настоящий фашизм».

Именно такое поведение и дало Юрию право смотреть на его также оказавшихся в плену мучителей, не отводя глаз.

Любовь до готовности жертвовать собой, помогая другим, и искренность, что также может стоять тебе жизни, любовь и искренность, как и Бог, любящий до крестной муки, говорящий без обиженков, поругаемы не бывают. И то же самое можно сказать о любви к поэзии, как это со всей очевидностью показала приведенная здесь история. А потому и закончить следует, пожалуй, ею – поэзией. Поэзией Галактиона Табидзе, фрагментом из его «Могильщика» в переводе Юрия Юрченко: *Что, могильщик, ты, как прежде, говоришь: всплакнули, спели*

И – забыли с окончаньем похоронной канители?..

Но смотри – опять приходит эта женщина – ты помнишь? –

К той могиле, над которой распускается шиповник...

Вновь над камнем замирает и все так же безутешна...

Ворох дивных роз приносит, роз, завянутые не успевших,

Ими крест могильный белый украшает, молодая,

И – сама с цветами блекнет, увядает, увядает...

И тоска в глазах бессонных – так порой душа живая

По ночам, о прошлом вспомнив, плачет,

губ не разжимая... №

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Победа под Лейпцигом.
Гравюра Дж. Скотта с картины
И.-П. Крафта. 1820 год

ЦАРСКОЕ ЭТО ДЕЛО

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

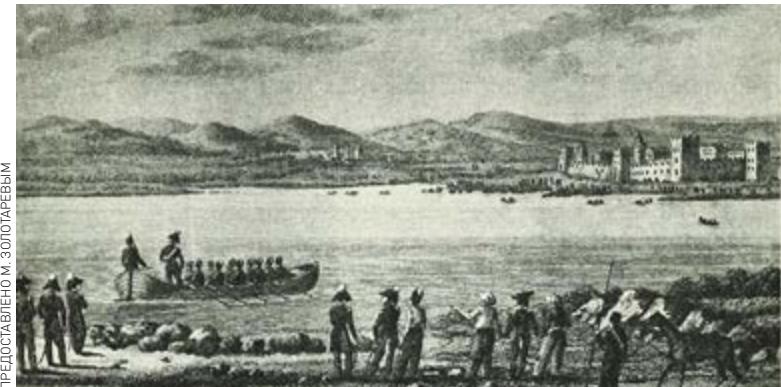
ИЗ ВСЕХ РОССИЙСКИХ ИМПЕРАТОРОВ ЛИЧНО В ВОЙНАХ НИКОИМ ОБРАЗОМ НЕ УЧАСТВОВАЛ ТОЛЬКО ОДИН РОМАНОВ – ПАВЕЛ I. ОСТАЛЬНЫМ В ТОЙ ИЛИ ИНОЙ СТЕПЕНИ ДОВЕЛОСЬ. ЕСЛИ НЕ СЧИТАТЬ ТЕХ, КТО ПО МАЛОЛЕТСТВУ, КАК ПЕТР II И ИОАНН VI, ИЛИ В СИЛУ КРАТКОСРОЧНОСТИ ПРАВЛЕНИЯ, КАК ПЕТР III, НА ВОЙНУ НЕ ПОПАЛИ.

ИХОТЬ СО ШТЫКОМ наперевес императоры Романовы в атаку не бегали, добрая половина из них подвергала себя действительным рискам на поле боя. Известно, что только в Полтавской битве Петра I едва не поразили три пули. Одна засела в арчаке его седла, вторая прострелила шляпу, третья попала в крест на груди. Праправнук Петра Александр I не раз мог погибнуть во время

Наполеоновских войн. Особен-
но близко опасность в лице ата-
кующих французов подступила
под Лейпцигом, во время Битвы
народов. Его младший брат, всту-
пивший на престол под именем
Николай I, в 1828 году отправил-
ся на русско-турецкую войну на
балканский театр военных дей-
ствий. Во время пребывания го-
сударя на фронте случились как
минимум три эпизода, когда он
сильно рисковал. Например, во
время переправы через Дунай на

лодках, предоставленных вроде бы нейтральными бывшими запорожскими казаками под начальством атамана Осипа Гладкого, переселившимися в места близ крепости Исакча. Генерал Александр Бенкендорф вспоминал о той переправе так: «...В виду еще не сдавшейся и защищаемой сильным гарнизоном крепости Государь сел в шлюпку запорожского атамана, Гладкий сам стоял у руля, а двенадцать его казаков гребли. Этим людям, так недавно еще нашим смертельным вра-
гам и едва за три недели перед тем оставившим неприятель-
ский стан, стоило только уда-
рить несколько лишних раз вес-
лами, чтобы сдать туркам, под
стенами Исакчи, русского само-
одержца, вверившегося им в со-
провождении всего только двух
генералов».

Балканская армия графа Вит-
генштейна, при которой находи-
лся император, после фор-
сирования Дуная застряла в
треугольнике крепостей: Вар-
на – Силистрия – Шумла. В окру-
ге занимались рейдерством тур-
ецкие конные отряды, и вот однажды, при переезде из Вар-
ны в Шумлу, один такой турец-
кий конный отряд столкнулся

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

с царским конвоем. В тот раз османы боя не приняли, но позже в такой же ситуации обстреляли государя и его конвой. Были убитые и раненые. Злые языки до сих пор говорят о том, что была у Николая I мечта – получить орден Святого Георгия. Мечта сбылась в 1838 году, когда Георгиевская дума приняла решение наградить царя «4-м Георгием» за выслугу лет. Был такой период в истории ордена, когда младшей степенью награждали не только за боевые подвиги, но и за беспорочную службу в четверть века при условии участия претендента хотя бы в одном сражении. Вот, мол, Николай Павлович и воспользовался... На самом деле он мог претендовать на орден хотя бы по той причине, что, будучи государем, находился во время войны под непосредственным огнем. А этого, согласно принятому правилу, было достаточно. Александр II довольно много времени провел в действующей армии во время последней русско-турецкой войны, 1877–1878 годов. Правда, на передовую не стремился. Объяснял это тем, что своим присутствием помешает генералам управлять войсками. Тем более что во главе Балканской армии стоял его брат – великий князь Николай Николаевич, на Кавказе распоряжался другой брат – великий князь Михаил Николаевич, а одним из отрядов под названием «Рущукский» командовал его сын – цесаревич Александр. Однако ж долгие недели государь жил в полевых условиях, в основном в тех местах, где были сосредоточены лазареты. Он и

сам называл себя «братьем милосердия» на этой войне.

Про Александра III – уже понятно: будучи наследником, он принял участие в русско-турецкой войне и в качестве командира Восточного (Рущукского) отряда руководил 45 тысячами человек. Его отряд не был на самых острых направлениях, но тоже успел потягаться силами с турками. О рисках, которым подвергались будущий государь и его младший брат, Сергей, говорит хотя бы такой факт: во время усиленной рекогносировка в октябре 1877 года был убит пулей в лоб член императорского дома, внук Николая I, князь Сергей Лейхтенбергский, приходившийся Александру Александровичу двоюродным братом.

Так что боевая традиция в семье Романовых имела место и серьезный стаж. И в том, что во время Первой мировой войны значительная часть весьма многочисленной императорской фамилии в лице великих князей и князей императорской крови отправились в действующую армию, нет ничего сверхестественного.

Переправа
императора
Николая I через
Дунай в 1828
году. Гравюра
А. Петрова
по рисунку
Г. Зверева.
1829 год

МЛАДШИЙ БРАТ

«Синий кирасир» Михаил Александрович... Великий князь, наследник престола в течение пяти лет, младший и самый любимый сын Александра III. Родился в Гатчине в 1878 году. При наличии двух старших братьев, Николая и Георгия, никто не предполагал, что Михаил когда-нибудь может стать царем. Потому детство его протекало довольно беззаботно, хотя он и воспитывался в спартанских условиях. Это из Николая и «резервного» Георгия создавали будущих правителей, а младшему была определена военная стезя, что вполне соответствовало обычаям дома Романовых.

В службу Михаил был определен пяти лет, но в строй попал куда позже – в 17. Первое место службы – 5-я батарея лейб-гвардии Конной артиллерии. В 1902 году был переведен в лейб-гвардии Преображенский пехотный полк. В 1904-м – в лейб-гвардии Кирасирский Ее Величества Марии Федоровны полк. Иными словами, великого князя «пропускали» по всем основным родам войск армии, дабы сделать из него универсального офицера. В кавалерии он и задержался. К тому же его перевод в «синие кирасиры» состоялся примерно тогда же, когда он узнал особенно радостную для него весть: о рождении сына в царской семье. После того как в 1899 году умер средний сын Александра III, Георгий, а у старшего, уже – Николая II, и его августейшей супруги рождались только девочки, младшего «передвинули» в наследники престола, чем Михаил очень тяготился. Он не стремился к власти, не спешил заседать в Госсовете, он хотел служить и в свободное время жить частной жизнью любителя автогонок, скачек, гимнастики, охоты и велосипеда.

Служить великому князю удавалось вполне достойно. Вскоре он получил под команду эскадрон. Не по титулу, а исходя из квалификации. Но в 1908 году и полк, и Гатчину, и весь

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

высший свет потряс неожиданный скандал. Выяснилось, что Михаил Александрович имеет серьезные отношения с супругой одного из офицеров его же полка – Вульфера. Ситуация была тем более пикантна, что обычный в таких случаях приговор полкового офицерского суда чести принять оказалось крайне затруднительно. С одной стороны, брат царя все-таки. С другой – отношения Михаила Александровича и Натальи Сергеевны оказались куда глубже, чем случавшиеся в гарнизонах интрижки. Понятно, что в Зимнем дворце поведение младшего брата не одобрили, и для острастки он был отправлен подальше от Петербурга – командовать Черниговским гусарским полком в Орел. Когда царю показалось, что ситуация улеглась, Михаила вернули – на должность командира Кавалергардского полка. Но мир в семье продолжался недолго. Когда выяснилось, что великий князь сочетался морганатическим браком с госпожой Вульферт в Вене, Михаила уволили со службы, ему запретили въезд в Россию, а на его имущество наложили опеку. Опала продолжалась до начала войны. Летом 1914-го великий князь генерал-майор Русской армии Михаил Романов явился в Петербург и получил новое назначение – принять командование над Кавказской Туземной конной дивизией, чье формирование из мусульман-добровольцев завершилось в сентябре. Дело в том, что по законам империи мусульмане Северного Кавказа и Закавказья обязательному призыву не подлежали. Но воевать против немца желающих оказалось недостаточно. Согласно приказу императора дивизия была сформирована из шести национальных полков: кабардинского, дагестанского, татарского (азербайджанцы), чеченского, черкесского (черкесы, абхазы, карачаевцы) и ингушского. Офицерский кадр дивизии набирали преимущественно из представителей высшей

Великий князь Михаил Александрович (1878–1918)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Великий князь Михаил Александрович Романов с офицерами Дикой дивизии. 1914 год

русской аристократии. Почему – точного ответа нет. Не исключено, что сыграло роль назначение командиром дивизии царского брата, которого в кавалерии знали и любили. Всего по штатному расписанию под руку Михаила Александровича поступило свыше 3,5 тысячи всадников. Именно – всадников, таково было официальное название рядовых кавалеристов уникального боевого соединения, сразу получившего в войсках второе имя – «Дикая дивизия». Поначалу название

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

связывали со своеобразными нравами, царившими в ее полках, где очень немногие не то чтобы соблюдали, но хотя бы знали о существовании воинских уставов. Да и как, если далеко не все всадники говорили и понимали русский язык. Но после первых боев Дикой на Юго-Западном фронте в ноябре 1914-го в названии появился второй смысл, с примесью восхищения. Дивизия дралась самозабвенно и вдохновенно! Довольно сказать, что 3,5 тысячи ее всадников и все без исключения офицеры были награждены Георгиевскими крестами и орденами соответственно. В трехлетних боях Дикая дивизия пропустила через себя более 7 тысяч человек, то есть два полных состава. Великий князь командовал ею два года – до осени 1916-го. По словам солдат, отличался не только командными навыками, но и личной храбростью. Нередки были случаи, когда Михаил Александрович летел в конную атаку вместе с «лавой». В 1915 году был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени и Георгиевским оружием. Но не меньшей наградой стало полное прощение, полученное от брата. Жене и Георгию – сыну великого князя – были даны титулы графини и графа Брасовых, по названию одного из имений Михаила Александровича, опеку сняли. После недолгого командования 2-м конным корпусом генерал-лейтенант Романов был отозван царем в Петроград, дабы занять должность инспектора кавалерии. Но Февральский государственный переворот резко изменил жизнь великого князя. Стало не до инспекции. На фронт вернуться ему не позволили. Уволили «с мундиром» и пенсией и дали разрешение на свободное проживание. Оно закончилось в Гатчине спустя ровно год после переворота. В марте 1918 года гражданина Михаила Романова выслали в Пермь, а в июне он был тайно вывезен местными большевиками за город и убит.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

СЫНОВЬЯ «СТАРШЕГО»

Это – Николаевичи. Внуки великого князя Николая Николаевича-старшего. Потому «старшего», что среди его сыновей один – тоже Николай. И тоже – по военной части. Чтобы не путаться и в войсках, и при дворе отца и сына стали называть «старший» и «младший». Хотя было у «младшего» сугубо семейное прозвище – «Николаша». Видимо, придумал оно кто-то с большим чувством юмора. Потому как позывной предполагает существование доброе, мягкое, тихое и незлобивое. А Николай Николаевич-младший был существом ровно противоположным.

«Николаша» родился в 1856 году. В отличие от многих Романовых получил не домашнее, а вполне себе общепринятое военное образование: будучи записан отцом в лейб-гвардии Гусарский полк, окончил Николаевское инженерное училище, затем некоторое время служил в столичных учебных пехотном и кавалерийском батальонах, наконец, в 1876-м завершил образование в Николаевской академии, да еще с серебряной медалью. Вышел капитаном Генерального штаба. Первый боевой опыт «Николаша» получил под командой отца на грязнувшей вскоре русско-турецкой войне. Там же – и своего первого Георгия, 4-й степени. Великий князь отличился

при форсировании Дуная. А после завершения операции заставил главкома Николая Николаевича-старшего уронить слезу. Сидя на берегу под обстрелом, «младший» реагировал на предложения покинуть опасное место так: «Кому жить – не тронет, кому нет – не простит». Дальше была Шипка. За тамошние бои «Николаша» получил Золотое оружие «За храбрость» и чин полковника.

После победы Николай Николаевич прикипел к гвардии и к ее самой эффектной части – кавалерии. Более десяти лет командовал лейб-гусарами, затем дотянулся до должности командующего войсками гвардии и Петербургского гарнизона. Сразу после русско-японской войны возглавил Совет государственной обороны. В войсках «Николаша» боялись и любили одновременно. Любили потому, что был свой-родной, не

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Император Николай II и Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич-младший в Ставке. Барановичи. 1914 год

паркетный. Боялись потому, что характером был крут, в дедушку – Николая Павловича. Да и в размерах ему мало проигрывал. По массе, конечно, уступал, а вот ростом вполне соответствовал. В кавалерийской офицерской среде великого князя не только боялись, но и уважали. Конное дело он знал здорово и за преобразования в кавалерии взялся в начале XX века рьяно. Это он заставил кавалерийские части работать над маневром, тренировать атаки на полевом галопе, подтянуть конский состав. Особенно доставалось кавалерийским начальникам, многие из которых уже порядком отвыкли от седла.

Благодаря усилиям великого князя русская кавалерия к Первой мировой войне подготовилась лучше всех. И в тех случаях, когда ей предоставлялась возможность это доказать – доказывала неизменно. Вот только возможность эта предоставлялась не так часто, как хотелось бы. Парадоксально, но в стратегическом плане и сам Николай Николаевич-младший, приняв 1 августа 1914 года главное командование над Русской армией, глобальных задач перед кавалерийскими массами не ставил. Во главе армии «Николаша» продержался чуть более года. За его плечами в 1914-м осталось поражение в Восточной Пруссии, победа в Галицкой битве, успехи в Варшавско-Ивангородской и Лодзинской операциях, в 1915-м – Великое отступление весной-летом и огромные потери. Получив два Георгиевских креста за военные удачи в начале войны, Николай Николаевич был заменен на посту главкома в августе 1915 года и отправился руководить Кавказским фронтом. Надо отдать ему должное: он не слишком мешал тамошнему начальнику – командующему Кавказской армией генералу Юденичу, тоже, к слову, Николаю Николаевичу. Как результат – на этом направлении русское оружие поражений не знало. Сразу после Февральского переворота великий князь отправил

Великий князь Петр Николаевич в Ставке. Барановичи. 1915 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

тенант Петр Романов нес под началом старшего брата: сначала – на Восточном фронте, потом – на Кавказском. В эмиграцию братья отправились также вместе и за пределами Родины старались не расставаться. Во время Великой войны наградами отмечен не был.

К ветке Николаевичей относится и самый молодой участник мировой войны из рода Романовых – князь императорской крови Роман Петрович. Этот титул для членов фамилии был введен указом Александра III в 1885 году. Князьями крови становились потомки внуков всякого русского императора. Причина проста и меркантильна: ограничить число великих князей, ибо этот титул требовал особых расходов со стороны государства. А семья Романовых к тому времени невероятно разрослась.

Правнук Николая I и сын великого князя Петра Николаевича Роман родился в 1896 году. Едва получив первый офицерский чин в 1916 году, сразу отправился на фронт, в Кавказскую армию. Будучи формально поручиком саперного батальона, военный инженер Романов служил в адъютантах своего дяди – главкома Кавказского фронта «Николаши». Подвели с детства слабые легкие. Во время Гражданской войны эмигрировал из Крыма вместе с семьями отца и дяди.

В Первой мировой участвовал еще один Николаевич – Петр. Он родился в 1864 году и также был обречен на военную службу. Но после завершения военного образования, будучи 20-летним юношем, покинул службу из-за обнаружившегося туберкулеза. В семье его звали «Петюша», и основания на сей раз тому соответствовали. Скромный, тихий, увлекающийся искусством и архитектурой, младший брат был полной противоположностью старшему. Однако это не помешало ему стать отменным специалистом в военно-инженерном деле, что он доказал на русско-японской войне и в еще большей степени – на Первой мировой. Службу генерал-лей-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Великий князь Константин Константинович (1858–1915), поэтический псевдоним К.Р.

КОНСТАНТИНОВИЧИ

Одним из самых плодовитых Романовых во второй половине XIX века был внук Николая I великий князь Константин Константинович, известный в русской культуре под поэтическим псевдонимом К.Р. Сам он в Первой мировой в силу возраста участия не принимал. Равно как и его братья – Николай и Дмитрий. Хотя все три сына великого князя Константина Николаевича войну застали. Николай

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Семья великого князя Константина Константиновича

пережил ее в далеком Ташкенте в вечной ссылке и умер в начале 1918 года. Дмитрий, почти ослепший, – в столице, где и был расстрелян большевиками в 1919-м в Петропавловской крепости. Константин – тоже в Петербурге, откуда отправил на войну пятерых своих сыновей. Князь умер в 1915-м в Павловске, через считанные месяцы после гибели одного из них...

К.Р. отличался среди Романовых особо романтическим отношением к жизни вообще и к военной службе в частности. Командуя ротой Его Величества в лейб-гвардии Измайловском полку, завел там известные на всю армию «Измайловские досуги» – творческие вечера с участием офицеров, на которых читали стихи, музиковали, ставили театральные постановки. После того как Константин Константинович оставил Измайловский полк, «Досуги» продолжались, несколько вечеров прошло в окопах Первой мировой. Всего их случилось более 300.

Сыновей К.Р. воспитывал в том же духе. Долг, честь и любовь – вот основы основ. Не случайно все пять братьев уже в самом начале войны оказались на передовой. Старший, Иоанн, рожденный в 1886 году, в 1907-м вышел из Николаевского кавалерийского училища в лейб-гвардии Конный полк, в котором и прослужил до 1917 года. Георгиевское оружие «За храбрость» получил осенью 1914-го за то, что в середине августа, будучи «ординарцем начальника дивизии, неоднократно с явной опасностью для жизни передавал распоряжения и этим способствовал достижению успеха». Уже при большевиках, в марте 1918 года, Иоанн был рукоположен в диаконы. Казнен под Алапаевском спустя три месяца.

Погодок Иоанна князь Гавриил в том же, 1907 году вышел из «Славной школы» в лейб-гвардии Гусарский полк, с которым начал войну в должности начальника разведчиков 4-го эскадрона. Воевал до конца 1915

Князь императорской крови Олег Константинович (1892–1914)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

года. После чего был переведен в Свиту и зачислен на курсы Академии Генерального штаба. Имел три боевые награды: ордена Святого Станислава и Святого Владимира (оба – 3-й степени с мечами и бантом) и Георгиевское оружие. Князю Гавриилу, в отличие от братьев, повезло. Благодаря заступничеству некоторых лиц, влиятельных в большевистских кругах, его выпустили не только из тюрьмы, но и за пределы Советской России. Князь крови Константин Константинович родился в 1890 году, учился в Пажеском корпусе, начал службу на флоте, продолжил в пехоте. «Он был весьма скромным офицером лейб-гвардии Измайловского полка, любимым

офицерами и солдатами, вместе с сим был храбрым воином, отличавшимся в минувшую войну. Мне лично приходилось видеть его в окопах среди солдат, во время опасности для жизни», – вспоминал полковой священник. За спасение полкового знамени в сентябрьских боях 1914 года князь награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. По некоторым данным, в 1916 году получил в награду Георгиевское оружие. Убит большевиками под Алапаевском 5 июля 1918 года.

В 1894 году на свет появился князь крови Игорь Константинович. После Пажеского корпуса служил в лейб-гвардии Гусарском полку. Воевал, правда, недолго. По здоровью был отправлен на тыловую должность. Но отметить успел – награжден боевым орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Третий из братьев, погибших под Алапаевском.

Двумя годами ранее в семье К.Р. появился сын, названный Олегом. Как и остальные, получил военное образование. А кроме того – окончил Александровский лицей. Незадолго до Пер-

Князь Олег Константинович на смертном одре

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

вой мировой вышел корнетом в лейб-гусары. Князь отличился в бою один-единственный раз. 27 сентября 1914 года под польским городом Владиславовом гусары наткнулись на немецкие разъезды. Князь упросил эскадронного командира отправить его взвод в погоню за германцами. Генерал Спиридович вспоминал: «Кровная кобыла Диана занесла Князя далеко вперед. И, когда победа была уже достигнута, когда часть немцев была уже перебита, а часть сдалась, один из раненых немецких кавалеристов, лежа, прицелился в Князя. Раздался выстрел, Князь свалился тяжелораненый. Раненого на арбе перевезли в Пильвишки, где он причастился. Затем повезли в Вильно, куда приехали на другой день в 10 час. утра. Перевезли в госпиталь, где исследование раны показало начавшееся гнилостное заражение крови...» Телеграмма о награждении орденом Святого Георгия 4-й степени застала Олега Константиновича живым. Он прожил еще два дня. Незадолго до смерти князь написал в дневнике: «Мне радостно, что мы, Константиновичи, все впятером на войне... Шестому сыну К.Р. Георгию, воевать не пришлось. Он родился только в 1903 году.

ОЛИМПИЕЦ-УБИЙЦА И ДРУГИЕ

О великом князе Дмитрии Павловиче вспоминают обычно в связи с его участием в убийстве Григория Распутина. Почти всегда его изображают эдаким ленивым и уставшим от жизни инфантюлом. На самом деле князь был весьма энергичным и смелым человеком. Еще в 1911 году, едва успев выйти корнетом в лейб-гвардии Конный полк, 20-летний Дмитрий испросил высочайшего разрешения отправиться добровольцем на итalo-турецкую войну в Ливию. В 1912-м один из лучших кавалеристов Русской армии, князь в составе национальной сборной участвовал в Олимпийских играх в Стокгольме. Лавры, правда, не снискал.

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Великий князь
Дмитрий
Павлович
(1891–1942),
сын великого
князя Павла
Александровича,
внук Александра II

Но ленивых на Олимпиадах не встретишь. Войну князь Дмитрий начал штабс-ротмистром родного полка. Уже в самом начале отличился. Вынес на своем коне из боя раненого унтер-офицера, а затем вернулся в драку. За что и получил орден Святого Георгия 4-й степени. Правда, боевой путь оказался коротким. После смерти князя крови Олега и представителя грузинского царского рода Багратиона-Мухранского часть Романовых, находившихся на фронте, перевели на тыловые должности. До

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Великий
князь Павел
Александрович
(1860–1919),
шестой сын
Александра II

убийства Распутина Дмитрий Павлович числился при Ставке. А после был отправлен в Кавказскую армию, под присмотром генерала Баратова, сражавшегося в Персии. Не исключено, что эта ссылка спасла князю жизнь после Февральского переворота 1917 года. По крайней мере, его отец, великий князь Павел Александрович, оставшийся в России, был расстрелян в январе 1919 года в Петропавловской крепости.

К началу войны сыну императора Александра II было не полных 54 года. Вполне генеральский возраст. Он и был генералом, вплоть до 1902 года занимал должность командира Гвардейского кавалерийского корпуса. Но затем, вопреки запрету императора, вступил в морганатический брак с дамой Пистолькорс. Прощение пришло через шесть лет, и в 1908-м Павел Александрович вернулся в Россию. Со своим корпусом он и выступил на Перовую мировую. Сражался смело и ответственно. В 1916 году был отмечен орденом Святого Георгия 4-й степени. Февральские события встретил в должности генерал-инспектора гвардейской кавалерии.

Еще две крупные ветви романовского древа – Михайловичи и Владимировичи. В годы Первой мировой войны великих князей Михайловичей было четверо: Николай, Михаил, Георгий и Александр. Старшему – 55, младшему – 48. Золотые годы! Но реализовывались братья на войне по-разному. Александру Михайловичу страна обязана возрождением флота после Цусимской катастрофы 1905 года и созданием военной авиации. Этим своим детищем князь и занимался на войне, будучи генерал-инспектором нового вида войск. Георгий Михайлович военные месяцы провел при Ставке и в качестве Особого уполномоченного Главковерха выезжал с инспекциями в действующую армию. Иногда такие поездки были сопряжены с личным риском. В связи с этим князь был

Великий князь
Александр
Михайлович
(1866–1933),
четвертый сын
великого князя
Михаила Николаевича,
внук Николая I

Великий князь
Георгий Михайлович
(1863–1919),
третий сын
великого князя
Михаила Николаевича
и Ольги Федоровны,
внук Николая I

Великий
князь Борис
Владимирович
(1877–1943),
сын великого
князя
Владимира
Александровича,
внук
Александра II

назначен Походным атаманом казачьих войск. Братья уцелели после переворота и отправились в эмиграцию.

В теснейшем родстве с Романовыми были князья Лейхтенбергские и Ольденбургские. В общей сложности шестеро представителей этих династий приняли участие в Первой мировой войне. Двое были награждены Георгиевским оружием, будучи командирами строевых полков.

Если говорить только о Романовых, то на момент начала войны лиц мужеска пола насчитывалось аж 30. Восемь из них, по причине малых лет, воевать никак не могли. Еще четверо не воевали по другим, вполне объективным причинам: страсть, слепота, ссылки. Отдельной строкой – великий князь Николай Михайлович, откровенно манкировавший долгом. Остальные 17, согласно традициям рода, пошли на войну. Кто в штабы, кто на передовую – но на войну! Включая императора Николая II и его сына Алексея. В Первой мировой погиб один представитель династии. Во время последующей гражданской смуты было убито 11 мужчин.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

награжден Георгиевским оружием. Расстрелян в январе 1919-го в Петрограде. Михаил Михайлович личной опасности не подвергался. Будучи наказанным за морганатический брак, с конца XIX века жил в Англии. С началом войны писал императору о желании вступить в армию, но, не получив ответа, поступил на службу в русскую военную миссию в Британии. Старший, Николай Михайлович, хоть и был профессиональным военным в чине генерала от инфanterии и имел Георгия за русско-турецкую войну, слыл за пацифиста и находился «в распоряжении главкома Юго-Западного фронта». Пацифизм и критика императора-родственника жизнь князю не спасли. Он был расстрелян в Петропавловке вместе с братом. Сын Александра Михайловича, князь крови Андрей, корнетом вступил в службу в конце 1916 года в лейб-гвардии Конном полку. Но славы на полях Первой мировой не снискал. Все трое Владимировичей проявили себя ярче. Князь Кирилл – в качестве начальника морских батальонов и командаира Гвардейского Флотского

имущих, ища чина или места. Когда его пытались подкупить, поднося подарки, отвечал: «Государь мой! Сахарная голова не есть резон для обвинения вашего соперника: извольте отнести ее назад, а принести законное доказательство вашего права!» Иван Андреевич никогда не был дворовых, и сын его унаследовал убеждение, что «побои не есть средство к исправлению людей».

Первым браком, как рассказывал сам Денис Иванович, отец его был женат на женщине много старше его: женился в 18 лет на полюбившей его 70-летней старухе, чтобы спасти брата от разорения. Двенадцать лет был на ней женат и сохранял ей верность. Вторым браком женился на Екатерине Васильевне Дмитриевой-Мамоновой, о которой Денис Иванович писал так: «...жена добродетельная, мать чадолюбивая, хозяйка благоразумная и госпожа великолдушеная». Детей у этой четы было восемь – мальчиков и девочек поровну. Когда родился Денис – у биографов нет согласия: называют и 1745, и 1744 год; второе, вероятно, точнее; из восьмерых детей он был самый старший.

Иван Андреевич много читал – «все русские книги, из коих любил отменно древнюю и римскую историю, мнения Цицероновы и прочие хорошие переводы нравоучительных книг». Денис Иванович вспоминал, как отец рассказывал детям историю Иосифа Прекрасного. Маленькому Денису было так жаль проданного в рабство Иосифа, что он стал плакать, но постеснялся сказать, отчего плачет, и соврал, что у него болит зуб. Отец стал лечить сыну здоровый зуб, и только тогда мальчик признался, что соврал, чтобы отец не перестал рассказывать истории. Отец похвалил сына и историю через несколько дней рассказал до конца. Мальчик вообще отличался чрезвычайной эмоциональностью; со слов отца своего Фонвизин рассказывает, что сильно

ИЗ ПРЕРУССКИХ РУССКИЙ

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

ПУШКИН БРАТУ ЛЬВУ ПИСАЛ: «НЕ ЗАБУДЬ ФОНВИЗИНА ПИСАТЬ ФОНВИЗИН. ЧТО ОН ЗА НЕХРИСТ? ОН РУССКИЙ, ИЗ ПРЕРУССКИХ РУССКИЙ». НО ФОНВИЗИН, ИЛИ ФОН-ВИЗЕН, СТАЛ ФОНВИЗИНЫМ ТОЛЬКО К КОНЦУ XIX ВЕКА, А ДО ТЕХ ПОР В ПРАВОПИСАНИИ ЕГО ФАМИЛИИ ПУТАЛИСЬ.

ОСНОВАТЕЛЕМ РОДА в России стал рыцарь Петр Фон-Визин, взятый в плен во время Ливонской войны вместе с сыном Денисом. Фон-Визины остались в России и при царе Алексее Михайловиче приняли православие.

Отец писателя, Иван Андреевич, был офицером. Он учился при Петре I морскому делу, служил во флоте, затем в сухопутных войсках, вышел в отставку в чине майора и работал в Ревизион-коллегии. Он был честен, ненавидел вранье и взяточничество, не заискивал у власть

тосковал, будучи в 3-летнем возрасте отнят от кормилицы. Отец спросил его однажды, грустно ли ему. «А так-то грустно, батюшка, – отвечал я ему, затрепетав от злобы, – что я и тебя и себя теперь же вдавил бы в землю». Иностранных воспитателей детям не нанимали: лишних денег в семье не водилось. Фонвизин, по словам его биографа Петра Вяземского, с детства был окружен «русскою атмосферою»; «старик отец Фон-Визин заставлял сына читать у крестов (то есть вслух церковные книги. – Прим. авт.) во время всенощных бдений, которые часто отправлялись у них дома». В 1755 году отец отдал сыновей – Павла и Дениса – в дворянскую гимназию Московского университета, только что созданную одновременно с университетом; вместе с братьями учился Григорий Потемкин.

«ВКУС К СЛОВЕСНЫМ НАУКАМ»

Учились Фонвизины хорошо. Об успехах гимназистов тогда сообщали в газетах, и до нас дошло несколько сообщений о золотых медалях, которыми в конце года награждали братьев. Правда, Денис Иванович вспоминал, что уровень преподавания был низкий, что на экзамене никто из его одноклассников не мог

Иван Афанасьевич Дмитревский (1734–1821), актер, драматург, переводчик, в роли Стародума в спектакле «Недоросль». Портрет работы неизвестного художника. 1780-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Здание Главной аптеки, где первоначально располагались Московский университет и гимназия, в которой учился Денис Фонвизин. Гравюра XVIII века

ответить, куда течет Волга: один сказал, что в Белое море, другой – в Черное. Сам Фонвизин честно сказал «не знаю», за что и был поощрен медалью. Один раз вместо медали братьев повысили в чине: оба были по обычаю ссызмальства записаны в Семеновский полк – и в 1760 году оба стали сержантами. В 1758 году братьев в числе лучших учеников повезли в Петербург представлять куратору университета Шувалову; двор ошеломил 14-летнего Дениса роскошью, убранством, яркостью красок, «огромной музыкой». Но главное – к нему с вопросом обратился сам Ломоносов: спросил, чему мальчик учится, и замечательно говорил о пользе изучения латыни. Боль-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

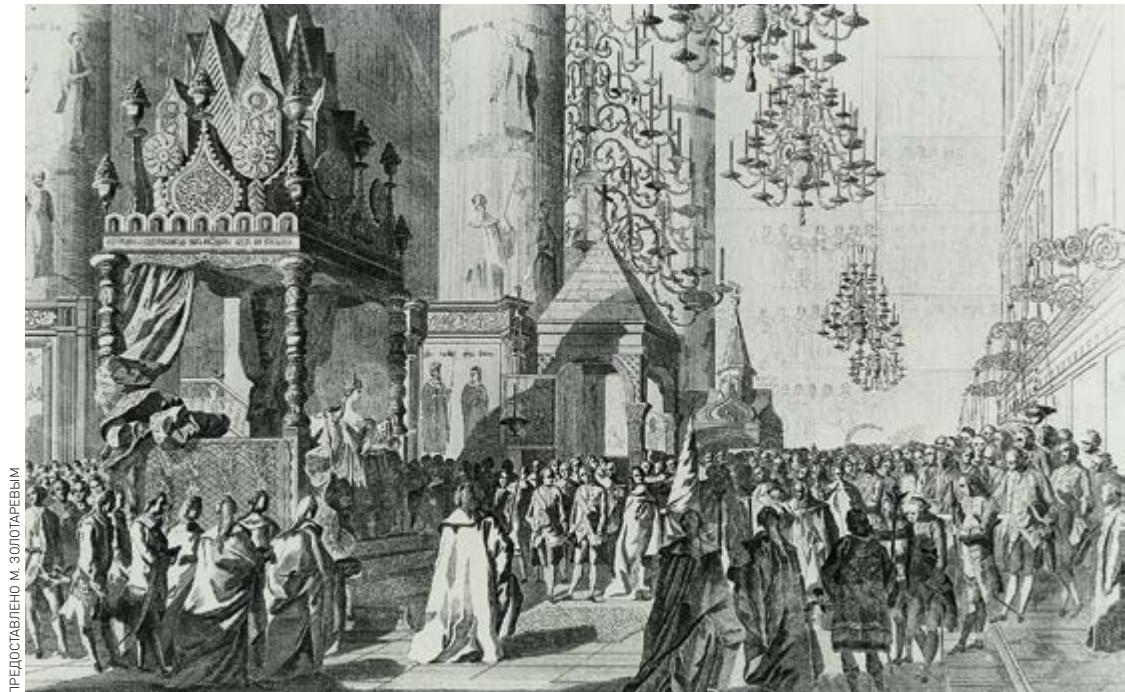
ше всего, однако, в Петербурге подростка поразил театр, куда он попал впервые в жизни; он смотрел переводную комедию и хотел до упаду. Вскоре оказалось, что у дядюшки, в чьем доме мальчики Фонвизины жили в Москве, бывают актеры Федор Волков и Иван Дмитревский, он встретил обоих. Волков скоро умер, а Дмитревский стал хорошим другом Фонвизина на всю жизнь и играл Стародума в постановке «Недоросля». Уже в гимназии Фонвизин получил «вкус к словесным наукам» и начал переводить. Первым опытом стали басни датского писателя Хольберга, или Гольберга, которые ему заказал университетский книготорговец; перевод вышел в 1761 году. Затем заказы посыпались один за другим. Переводы публиковались в журнале под названием «Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия, или Смешанная библиотека разных физических, экономических, також до манифактур и до коммерции принадлежащих вещах», его издавал университетский библиотекарь. Среди фонвизинских переводов были и статьи из области гуманитарных наук, и Овидиевы «Метаморфозы», и роман аббата Террасона «Геройская добродетель, или Жизнь Сифа, царя египетского, из таинственных свидетельств древнего Египта взятая». Фонвизин, не знавший французского языка, переводил роман с немецкого. Учить французский он взялся после того, как один случайный знакомец, узнав, что Фонвизин не говорит по-французски, счел его «невеждою и худо воспитанным». «А я, приметя из оборота речей его, что он, кроме французского, коим говорил также плохо, не смыслит более ничего, – рассказывал Фонвизин, – стал отъедаться и моими эпиграммами загонял его так, что он унялся от насмешки и стал звать меня в гости; я отвечал учтиво, и мы разошлись приятельски. Но тут узнал я, сколько нужен молодо-

му человеку французский язык, и для того твердо предпринял и начал учиться оному». А над невежественными галломанами он потом вдоволь посмеялся в своем «Бригадире», где обильно использовал находки своего любимого Гольберга в пьесе «Жан-француз». К этому времени у Фонвизина уже была репутация острослова; пущенные им меткие словечки повторяли многие, но по молодости и природному доброподобию многих врагов он себе не нажил.

Хорошее знание латыни помогло Фонвизину овладеть и французским; довольно скоро Фонвизин перевел и Вольтерову «Альзиру» – правда, этот перевод он потом называл грехом своей юности. Перевод подвергся многочисленным насмешкам; граф Хвостов, сам неважный стихотворец, глумился: «Не ты ль у старика Вольтера отнял честь, // Как удалось тебе Альзиру перевесть?»

…Юноша впервые влюбился. Предметом его страсти, которую он иронически описывает в своем «Чистосердечном признании», была девица, про которую можно сказать «толста, толста! приста, приста!». Единственной причиной привязанности, пишет Фонвизин, была разность полов, ибо больше влюбиться было не во что. Двери в доме возлюбленной, однако, не закрывались, поэтому вместо того, чтобы практиковаться в науке страсти нежной, ему пришлось вести бесконечные разговоры с глуповатой возлюбленной и ее глуповатой матерью, которая и послужила прототипом знаменитой бригадирши в пьесе «Бригадир». В бригадирши все узнали кого-то знакомого; граф Никита Панин сказал Фонвизину однажды: ваша бригадирша всем родня.

В 1762 году Фонвизин окончил гимназию. Гвардейский сержант, он должен был служить, но служить не хотел, а хотел учиться. Помог случай. Екатерина II, едва получив власть, прибыла в Москву для коронации, с нею прибыли двор и прави-

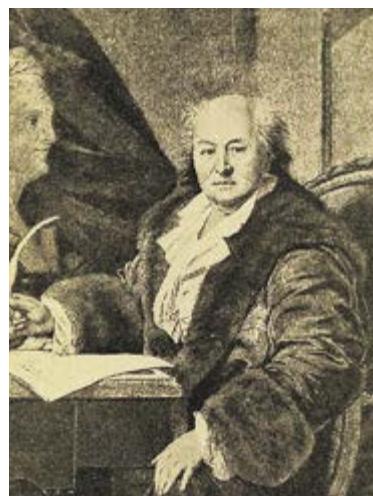
ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Коронация
Екатерины II
в Успенском
соборе. 1762 год.
По рисунку
Ж.-Л. Девильи
и М. Махаева

тельство. Иностранный коллегиальный нуждалась в переводчиках; вице-канцлер Голицын взял юношу, знающего несколько языков, в коллегию. Фонвизин переводил хорошо, и для перевода ему давали самые важные документы.

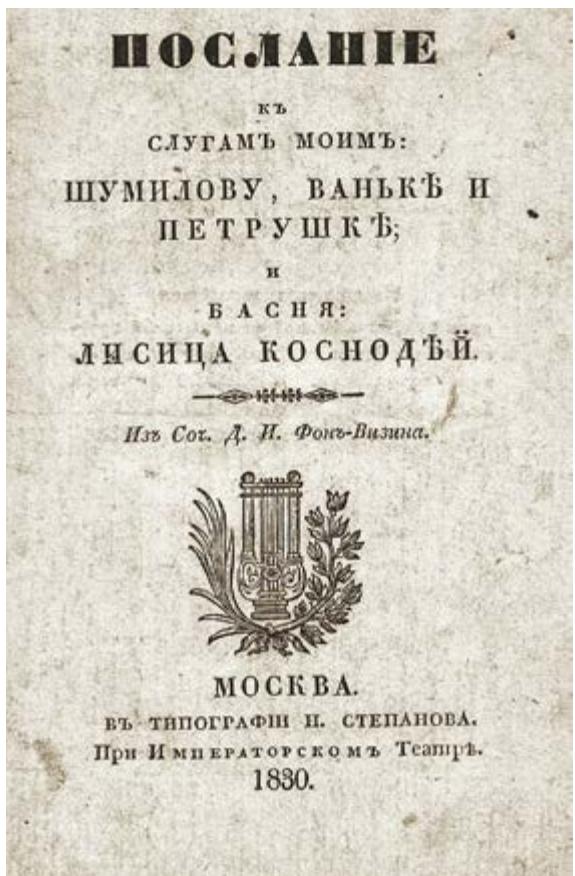
Вскоре он свел знакомство с Иваном Елагиным, кабинет-министром и забытым уже нынче писателем; помнят его не по романам, а по Елагину остроеву в Петербурге. Вокруг Елагина собрался литературный кружок молодежи, любящей театр и размышляющей о путях развития словесности. Елагин взял Фонвизина под свое начало «секретарем для некоторых дел».

Служба была необременительной, оставляла много времени для балов, пиров, катаний, маскарадов и театра. У Елагина Фонвизин встретил князя Федора Козловского, у которого собирались молодые вольнодумцы; некоторое время Фонвизин был вхож в их круг, о чем писал потом как об ужасной ошибке молодости, ибо там все богохульствовали и кощунствовали: «В первом не принимал я никакого участия и содрогался, слыша ругательство безбожников; а в кощунстве играл я и сам не последнюю роль, ибо всего легче шутить над святыней и обращать в смех то, что должно быть почтенно». Тогда-то Фонвизин и написал свое знаменитое «Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке». Он задается там вопросом, для чего создан свет, и спрашивает дядьку своего Шумилова, кучера Ваньку и слугу Петрушку. Шумилов отвечает, что помнит лишь о том, что «нам должно быть век служами»; Ванька считает, что мир – вздор, суета и обман. Петрушка же уверяет, что мир – «ребятская игрушка»: *Создатель твари всей,
себе на похвалу,
По свету нас пustил,
как кукол по столу.*

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Иван
Перфильевич
Елагин
(1725–1794),
государственный
деятель,
историк, поэт.
В 1766–1779
годах директор
Императорских
театров России

Иные ревяются, хохочут,
пляшут, скачут,
Другие морщатся, грустят,
тоскуют, плачут.
Вот как вертится свет!
А для чего он так,
Не ведает того ни умный,
ни дурак.

Послание это принесло Фонвизину славу безбожника – славу слишком громкую, ибо это была скорее злая шутка в духе времени, нежели искренний скептицизм или атеизм. Довольно скоро Фонвизину стало тесно и тошно в вольнодумстве; несколько позже знакомство с сенатором Тепловым, глубоко верующим автором нравственных сочинений, произвело в нем поворот от вольномыслия к религии; с подачи Теплова он даже перевел «Доказательство бытия Божия» Самуила Кларка. Впрочем, «Послание к Шумилову» он до конца своих дней считал одним из лучших своих произведений; незадолго до смерти он спрашивал Ивана Дмитриева, читал ли тот «Послание», «Недоросля», «Лисицу-кознодея»...

Д.И. Фонвизин.
Титульный лист
«Послания
к слугам моим
Шумилову,
Ваньке
и Петрушке»
и басни
«Лисица-
кознодей».
Издание
1830 года

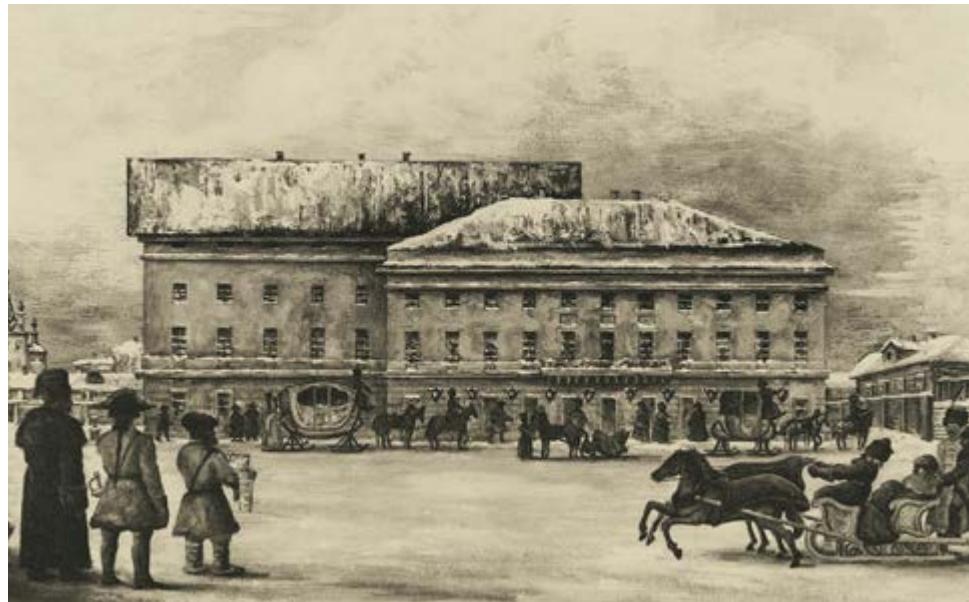
КОМЕДИОГРАФЫ

Фонвизин интересуется литературой, с удовольствием ввязывается в литературные войны, громит соперников, разит остротами. «Молодой Фонвизин находился в числе их как коршун. Пылкость ума его, необузданное, острое выражение всех раздражало и бесило; но со всем тем все любили его. Майков, пустясь в спор против него, заикнется; молодой соперник, воспользовавшись минутою запинания, опередит его и возьмет верх над ним. Взлетит ли Херасков под облака, коршун замысловатым словом, неожиданною насмешкою, как острыми когтями, сшибет его на землю», – писал Вяземский, цитируя воспоминания Петра Мятлева. Фонвизин часто бывал у Мятлева в салоне, встречался там с Майковым, Херасковым, Сумароковым, Богдановичем, Барковым...

В елагинском кружке много размышляли о русском театре и вели непрестанную войну с Сумароковым, царившим на тогдашней сцене чуть не единолично. Особенно в измывательствах над Сумароковым преуспел Фонвизин, обладавший актерским даром перевоплощения: он говорил сумароковским голосом и передразнивал его смешно и похоже. Занимало елагинцев и создание русской комедии: ведь на сцене в основном шли переводные пьесы. «Многие зрители от комедий в чужих нравах не получают никакого поправления. Они мыслят, что не их, а чужестранцев осмеивают», – писал Владимир Лукин, теоретик елагинского литературного кружка. Поэтому иностранные пьесы предполагалось приблизить к российской жизни: дать героям русские имена, показать реалии, писать разговорным русским языком. Лукин именно так и создавал свои произведения. Фонвизин тоже сочинил такого полурусского кентавра, переведя-переиначив пьесу Грессе «Сидней», которая получила название «Корион». Действие французской пьесы перенесено в Подмосковье, главных героев зовут Корион, Менандр и Зенония (Станислав Рассадин замечает, что имена хотя и не вполне русские, однако же имеются в святыцах); один слуга зовется Андреем, да есть еще безымянный, глуповатый, прицокивающий в разговоре крестьянин (именно он и понравился больше всего юному наследнику престола): «И господи спаси от едакой крутыны! // А отцево? Никто не ведает притыны». Комедия, поставленная в 1764 году, понравилась публике; однако на кружок Елагина обрушился Княжнин со стихотворным памфлетом «Бой стихотворцев»; о Фонвизине там сказано, что он «Корионом» честь «Сиднея» уменьшил» и т.п. Фонвизин ответил Княжнину стихотворным увещеванием.

Союз с Лукиным оказался кратковременным: Лукин, человек тяжелого нрава, невзлюбил Фонвизина и сделал его пребывание под началом Елагина невыносимым. Фонвизин и уйти от Елагина не мог, и оставаться не мог: кто же рискнет перебить секретаря у всесильного вельможи. Он попросился в отпуск – к семье, в Москву – на полгода. Потом продлил еще на полгода. За это время он влюбился – все-рьез и по-настоящему. Он был в гостях у некоего полковника, у которого была жена, а у жены сестра – женщина некрасивая, но замечательно умная и тонкая, начитанная; кроме того, она прекрасно пела. Ее звали Анна Ивановна Приклонская. Она была замужем за будущим директором Московского университета Михаилом Приклонским. Вяземский писал о ней: «Телесные свойства природы ее не соответствовали умственным: длинная, сухая, с лицом искаженным оспою, она не могла бы внушить склонности человеку, который смотрел бы одними внешними глазами; но ум сочувствует уму, и зрение умного человека имеет свою оптику. Как бы то ни было, но Фон-Визин был ей предан сердцем, мысля-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

люди, которых всякий встречал в жизни, – но не портрет, а остроумная карикатура.

Фонвизин прославился. Его комедию похвалил Николай Новиков, в чьем сатирическом журнале «Живописец» Фонвизин вскоре стал сотрудничать. В журнале вышли «Письма к Фалалею» – жуткая картина одичания помещиков, которые берут взятки, колотят жен, порют крестьян, а любят разве что собак своих. Вот дядя племяннику рассказывает, как отец его плачет по умершей жене: «Как Сидоровна была жива, так отец твой бывал ее, как свинью, а как умерла, так плачет, как будто по любимой лошади». И только умирающая мать (которая запорола двенадцать крепостных из-за смерти любимой собаки и сама занемогла от горя) пишет сыну с тоской и любовью: «...последнюю копейку из-за души отдам, лишь бы ты был весел и здоров. Батька ты мой, Фалалей Трифонович, дитя мое умное, дитя разумное, дитя любезное: свет мой, умник, худо мне приходит: как мне с тобою расставаться будет? на кого я тебя покину?»

Здесь уже через строчки сквозит «Недоросль» – с неуемной страстью Скотинина к свинкам, с материнской нерассуждающей любовью госпожи Простаковой; уже здесь Фонвизин уподобляет дворян, не желающих жить по закону и правде, животным.

У ПАНИНА

В 1769 году канцлер Панин позвал Фонвизина к себе секретарем. Все следующие тринадцать лет Фонвизин работал у него. Панин, кроме того, до 1773 года воспитывал цесаревича Павла и возлагал большие надежды на его вступление на престол: его царство должно было положить конец самодержавию Екатерины, беззаконию, фаворитизму... Фонвизин, свято верящий в идеалы Просвещения, убежденный в необходимости воспитания просвещенного монарха, стал и помощником, и соратником,

ми и волею: она одна управляла им, как хотела, и чувства его к ней имели все свойство страсти, и страсти беспредельной!» Анна Ивановна, казалось, избегала Фонвизина – но потом оказалось, что полюбила и она его, и старалась избегать, чтобы не вводить в грех. «Ни я к ней, ни она ко мне, кроме нелицемерного дружества, другого чувства никакого не имели», – отводил все возможные домыслы Фонвизин. Он любил Приклонскую всю жизнь...

Он написал новую пьесу – «Бригадир», – хотя и основанную на иностранной комедии, но не-притворно русскую, искрометно смешную, с выпуклыми, живыми характерами вместо плоских кукол, привычных для классицистической драматургии. Правда, у Фонвизина еще сохраняются такие плоские герои – Софья в обеих его знаменитых комедиях, Добролюбов в «Бригадире», Милон и Правдин в «Недоросле». Но бригадир, бригадирша, советник, советница, Иванушка – они уже сложные, они живые, не одномерные – в каждом есть и смешное, и гадкое, и жалкое... В комедии с любовной интригой вдруг появляются острые социальные ноты – и щемящая тоска, когда «дурища» бригадирша просто-душно рассказывает, как ее саму был муж, как знакомый капи-

тан Гвоздилов бил жену: «Ну мы, наше сторона дело, а ино наплачешься, на нее глядя». «Бригадира» автор с успехом читал в салонах и гостиных; правда, автора снова обвинили в безбожии на том основании, что советник объясняется в любви цитатами из Писания.

Услышав авторское чтение, граф Бибиков и граф Григорий Орлов сообщили о новой комедии императрице. Фонвизин прочитал пьесу ей, императрице понравилось, граф Никита Панин сам остановил Фонвизина в саду, чтобы поздравить с успехом – и Фонвизин попросил его покровительства и прочитал ему «Бригадиршу». На что граф Панин сказал: «Это в наших нравах первая комедия, и я удивляюсь вашему искусству, как вы, заставя говорить такую дурищу во все пять актов, сделали, однако, роль ее столько интересною, что все хочется ее слушать; я не удивляюсь, если сия комедия столь много имеет успеха; советую вам не оставлять вашего дарования».

Фонвизин читал «Бригадиршу» то в одном великосветском доме, то в другом, прием везде был восторженный. В комедии не было условного пространства – был привычный русский дом. Вместо обычных для классицизма ходячих пороков, подлежащих высмеиванию, были

Петровский театр Медокса, где 14 мая 1783 года впервые в Москве игралась пьеса «Недоросль». Акварель Б. Земенкова. 1930-е годы

Граф Никита
Иванович Панин
(1718–1783),
дипломат
и государствен-
ный деятель

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

и единомышленником, и другом Панина.

Панин, получив большую награду за воспитание цесаревича, подарил Фонвизину имение в Витебской губернии – 1180 душ, целое состояние. Фонвизин, правда, к концу жизни практически разорился, как большинство екатерининских помещиков, никогда не считавших денег.

Он скоро женился, и вышло это так. Молодая вдова Катерина Хлопова пожаловалась на своего дядя императрице. Императрица велела разобраться с делом трем людям, в том числе Панину. Панин перепоручил дело Фонвизину. Дело заключалось в том, что Катерина Ивановна, урожденная купеческая дочь Роговикова, еще в детстве осиротела; ее воспитывал дядя, он же распоряжался ее большим наследством. Катерина Ивановна влюбилась в адъютанта графа Чернышева по фамилии Хло-

пов. Дядя не дал согласия на брак, и она бежала с возлюбленным и обвенчалась с ним. Хлопов скоро умер, а наследство так и оставалось у дяди. Хлопова пожаловалась императрице, и Фонвизин взялся за дело, но смог добиться только мировой сделки. Но пока дело тянулось, пылкая Катерина Ивановна полюбила Фонвизина, а по городу поползли слухи, что он ведет

Екатерина
Ивановна
Фонвизина.
Портрет
из издания
«Двор
императрицы
Екатерины II.
Ее сотрудники
и приближенные.
189 силуэтов».
1899 год

дело своей любовницы. Чтобы покончить со слухами, он женился.

Болезнь жены (он пишет, что это был солитёр) заставила его уехать за границу – во Францию, где жена лечилась. Из Франции Фонвизин слал сестре Федосье и брату Никите Панину, подробные письма о своих французских впечатлениях. Фонвизин интересуется всем: экономикой, политическим устройством государства, положением духовенства, дворянства, крестьянства... И на Францию он смотрит без благоговения, как смотрел бы его галломан Иванушка, и без русопятского презрения; это трезвый взгляд умного и внимательного государственного человека. Письма эти и сейчас чрезвычайно интересны, и многое в них звучит пугающе актуально: его замечания о полиции, о бедности преподавателей, о продаже чинов и званий читаются как сегодняшняя публицистика. И заветное, пожалуй: «Воспитание во Франции ограничивается одним ученьем. Нет генерального плана воспитания, и все юношество учится, а не воспитывается. Главное старание прилагают, чтобы один стал богословом, другой живописцем, третий столяром; но чтобы каждый из них стал человеком, того и на мысль не приходит». Впрочем, много в этих письмах и брюзжания усталого, утомленного дорогой путешественника, которому все плохо – и нравы местные, и обычаи, и гостиницы, и комары, и салфетки за столом... Но главное, что удручет его, – «французы, имея право вольности, живут в сущем рабстве. Король, будучи не ограничен законами, имеет в руках всю силу попирать законы... Каждый министр есть деспот в своем департаменте... Налоги, безрезонные, частые, тяжки и служащие к одному обогащению ненасытимых начальников». Он замечает, в каком состоянии находится страна накануне страшного социального взрыва, и зарисовывает эту предгрозовую атмосферу.

УМРИ, ДЕНИС

Во Франции Фонвизин встречался с Дидро, Д'Аламбером и Бенджамином Франклином, видел Вольтера; выступил в Обществе писателей и художников с сообщением о русском языке. И, разумеется, думал о российском неустройстве. Вернувшись из Франции, взялся за «Недоросль». Одновременно он работал над «Рассуждением о неизменных государственных законах» – трактатом, который был частью работы братьев Паниных над сводом законов, готовившихся к востребованию Павла Петровича на престол. Непременные государственные законы должны были стать своеобразной страховкой для государства на случай злонравия государя – то есть фактически прообразом конституционного ограничения монархии. Часть своих размышлений Фонвизин вложил в уста Стародума – по форме типичного классицистского резонера, по сути – обличителя нравов в обществе; публика точно реагировала на политические намеки в его репликах. «Недоросль» не сразу был поставлен на сцене – первая постановка его была отменена. Премьера состоялась в сентябре 1782 года в театре на Царицыном лугу. Публика хотела, неистовствовала и метала на сцену кошельки. Князь Потемкин, много сделавший для того, чтобы пьеса была поставлена, после премьеры сказал свое знаменитое: «Умри, Денис, или не пиши больше – лучше не напишишь».

К этому времени он вышел в отставку по причине слабости здоровья и разочарования во всем, что делает: тяжело больной Панин был в отставке, императрица всесильна, надежд на скорое воцарение Павла и реализацию проектов не оставалось. Служба в почтовом ведомстве под началом Безбородко казалась ему бессмысленной, так что Фонвизин сослался на тяжелые головные боли, которыми страдал с детства, и попросился на покой. Императрица отпустила его, назначив пенсион в половину жалованья.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Жан-Лерон
Д'Аламбер
(1717–1783),
французский
ученый-
энциклопедист

Головные боли в самом деле доставляли ему много мучений; при этом он любил поесть, был тучен (существует анекдот, в котором Панин спрашивает Фонвизина, зачем тот берет пятый пирог, раз только что жаловался на тяжесть головы. «Так я и стараюсь оттянуть ее, сделав перевес в желудке», – отвечал Фонвизин).

В отставке он написал воспоминания о Панине, который умер в 1783 году, и издал их на французском языке – анонимно, в Лондоне – в 1784 году. Он стал сотрудничать с журналом «Собеседник любителей российского слова». Его издавала Екатерина Дашкова, глава только что учрежденной Российской академии. Академия решила

Дени Дидро
(1713–1784),
французский
писатель,
философ-
просветитель
и драматург,
иностранный
почетный член
Петербургской
Академии наук

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

издавать толковый словарь русского языка, и Фонвизин взялся за подготовительную работу. Он создал проект правил для создания словаря и опубликовал в «Собеседнике» свой «Опыт российского словаря» – толковый словарь русских синонимов, проникнутый просветительским пафосом и содержащий тонкую политическую сатиру. Вот, к примеру, толкование на синонимический ряд «проступок, вина, преступление, злодействие, грех»: «Худо понять приказ начальника есть проступок. Забвением не исполнить повеления начальника – вина. Ослушание начальству – преступление. Умысел противу начальства – злодействие. Пред начальством благодетельствующим грех быть неблагодарну». В «Собеседнике» Фонвизин опубликовал несколько сатирических текстов и знаменитые «Вопросы, могущие возбудить в умных и честных людях особливое внимание». Вопросов было двадцать, опубликовались они анонимно и адресованы были покровительнице журнала – императрице. Вопросы подвергали сомнению разумность государственного устройства и обычаев страны: «Отчего у нас не стыдно не делать ничего?», например. Императрица отвечала – где-то отдаваясь отговорками, где-то приворяясь, что не поняла, где-то негодяя. На 9-й вопрос: «Отчего известные и явные бездельники принимаются везде равно с честными людьми?» – ответила: «Оттого, что на суде не изобличены». Но на 14-й вопрос: «Отчего в прежние времена шуты, шпаги и балагуры чинов не имели, а ныне имеют, и весьма большие?» – ответила грозно: «Сей вопрос родился от свободоязычия, которого предки наши не имели; буде же бы имели, то начли бы на нынешнего одного десять прежде бывших». Екатерина была зла на Фонвизина. Она и раньше, слыша, что он сочиняет с Паниным некий трактат, негодовала: «Плохо мне приходится жить! уж и

г-н Фонвизин хочет меня учить царствовать». А теперь – не приняла попыток объясниться, не простила и запретила публиковать его сочинения.

В 1784 году Фонвизин с женой уехал за границу, где пробыл до весны 1785 года – надеялся поправить расстроенные финансовые дела покупкой и продажей произведений искусства, – и хотя привез множество произведений, входящих ныне в Эрмитажную коллекцию, больших доходов не получил. За границей он тяжело болел; вернулся в Москву – и тут его разбил паралич. Он, уже парализованный, едва стал владеть руками и ногами, пытался издавать журнал «Друг честных людей», или

Стародум» с подзаголовком «Периодическое сочинение, посвященное истине». Подписался «сочинителем «Недоросля». Для журнала он писал едкие сатирические памфлеты от лица героя «Недоросля». Журнал, однако, был запрещен. Вторая попытка издавать журнал – «Московские сочинения» – тоже не удалась. Средства таяли, по одному из имений началась тяжба; здоровье становилось все хуже: за один 1791 год он перенес четыре инсульта (удара, как тогда говорили). Он понимал, что долго не протянет; незадолго до смерти взялся за свою «Исповедь» – рассказ о прожитой жизни, названный «Чистосердчное признание в делах моих и помышлениях» и оставшийся неоконченным. Не окончил он и последнюю свою пьесу – «Выбор гувернера», которую привез для чтения к Державину, но ни идти сам уже не мог – его вели под руки, ни читать – он только слушал чужое чтение. Но и в этом состоянии, рассказывал присутствовавший на вечере Иван Дмитриев, он шутил, и, хотя язык его еле двигался, разговор его был остроумен: «Литература до последнего дня его была ему живым источником веселых вдохновений, бодрости и забвения житейских недугов и лишений. Параличом разбитый язык его произносил слова с усилием и медленно, но речь его была жива и увлекательна... Несмотря на трудность рассказа, он заставлял нас не однажды смеяться». Гости разошлись в одиннадцать вечера; утром Фонвизин умер.

Обжора и моралист, умный наблюдатель и брюзга, государственный деятель и журналист, лексикограф и салонный острослов, вольнодумец и кающийся грешник – он все вмещает, все соединяет в себе, все освещает светом разума и совести. Только такой человек, только в XVIII веке – пышном, циничном, разумном, распутном, бессовестном, мыслящем, взыскиющем правды – и мог создать вечно смешного и вечно страшного «Недоросля».

Д.И. Фонвизин.
Гравюра
из собрания
портретов
Платона
Бекетова.
Издание 1821
года

Титульный
лист журнала
«Собеседник
любителей
российского
слова».
1783 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ЛАРЕЦ С ДРАГОЦЕННОСТЯМИ

АВТОР

ЛЮБОВЬ РУМЯНЦЕВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА КОРНЕЕВА

ЭТОТ ВУЗ НЕ ПОХОЖ НА ДРУГИЕ. ЗДЕСЬ НЕТ БОЛЬШИХ АУДИТОРИЙ. ВО ВРЕМЯ ЗАНЯТИЙ ПОЧТИ ВСЕГДА ТИХО, ЛИШЬ РАЗДАЕТСЯ ЗВОН КОКЛЮШЕК ИЛИ ШУМ СТАНКА. ДВА РАЗА В ДЕНЬ ВСЕ СТУДЕНТЫ БРОСАЮТ ЗАНЯТИЯ И ДЕЛАЮТ ГИМНАСТИКУ. А ДИПЛОМНОЙ РАБОТОЙ МОЖЕТ СТАТЬ ПЛАТЬЕ, СТАРИННЫЙ ВЕЕР ИЛИ ДАЖЕ МЕБЕЛЬНЫЙ ГАРНИТУР. ЗДЕСЬ ВОЗРОЖДАЮТ ТО, ЧТО ПОЧТИ УТЕРЯНО, – НАРОДНЫЕ РУССКИЕ ИСКУССТВА.

– В начале века здесь обучались талантливые девушки со всей России, из самых разных губерний и самых различных сословий, – рассказывает ректор ВШНИ, профессор и академик РАО Валентина Федоровна Максимович. – Они и жили в этом же здании, где было все необходимое, даже домовая церковь и лифт. Их было совсем немного – не более 82 человек. Обучали их с той целью, чтобы после окончания школы выпускницы вернулись к себе домой в центры народных промыслов и передавали полученные в столице знания другим мастерам.

После революции школу закрыли, а здание много лет служило разным целям, весьма далеким от кружев, вышивки и миниатюры. Лишь спустя сто лет в здании на канале Грибоедова снова зазвенели коклюшки – теперь уже в руках не простых мастеров-исполнительниц, а будущих профессиональных художниц и художников.

ВШНИ находится в том же месте, что и сто лет назад, – напротив храма Спаса на Крови

ВЫСШАЯ ШКОЛА НАродных искусств – уникальное явление. Единственный в России (да и в мире) вуз, целиком посвященный традиционному прикладному искусству: лаковой миниатюрной живописи, иконописи, кружевоплетению, художественной вышивке, резьбе по кости, ювелирному делу. Вуз находится в самом центре Петербурга, на канале Грибоедова, окна выходят прямо на

храм Спаса на Крови. Это красно-белое здание было построено в 1911 году именно для Школы народных искусств – ее создала императрица Александра Федоровна в 1897 году. Уже в конце XIX века чувствовался недостаток в «знающих свое дело и художественно образованных мастерицах», а Российское государство и общественность прилагали серьезные усилия для поддержки традиционных российских промыслов.

КРУЖЕВНОЙ ОБРАЗ МЫСЛЕЙ

Звон коклюшек – это не метафора. Это самый настоящий звук, который издают деревянные палочки (коклюшки), стукаясь друг об друга в процессе кружевоплетения. Чаще всего кружевницы используют 7–8 пар коклюшек, но при сооружении копий старинных кружев мастерицы могут использовать аж 100–150 пар!

– Можете себе представить, какая музыка стоит в комнатах! – говорит заведующая кафедрой художественного кружевоплетения Екатерина Лапшина. Плести кружево – это медленный, вдумчивый, в чем-то даже

медитативный процесс. Каждая кружевница часами сидит за своим валиком, создавая переплетения узоров. Хотя девушки есть девушки – могут и поболтать, и даже попеть. Сидеть в одной позе не только утомительно, но и вредно для здоровья, поэтому два раза в день по громкой связи всех призывают на пятиминутную гимнастику.

– Кроме как у нас, высшего образования в области кружевоплетения нет нигде в мире. – Екатерина Лапшина ведет нас в выставочный зал, где стоят дипломные работы выпускниц. – Поэтому изделиям наших студенток нет аналогов. Мы часто выезжаем за рубеж. В январе нас,

Кружевные платья, достойные мировых подиумов, создаются студентками за сотни часов кропотливого труда

единственных, приняли в Союз кружевоплетения Германии. Вот буквально на днях вернулись из Австрии, где проходил конгресс по кружевоплетению. На него приехали несколько тысяч человек со всей Европы, но в Европе кружево – это, как правило, хобби, поэтому мастера создают небольшие вещи, вольно смешивая стили. А на такие кружевные платья, которые делают наши девушки, надо потратить год ежедневной работы! Причем обязательно соблюдаются все технологии и каноны различных русских школ кружевоплетения. Ведь вологодское кружево – это одно, а, например, киришское – совсем другое, там другие орнаменты. Конечно, европейцы приходят в восторг.

– К нашим экспонатам выстроилась огромная очередь из желающих посмотреть и потрогать, – рассказывает ректор ВШНИ Валентина Максимович. – А учебники по кружевоплетению, написанные в нашем вузе, были мгновенно раскуплены (хотя они вообще-то на русском языке!). Просто потому, что таких учебников нигде больше нет.

К кружевам кое-кто относится скептически, считая этот вид рукоделия чем-то уходящим в прошлое. Но язык не поворачивается назвать созданные студентками кружевные платья «допотопными» – это самая настоящая высокая мода.

– Перед тем как приступить к работе, девушки ведут поиск, изучают модные тенденции, проектируют свое платье, – объясняет Екатерина Лапшина. – По каж-

Ректор
Валентина
Максимович:
«Я вижу свою
миссию в том,
чтобы не дать
народным
искусствам
умереть»

дому проекту собирается комиссия, которая решает, достоин ли он воплощения или что-то нужно додумать. Ведь воплощение проекта занимает почти полгода ежедневного труда. Поэтому работа должна стать произведением искусства, выполненным в одной из традиционных русских техник кружевоплетения. Но место ему не в музее, а на подиуме мировых модных показов.

Кстати, есть и особое, «музейное» направление – реновация старинных кружев. Студенты вместе с преподавателями становятся серьезными исследователями, ездят по музеям и архивам, изучая кружевные работы прошлых веков и воссоздавая их копии один в один. Так был воссоздан веер, подаренный императрице Марии Федоровне в 1883 году.

– Мы воссоздаем утраченные приемы, которые в современном кружеве уже не используются, – говорит доцент кафедры художественного кружевоплетения Татьяна Лончинская. – Это глобальная научно-исследовательская работа. Реновацией занимаются девочки уже на старших курсах.

– Первокурсницы бы и не спрашивались с такими ребусами, которые нам «подкидывают» старинные кружева, – объясняет шестикурсница Алена Черухина. – Тут надо мыслить «покружевному».

«БЕЗ ТОРГА. ЗА ЛЮБУЮ ЦЕНУ»

Красота сама пробивает себе дорогу – в случае с кружевными изделиями выпускниц ВШНИ это правило уже много раз срабатывало.

– В Вологде, центре вологодского кружевоплетения, каждый год проводится всероссийский конкурс «Серебряная коклюшка», – рассказывает Валентина Максимович. – Несколько лет назад наши студентки завоевали все три призовых места, теперь мы приезжаем «вне конкурса» и показываем наши работы. В прошлом году одно

За пяльцы –
только
с чистыми
руками
и с хорошим
настроением

из платьев получило «Приз зрительских симпатий», а многие выпускницы вологодского училища теперь хотят поступать к нам в вуз и учиться дальше. Слuchaются и настоящие чудеса – кружево растапливает даже сердца чиновников.

– Когда стали проверять эффективность вузов, то наш по некоторым критериям мог быть признан неэффективным, – рассказывает Валентина Максимович. – У нас учится 250 студентов в Санкт-Петербурге, а по правилам даже в филиале их должно быть минимум 600. Ну, и внебюджетных доходов немного. Но высочайший уровень дипломных работ говорит об «эффективности» нашего образования лучше любых других показателей. Это признали все представители Министерства образования, видевшие дефиле наших кружевных нарядов. Не только кружева поражают воображение – не отстает от них и традиционная художественная вышивка. Вышивальщицы

сидят за пяльцами так же долго, как и кружевницы за валиками: на дипломную работу с учетом создания и выполнения проекта и его материализации уходит более года. Не у каждой студентки хватит терпения и усидчивости для такого каторжного труда. – Каторжный труд? Кто вам такое сказал?! – Татьяна Носань, доцент кафедры художественной вышивки, не согласна с этим определением. – Я вышиваю уже почти тридцать лет, это такое удовольствие! Тишина, покой, творчество. Конечно, сначала девочкам тяжело, ведь нужна самодисциплина, нужны настойчивость и аккуратность. За пяльцы – только с чистыми руками. Не отвлекаться. Но потом они адаптируются и уже не могут без этого. Вы бы видели, с какой любовью они каждую ниточку расчесывают иголочкой! Результат работы оправдывает потраченное на нее время и силы. Стоит вышитым работам появиться на выставках – и в России, и за рубежом, – посто-

янно подходят люди и чуть ли не со слезами просят: «Продайте Христа ради!»

— Одно из наших платьев купила жена Жака Ширака во время саммита «Большой восьмерки», — рассказывает Валентина Федоровна. — А на региональном конгрессе малого и среднего бизнеса, где мы демонстрировали наши работы, губернатору одной из областей настолько понравилось вышитое пальто, что она тут же предложила его купить — без торга, за любую цену. Важно, что это произошло на глазах у студентов, им дали понять, что их работы — бесценны.

«МАХОВУЮ РОСПИСЬ ВЫУЧИЛА ПОД КРОВАТЬЮ»

Народное искусство находится в постоянной опасности забвения — забываются технологии, уходят мастера, закрываются училища и фабрики. Что-то сохраняется лишь чудом — например, нижнетагильская маховая роспись. Возникшая в середине XVIII века роспись по металлу в советские годы была, казалось бы, навсегда утеряна.

— Второе дыхание этому промыслу дала жительница Нижнего Тагила Агриппина Афанасьева, — рассказывает преподаватель кафедры декоративной росписи

Ксения Михайлова. — Это уникальная женщина! В детстве она наблюдала, как ее сестра занимается с мастерами. Агриппина тогда была маленькая, поэтому родители не хотели платить за ее обучение тоже. Девочку прятали под кроватью, и она оттуда что-то подглядывала и пыталась повторять. Но у нее оказался природный дар и хорошая память — уже в преклонном возрасте (ей было больше 70 лет!) она стала писать и вспомнила все — технику, элементы. Она все делала по наитию — просто садилась, брала поднос, краски и рисовала. Причем техника маховой живописи не дает права на ошибку, каждый элемент нужно сделать в один прием. Потом она набрала учениц, среди них была Алевтина Голубева, которая теперь заведует нашей кафедрой. Так нижнетагильская маховая роспись уцелела. И теперь мы не только учим наших студентов этому стилю письма, но и адаптируем этот консервативный вид искусства к современным потребностям. В старину такие росписи украшали подносы, но сейчас подносы — не такая вос требованная деталь обихода. Поэтому мы расписываем настенные панно, комоды, столики... Сейчас возвращается мода на исконно русское искусство, и многие хотели бы видеть подобные вещи в своем доме.

МИНИАТЮРА С ИКОНОПИСНЫМ ПРОШЛЫМ

Не иначе как чудом сохранились и иконописные традиции Палеха, Мстёры и Холуя. Эти центры народного искусства известны с советских времен своими лаковыми миниатюрами. Но, оказывается, миниатюра — это прямая преемница иконописи.

— Палех, Мстёра и Холуй всегда были центрами иконописи, — рассказывает заведующий кафедрой живописи Николай Кузнецов. — Когда пришла советская власть, то иконописные центры по всей России закрылись. Кроме Палеха, Мстёры и Холуя. Они переквалифициро-

Студенты
учатся работать
с гипсом
и создавать
объемные
картины

вались в миниатюрную живопись и сохранили таким образом свои традиции. Даже есть советский учебник 70-х годов, где они просто копировали головы апостолов и фигуры ангелов, но называли их завуалированно «голова старца». И сейчас возрождать эти направления иконописи гораздо легче, чем иконопись других российских регионов, где традиции были уничтожены. Большую роль в возрождении иконописи играет и наш преподаватель Полина Гусева – она директор Мстёрского филиала и заведующая кафедрой лаковой миниатюрной живописи ВШНИ.

Студенты не просто изучают древние каноны иконописи, но и сами становятся иконописцами – сейчас они готовят проект росписи храма в женском Георгиевском монастыре в Сочи.

– Пока мы только в самом начале пути, – говорит Николай Кузнецов. – Делаем проекты росписи северной и южной стен храма, он немаленький – 700 квадратных метров площади. Далее будем рисовать эскизы фресок в уменьшенном размере, потом в натуральную величину. Все наши работы должны получить благословение настоятеля. А летом поедем на практику в Сочи, будем со студентами расписывать стены. Церковь Святого Уара, святого, которому можно молиться за умерших непрещеных младенцев и взрослых и самоубийц.

ЗАНЯТИЕ НЕ ДЛЯ НЕЖЕНОК

Рядом с кафедрами кружевоплетения и вышивки соседствует кафедра косторезного искусства. В косторезной мастерской все иначе: вместо тихого звона коклюшек жужжание станков и запах стоматологического кабинета.

– Все этажи стонут, когда мы обрабатываем кости, – смеется Василий Колобов, преподаватель косторезной мастерской. – К этому запаху еще нужно притерпеться.

Косторезами издавна становились мужчины, но в мастерской много девушки. Они отнюдь не

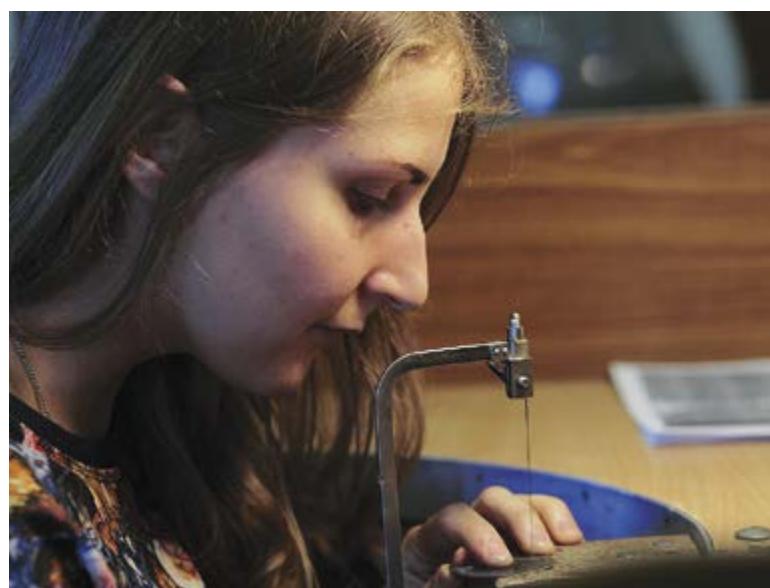
Холмогорская резьба по кости – ажурные узоры, тончайшая работа...

неженки: им приходится и молотком работать, и на станке, и инструменты мастерить. Например, клепики или втиральники для рельефа и гравировки. Их нигде не купишь, нужно делать самим из подручных материалов – например, из диванной пружины или проволоки.

Студентов учат не просто резьбе по кости, а холмогорской резьбе. Этот вид народного искусства пришел из Холмогор, откуда родом Михаил Ломоносов.

– Крупные трубчатые кости (цевка) позволяют делать изящные и воздушные ажурные вещи, например шкатулки, – рассказывает

Василий Колобов. – Это совсем другая школа, чем, скажем, в Якутии, где тоже развито косторезное искусство. Но там добывают бивни моржей и традиционно делают гравировки. Нашу мастерскую создал и долгое время возглавлял Николай Буторин, он сам родом из Архангельской области, заслуженный художник России. Его работы хранятся во многих музеях России, в том числе и в Русском музее. Он не только сохранил, но и развил холмогорский стиль и учил этому своих учеников. К сожалению, он погиб.

...Требующая предельной концентрации внимания

«ОТ ВЕКОВЫХ ТРАДИЦИЙ ОСТАЛИСЬ ОДНИ МАТРЕШКИ»

Здание Высшей школы народных искусств похоже на ларец с драгоценностями – в каждой комнате скрываются старинные тайны мастерства, утерянные российские сокровища. Увидев все это, удивляешься, как могло случиться, что десять лет назад, когда вуз только открывался, его появление встречали со смехом и недоверием.

– Противников было много, – вспоминает Валентина Максимович. – В ответ на мое утверждение, что вместо «народных мастеров» сегодня нужны профессиональные и образованные художники, люди недоумевали и посмеивались. Многие считали, что само понятие «народное искусство» несовместимо с понятием «высшее образование». Мол, «народное» – значит, «из народа», изнутри, от самоучек и умельцев. Это за-

блуждение существовало много десятилетий, и именно оно помимо всего прочего стало причиной того, что к началу XXI века традиционное русское прикладное искусство оказалось в плачевном состоянии. Училища в центрах народных ремесел не набирали учеников и закрывались, выпускники не находили себе работу и уходили в другие специальности, фабрики многие закрылись, а остальные не могли найти сбыта для своей «народной» продукции. А то, что оставалось, – на это иногда стыдно было смотреть, многие «истинно русские» вещи уже почти не несли в себе художественной ценности и не имели права быть лицом России. Еще немного – и от русского народного искусства, от вековых традиций и уникальных технологий остались бы одни матрешки. Но к счастью, есть на свете такой человек, как Людмила Александровна Путина.

Уроки живописи. Каждый студент – будь то косторез или кружевница – должен быть прежде всего художником

Она большой патриот, и именно у нее родилась идея создать на месте Школы народных искусств императрицы Александры Федоровны Высшую школу народных искусств. Только благодаря ей и Владимиру Владимировичу мы смогли получить это здание на канале Грибоедова, в самом центре Петербурга. Ведь на этот «лакомый кусок» заглядывались многие инвесторы. Новому вузу пришлось несладко – не было ни стандартов образования, ни учебников, ни педагогов, многие виды искусства приходилось поднимать буквально с нуля.

– Неудивительно, что большинство наших преподавателей – наши же выпускники, защитившие кандидатские диссертации по конкретным видам прикладного искусства, – говорит ректор ВШНИ. – Нам пришлось выращивать кадры для себя, потому что больше их взять было неоткуда.

**СПАСТИ ЦЕНТРЫ
ТРАДИЦИОННОГО
ИСКУССТВА**

Причем петербургский вуз – это не вся Школа народных искусств, а лишь ее «голова». «Сердце» же находится в ее филиалах в тех самых центрах народного промысла: во Мстёре, Холуе, Сергиевом Посаде, в Федоскине, в Богородском, в Рязани.

– Я много лет ездила по России и наблюдала за постепенным упадком традиционного искусства в региональных центрах, – говорит Валентина Максимович. – В последние годы их состояние было настолько плачевным, что я, если честно, думала, что они никогда не возродятся. Филиалы к нашему вузу присоединили несколько лет назад. Там царilo запустение, здания училищ срочно требовали ремонта, на 16 мест с горем пополам набиралось 8 желающих. А ведь в том же Холуе школа существует несколько веков. Места красивейшие, но реалии таковы: дорог нет, Холуй каждую весну заливает настолько, что жители передвигаются только на лодках. Дети все это видели, видели неадекватно низкую зарплату родителей-художников и не хотели себе такой судьбы. Во Мстёре то же самое. Мы были на выпускном мстёрского училища и спросили лучшую выпускницу: «Пойдешь дальше в вуз учиться?» (Мы как раз открыли во Мстёре филиал высшего учебного заведения.) Она со слезами на глазах говорит: «Как же мне в город хочется!» И мы поняли, что без материальной базы не обойтись. Сделали ремонт в здании нашего филиала во Мстёре и общежитиях Мстёры, Богородского, Федоскина и других, где были просто ужасные условия. Купили самые лучшие итальянские станки для лаборатории по производству папье-маше. Вы знаете, что папье-маше уже тридцать лет никто не производит, а ведь только на этом материале расписывается лаковая миниатюра? Результат: в той же

Ювелирное мастерство было традиционно мужским делом, но времена изменились...

Мстёре на следующий год на 16 мест было уже 55 заявлений, а в Богородском – 28! И все из числа местного населения. По словам ректора ВШНИ, главное для региональных центров – не быть забытыми.

– Благодаря присоединению филиалов к нам возникла единая профессионально-образовательная и художественная

среда, – объясняет Валентина Федоровна. – Лучшие преподаватели по живописи, рисунку, философии, скульптуре ездят с лекциями из Петера в филиалы. Устраиваются выставки работ, сами студенты и преподаватели приезжают сюда на стажировки. Эта «подпитка из центра» дает совсем другой уровень обучения, его плоды

...Теперь работа над украшениями перешла преимущественно в женские руки

видны в работах наших выпускников. Конечно, местные маститые художники сначала всю нашу затею приняли в штыки: «Я всю жизнь занимаюсь народным искусством, а никакого высшего образования у меня нет!» Но, увидев работы наших выпускников (особенно в сравнении с дипломными работами бывших училищ), они признали, что качественный скачок виден невооруженным глазом. В Холуе признанный художник Лев Никонов пошел учиться в наш вуз вместе с сыном. Когда он поступал, ему было под 50. Но на защите он признался, что высшее образование дало ему такой толчок в его творчестве, которого он и не надеялся получить. А результат – дипломные работы и отца, и сына, которыми восхищаются абсолютно все.

«ХУДОЖНИКИ НЕ НУЖНЫ, НУЖНЫ ДОТАЦИИ»

Правда, на предприятиях остается большая проблема сбыта продукции. Даже художникам высокого уровня нужен постоянный заработок, а для этого их произведения народного искусства должен кто-то покупать.

– Я участвовала в подготовке документа Министерства промышленности и торговли Российской Федерации о развитии народных промыслов до 2020 года, – говорит Валентина Максимович. – Мы собра-

ли анкеты с 72 российских предприятий, позиционирующих себя как предприятия народных промыслов. Там были вопросы – чего бы они хотели, как решить их кадровые проблемы? И ни одно предприятие не написало, что им нужны профессиональные художники. Зато все написали, что нет спроса на продукцию и нужны дотации от государства. Когда мы собрали эти анкеты, то увидели, что предприятиям ничего, кроме денег, не нужно. Мне стало понятно, что менять надо вообще всю систему, связанную с производством произведений традиционного русского искусства. Основная наша задача – на местах создать художественно-творческие мастерские вузов, где будут оставаться работать лучшие наши выпускники и создавать шедевры традиционного прикладного искусства. А другие выпускники – тоже профессионалы, разбирающиеся в тонкостях народного искусства, – будут искать рынки сбыта. Ведь продавец должен понимать, что именно он продает. Недостаточно быть просто искусствоведом – по специальности «история искусств» в российских вузах на историю народного русского искусства выделяют всего 36 часов. И основная мысль, которую будущие «ценители» традиционных ремесел выносят от пе-

Прежде чем приступить к работе, косторезы и резчики по дереву сами выпиливают себе инструменты

дагогов, – что все «народное» идет от широкой души, о профессионализме речи не идет.

…Планы у Валентины Федоровны наполеоновские.

– Наша миссия – дать возможность развиваться центрам русского традиционного прикладного искусства, – говорит ректор ВШНИ. – Чтобы молодежь оставалась на местах и имела возможность благоустроить свою жизнь, занимаясь исконным для своего региона промыслом – и не на кустарно-любительском, а на высокопрофессиональном уровне, создавая ценные произведения искусства. Это проблема государственного значения, ведь то, что мы создавали веками, ни один другой народ создать не может. Если удастся поднять центры до какого-то уровня, за который нам ни перед собой, ни перед другими странами не будет стыдно, я буду считать, что не зря жила на этом свете.

Такой план на первый взгляд кажется утопичным – реально ли поднять умирающую российскую глубинку? Но если посмотреть, как много достигнуто за десять лет существования Высшей школы народных искусств, если взглянуть на палехские иконы, холуйские миниатюры, холмогорскую резьбу, кирилловское и вологодское кружево, богоявленскую деревянную пластику, нижнетагильскую роспись… Эти шедевры стоят того, чтобы развивать народное искусство и дальше, не сдаваясь ни перед какими трудностями. ●

ЗАПОВЕДНИК ДУХА

АВТОР

МИХАИЛ ТАРКОВСКИЙ

«...СИБИРСКИЙ ТРАКТ – САМАЯ
БОЛЬШАЯ И, КАЖЕТСЯ, САМАЯ
БЕЗОБРАЗНАЯ ДОРОГА НА СВЕТЕ...
ГРЯЗЬ ПОШЛА НЕВЫЛАЗНАЯ, ЯМЩИКИ
СТАЛИ НЕОХОТНО ВОЗИТЬ ПО НОЧАМ.
НО ЧТО УЖАСНЕЕ ВСЕГО И ЧЕГО Я
НЕ ЗАБУДУ ЗА ВСЮ МОЮ ЖИЗНЬ, ЭТО
ПЕРЕВОЗЫ ЧЕРЕЗ РЕКИ. ПОДЪЕДЕШЬ
НОЧЬЮ К РЕКЕ... НАЧИНАЕШЬ
С ЯМЩИКОМ КРИЧАТЬ. ДОЖДЬ, ВЕТЕР,
ПО РЕКЕ ПОЛЗУТ ЛЬДИНЫ».

«В

ЕЗДЕ ПРЕДЛА-
гают одной толь-
ко «утячей по-
хлебки» и больше
ничего. А эту похлебку есть нель-
зя: мутная жидкость, в которой
плавают кусочки дикой утки
и потроха, не совсем очищен-
ные от содеримого. Невкусно,
и смотреть тошно. В каждой
избе – дичина. В Сибири никаких
охотничьих законов не зна-
ют и стреляют птиц в продолже-
ние всего года. Но едва ли здесь
скоро истребят дичь. На рассто-
янии 1500 верст от Тюмени до
Томска дичи много, но не най-
дется ни одного порядочного
ружья, и из ста охотников толь-
ко один умеет стрелять влёт.
Обыкновенно охотник ползет
к уткам на животе, по кочкам и
мокрой траве, и стреляет только
из-за куста, в 20–30 шагах в си-

дячую, причем его поганое ру-
жье раз пять дает осечку, а вы-
стрелив, сильно отдает в плечо
и в щеку; если удается попасть в
цель, то тоже не малое горе: снимай
сапоги и шаровары и поле-
зай в холодную воду. Охотни-
чых собак здесь нет».

Уж никак не ожидаешь тако-
го от Чехова, который с детства
представляется как «страстный
охотник и уездный доктор»,
а значит, человек неприхотли-
вый. Многие считают, что такое
восприятие дорожных неурядиц
связано с плохим самочув-
ствием писателя. Наверное,
так и было – в такой дороге и
здоровый-то простишет!

Когда Чехов ехал на Сахалин, то
частенько отзывался о Сибири
и Дальнем Востоке в таком духе:
то дороги плохи, то, дескать,
грязь да скотство. Но почему

то появились вдруг эти строки:
«Не в обиду будь сказано ревни-
вым почитателям Волги, в своей
жизни я не видел реки велико-
лепнее Енисея. Пускай Волга на-
рядная, скромная, грустная кра-
савица, зато Енисей – могучий
неистовый богатырь, который
не знает, куда девать свои силы
и молодость. На Волге человек
начал удачью, а кончил стоном,
который зовется песнью; яркие
золотые надежды сменились у
него немочью, которую приня-
то называть русским пессимиз-
мом; на Енисее же жизнь нача-
лась стоном, а кончается удачью,
какая нам и во сне не снилась...»

На этом берегу Красноярск, са-
мый лучший и красивый из
всех сибирских городов, а на
том горы, напомнившие мне
о Кавказе, такие же дымчатые,
мечтательные. Я стоял и думал:
какая полная, умная и смелая
жизнь осветит со временем эти
берега!...

ВЕСЬ КРАЙ – СВОЙ

После таких слов даже нелов-
ко переходить к информатив-
ной сводке... Красноярский
край – один из главнейших ре-
гионов России. Об этом говорят
и его размеры, и положение на
карте нашей страны. Край был
образован 7 декабря 1934 года
постановлением Президиума
Всероссийского центрального ис-
полнительного комитета (ВЦИК)
РСФСР. В состав региона вошло
несколько десятков районов,

GEOPHOTO.RU

GEOPHOTO.RU

Хакасская автономная область, Таймырский и Эвенкийский национальные округа. Центром стал город Красноярск. Край был образован почти в границах бывшей Енисейской губернии. Площадь его свыше 2 миллионов квадратных километров, и он до сих пор является вторым по площади регионом после Якутии. В 1991 году Хакасская автономная область вышла из состава края и была преобразована в республику, в 1993 году самостоятельный статус получили Таймыр и Эвенкия. С 1 января 2007 года Красноярский край, Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономный округ и Эвенкийский автономный округ вновь объединены в Красноярский край, войдя в него как Таймырский, Долгано-Ненецкий и Эвенкийский районы.

О Туве: в апреле 1914 года правительство России установило протекторат над Тувой, которая под именем Урянхайского края вошла в состав Енисейской губернии. Такое административно-территориальное деление сохранялось до начала 20-х годов. В 1944 году Тува вошла в Советский Союз на правах автономной области. В 1961-м была преобразована в Тувинскую АССР. В 1991-м переименована в Республику Тыва. Был принят вариант Конституции 1993 года с новым названием: Республика Тыва. В новой Конституции России, 1993 года, принятой спу-

стя два месяца, было закреплено название «Республика Тыва». В действующей Конституции республики названия «Тыва» и «Тува» стали равнозначны.

Несмотря на административную отдельность Тувы от Красноярья, все мы, конечно же, относим эту удивительную страну к нашему кровному миру, объединенному логикой природы и географии, осененному Батюшкой-Енисеем, этой огромной жилищной длиной в 4 тысячи километров, которая гораздо больше, чем просто водная артерия, – это и общая любовь, и река жизни. Понятно, что и транспортно, и экономически, и – что самое главное – человечески эти смежные территории неразделимы.

Так сложилось, что очень многие жители региона, и в пер-

вую очередь красноярцы, по контрасту с протяженностями и безлюдьем и даже им вопреки считают весь край своим, будто Хатанга, Тура, Танзыбей или Хандагайты – не запредельно далекие поселки, отстоящие друг от друга на сотни и тысячи верст, а хорошо знакомые горницы одной огромной избы. Помним, как в советское время к друзьям и родным летали, будто на автобусе, и ненаселёнка, казалось, сокращала, глотала расстояния. И товарищ, живущий в тысяче верст, казался ближайшим соседом. Оно и сейчас живо, это соседство по жизненным условиям, по природе и по судьбе. Оно порождало какую-то особую гордость северян, жителей дальних мест, да и вообще сибиряков: мол, и трудно, и далеко, и ледяной ветер в

лицо, но это *наше*. Сгусток: и геройка труда, и привязанность к месту, комом подступающая к горлу, когда взлетаешь и смотришь из вертолетного оконца на горстку домов, и какое-то витающее в воздухе бескорыстие всей этой жизни на фоне чахлых лиственниц, и красота немыслимая, и то, что за кусок драгоценной рыбы ты платишь мозолями, а не пачкой денег в ресторане.

И дорога, особенно близкая именно сибирякам из-за все тех же расстояний, и так роднявшая нас и с прошлым, и с теплой зауральской Рассеюшкой. И все то, что воспето в русских песнях и романсах, и тракты, и санные пути, и звон бубенцов, и заиндевелые конские морды, и ломовые морозы, и пурги, и все дорожное, путевое, обостренное

GEOPHOTO.RU

уже именно условиями Сибири и прокаленное ею до новой ценности и силы.

Говоря о юбилейной дате, мы не считаем ее рубежом, разделом и ни в коем случае не прерываем историческую преемственность, течение русского времени. Без сомнения, Енисейская земля, став из губернии краем, приняла весь груз традиций и завоеваний, а далее продолжила свой морозный кат

уже в новых условиях и исходя из тех задач, которые диктовала и обстановка Великой Отечественной войны, и курс на экономическое строительство, и масштабное освоение природных ресурсов.

Поскольку нас прежде всего интересуют богатства духовные и человеческие, не хотелось бы повторять всем известные исти-

ны о богатствах природы, которыми она столь щедро одарила своих не совсем рачительных детей, и тому подобные вроде бы знакомые вещи... Но как порой страдает и дело, и истина... даже не от усталости слов, а от притупления нашего слуха и зрения, от утери человеком способности видеть Божий мир в его первозданной, электрической, молниейной, что ли, яркости.

Красноярский край воистину огромен и непомерен, и, если взглянуть на карту, поразишься ненаглядности нашей природы, невозможности одним взором охватить ее и осознать, уложить в душе в постижимом виде. Если обратить взор к истокам Енисея, к монгольской границе, и повести его на север через Саянскую горную систему,

то Божественная мощь природы явится в небывалой, какой-то концентрированной и абсолютной красоте. Чего стоит облик крутых Саянских хребтов с густой темнохвойной тайгой, с резными гребнями гор в частоколе остроконечных елей, пихт и кедров. «Своеобразность» бережет дерево от обвальных снегопадов и выливается в абсолютно готическую какую-то устремленность кроны ввысь. Дерева до символичности вытянуты к небу, словно в очередной раз напоминают о незыблемости духовных основ в жизни этноса – именно с той же стебельчатой четкостью церкви в древнерусских городах тянули к небу побеги своих колоколен. Поражает эта будто бы избыточная краса, почти необъяснимая с точки зрения ее земного применения, практической корысти. Если стройность таежных деревьев нам обоснует задавленная снегом кедрушка или в арку согбенная елочка, то к бирюзовому цвету горных рек и озер привыкнуть невозможно, каким химическим и оптическим анализам ни подвергай это сжиженное небо.

Но продолжим наше подоблачное движение – вот тянем над степями Хакасии и таежными белогорьями (Манским, Кутурчинским, Канским), вот, ведомые магнитно точной лентой Енисея, уходим все дальше на север. И долго видим беспредельные пространства болотняков, сопок и гор в штриховке тайги, просторы Туруханского района и Эвенкии, до той поры, пока зачарованный лёт наш не пронесет нас по-над Путоранским горным чудом в таймырское арктическое Заполярье.

Если вы взглянете на карту Красноярского края, то поразитесь, какой колоссальный кусок земли лежит к востоку и северо-востоку от Нижней Тунгуски. Царят здесь, конечно, Путораны, базальтовое плато, на западе которого всем известное медно-никелевое рудное месторождение, одно из богатейших в мире. Сама же местность на-

столько великолепна, что ни слова «столовые горы», «каньоны», «озера», «водопады», ни самые лучшие фотографии ничего не передадут – это надо видеть!

А вид осенней тундры с воздуха, кружевного полотна в красных, желтых, рыжих и зеленых разводах-оторочках? А восток Эвенкии – осененные полярным покоем горы в прощальном осеннем лиственничнике... Лиственница... Самое выносливое дерево – никакое другое не выдержит ни морозов, ни мерзлоты, ни гольного проколевшего камня под ногами... Совсем иная красота по сравнению с темнохвойной тайгой, но так же струнен набор ровных листвяжных стволов, так же подчинен замыслу их аскетичный строй. Сдержанно и торжественно горит желточное пламя хвои в лучах осеннего солнца. Когда лиственница облетит и олягут снега посеревшую округу, строгой гравюрой прорежут ее ветви серебряное северное небо.

Вижу наш край огромной дышащей картой – медленно проплывающей сквозь крап сухого снежка, сквозь опаловую дымку... Вот гора с белой проплещиной, вот тундрочка с чахлыми листвяшками и табунком оленей, вот огромная почти неподвижная река с седыми ледяными полями, вот прижатый к тайге даже не поселок – схемка построек с примерзшими к крышам дымками, и снова на плывает сизое перо, будто оберегая сердце – отдохни маленько, всего должно быть по силам. И вот, клоня крыло в развороте, уходим к востоку и, задумавшись, в мутном оконце меж облаков вдруг увидим безлюдные и фантастические ландшафты Анабарского плато... Так это же северо-запад Якутии! Воистину только для карты есть границы регионов, тайга их не читает, и так же плавно переходит к соседней Якутии и Иркутской области, и так же тянутся к востоку непостижимые пространства земной плоти.

ПРОСТРАНСТВА И ЛЮДИ

Но что нам эта плоть без людей... И как мал человек по сравнению с пространством... Как длинна дорога по тайге или реке, каким чудом встает вдруг поселение, городок, город, окружая огнями, вечерним уютом, так обманно скрывающим далекую сопку с тайгой, белый ли кусок тундры или пласт озера. Когда много дней проводишь в дороге в ожидании этих огней, обшарпанной заправки, столочки с немыслимым ужином, то великим счастьем станет расступившийся лес и горстка домишек.

Или засыпанная снегом избушка, к которой подходишь на лыжах еле живой и ведомый лишь одним знанием, что в ней дрова, береста, еда, спасительные отдых и тепло. Что через час здесь будет жарко от железной печки, красно светящейся сквозь ржавчину, и весело от янтарного света керосиновой лампы... И синим квадратом будет густеть тайга в окошке, переваливаясь безлюдными верстами за горы, реки и озера.

И настолько несопоставимы площасти пространств и площасти населенных пунктов, что даже в большом городе не отпускает чувство условности этих огней, магистралей и торговых

теремов. Шаткость их по сравнению с силой земли, с ее скрытым взором, зрячей плотью, будто наблюдающей, оценивающей, насколько мы ее достойны, насколько бережем.

Трудовая краса и запредельная рациональность выживания, бытовая тяжесть природы воспитали человека себе под стать. И действительно, какая внутренняя стать, какая сила традиции и культура бытия народились на этих просторах! Какое этническое многообразие! Хакасы и тувинцы – тюркские народы Южной Сибири с какой-то жильной привязью к древности, к великой степной тайне, к земной тверди. Кажется, раздвинешь ковыль, приложишь ухо – и оживет она гудким бубном шаманки, конским топотом, космически таинственным голосом хомуса... А жители северной тайги – эвенки, кеты, селькупы, и якуты на самом востоке, таймырские ненцы, энцы, нганасаны и долганы... Ну а уж русское население... Да еще с целой поднародностью – сельдюками, с великими традициями промысловской культуры, с ангарскими и енисейскими особенностями уклада. С целым миром, вобравшим и сохранившим дух, прежде повсеместный на Руси, а теперь оставшийся

островами и являющийся нам перво-наперво в истинно русском языке.

А украинцы, а немцы, многие из которых стали настоящими патриотами Енисея. И подходим к сокровенному... Старообрядцы, добавляющие строгий свой строй в сибирский заповедник русского духа... Сколько про них сказано-написано, кто-то их любит до обожествления, кто-то копит к ним претензии, но забывает о главном: староверы – это единственное на Руси сословие, пронесшее незыблемость уклада сквозь века.

Конечно, трудно выстоять. Революционно меняется жизнь в самых даже таежных углах, куда все напористей дотягивается прогресс, глобальные процессы, рушащие все традиционное, патриархальное.

Удивителен национальный и человечий замес нашего края. Век за веком крепчал здесь русский человек, брал лучшее у коренных народов, привносил

свое, вживался в местности, гибко и вдохновенно отражал многогранные лики природы. Учась отвечать на каждый порыв пурги, отблеск неба и оттенок снега, не щадил рук, и вот оброс и ощетинился от ветров и морозов целым арсеналом удивительных предметов, для изготовления которых требовались предельная чуткость к природе, знание ее законов и распорядка. Вспомним камусные лыжи, долбленную лодку, берестяные кибасья (груза для неводы или сети), традиционные ловушки-кулёмки, все те изобретения, что по инженерной красоте, совершенству, замыслу и выразительности образа являются собой бесценные образцы культуры. Рука об руку с этими братьями человек, войдя в мастеровую, рыбачку, охотницкую силу, на-крепко соединился с тайгой и рекой и обрел неразменный дар смысла и правоты, лада и автономности.

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ

Какую страницу жизни Красноярского края ни отвори – все заслуживает монументального повествования: и история енисейского флота – с северными завозами по шугующим рекам, с подъемом весенних караванов через пороги Подкаменной и Нижней Тунгуски... И жизнь зимников, связывающих зимой отдаленейшие поселки, морозные вахты бессонных водителей, то впивающихся глазами в сахарное полотно дороги, освещенной фарами, то зимогорящих у горящих скатов возле заглохшего «Урала». Когда неполадка в 50-градусный мороз и помохи ждать неоткуда – жгут скаты или саму машину...

А шоферская история Усинского тракта с гололедами на серпантинах и лавинами... А будни золотодобытчиков Северо-Енисейского района... Сказы про мытальщиков, использовавших с деревянными лотками реки и

речушки... Встретил я одного такого деда в 1977 году в аэропорту: сухое бледное лицо, большие бледные синеватые кисти, пальцы скрюченные, будто в руке что-то до сих пор держат, суставы как сучки. Сидя на узле, он что-то рассказывал о камнях и каких-то знаках, не интересуясь слушателем, а вещая, сказуя, проповедуя громко и будто вдаль и изливая одному ему ведомую и полностью владеющую им правду, уплетая ее чудными сучковатыми словами...

И еще дальше, глубже в морозную мглу – железная дорога Абакан – Тайшет, великие стройки на реках, и 503-я стройка, и Норильск... И Ангара... И вечный разрыв между индустриальным и патриархальным, между святой тягой сохранить неприкосновенной природу и годами отлаженный уклад и нуждой в индустриальной мощи страны, в военном щите, в энергетической независимости... И тянется одно за другим – и обстановка в мире, и лакомость Сибири для врагов... И активизация темных сил в мире, и усиление их агрессии по отношению к России, и противостояние чужому и чуждому *нашего*, русского, глубинного. Поэтому особо хочется выделить связанное с культурой,

GEOPHOTO.RU

духовной сферой, обозначить точки подвижничества, без которых немыслима жизнь любого региона. Это музеи и библиотеки, работа в которых лежит всегда почему-то на плечах женщин. Неброская, кропотливая и изнурительная.

Это, конечно же, монастыри и храмы, число которых с Божьей помощью прибывает. Работают Свято-Троицкий мужской монастырь в Туруханске, Спасский мужской и Иверский женский в Енисейске, Успенский мужской, Благовещенский женский в Красноярске, Красноярский Знаменский скит, скит Новомученников Российских на Монастырском озере в Енисейском районе. Строятся церкви. Возведены крупнейшие Крестовоздвиженский собор в Лесосибирске, храм Рождества Христова в Красноярске...

Никогда не забуду картины: огромный трехпалубный теплоход с православной миссией идет по Енисею в сторону Красноярска, возвращается из паломнического рейса. На борту духовенство, деятели и работники культуры, артисты, иностранные гости. Все очень серьезно, ответственно и торжественно. Мы останавливаемся в одном поселке и с радостью уз-

наем, что как раз здесь наш знакомый и знаменитый по Енисею батюшка. На катерашке он идет вниз – тоже паломнический миссионерский поход. Мы отправляемся к нему. На Енисее север взрывает крутой вал. Катерашка стоит в закутке, в проточке. Поднимаемся по трапу. Заходим – в темноте видим двух людей, согнувшихся над машиной. Окликаем – один из них капитан, другой – батюшка. Батюшка разгибается, ступает к нам, приветствует. Просим благословения... Рукава его облачения засучены по локоть, руки в масле – он снимает головку у дизеля, который погнал ли масло, застучал ли... уж не помню. Помню только, что не спали они сутки или двое, что только что поднимались по Сыму, где сели на косу (вода падает), еле слезли, потом забарахлил дизель, и они пошли назад. Ну, что добавить? Никогда не забуду батюшкины руки в автоле и ссадинах, уставые, с почти горячечным блеском глаза... Мутный, цвета холода весенний вал на Енисее, снег, ветер...

Как это все уместить в одной голове, душе? И крепкую дату, и вопрос: чего это юбилей-то? Административного образования или все-таки чего-то большего? Может быть, это напоминание о любви и терпении, потому что только любовью и терпением и можно сгусток нынешних проблем одолеть, эту бухту надрызглую неподъемную... Терпением и памятью о тех, кто перетаскивал парусные кочи с Таза на Турухан... кто жизнь клал... шел, строил, стелил... Дороги бил, створы по берегам ставил, лечил смертельно больных, как архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) во время турханской ссылки...

Льется кровь на Украине, идет раскол Славянского мира, продолжается планомерное замещение наших фундаментальных ценностей западными. Какой беззащитной выглядит и Сибирь, и наши юбилеи, и горстки староверов, и даже стройки, ГЭСы и ТЭЦы... Да и юбилей остается эф-

фектным сочетанием цифр, если не увидеть в нем вопроса: а что же каждый из нас может сделать сегодня для своего родного края как части России (а в ином контексте, думаю, и не имеем права мыслить сегодня)?

Бабушка моя говорила: «Держи ноги в тепле, а голову в холода». Универсальная поговорка. Ноги – это наше жизнеобеспечение, теплотрассы, тепло в избах, дрова, толстые портняки, пимы и бродни. А голова – это... голова. Именно ее нам и нужно прежде всего привести в порядок. И прекратить удивляться, всплескивать руками: да что ж такое творится? И тогда события современной жизни, кажущиеся вроде бы случайными и абсурдными, обретут логику: такие явления, как насаждение идеологии потребительства и индивидуализма, примитивной массовой культуры и виртуальной реальности, разрушение института семьи, куль животных удовольствий, пропаганда содомии, блуда и абортов, клонирование и все то, что можно считать звеньями последовательной политики духовного и физического человекоубийства. А за последние двадцать лет работа по разрушению духовных ценностей нашего народа проведена колоссальная, и поражаешься, насколько слабой, какой-то совсем уж подковой оказалась наша советская прививка. Жаль. Думалось, она глубже.

Поэтому наша с вами главная задача как писателей и читателей – защитить и отстоять наше духовное пространство, наработанное веками, осознанно и навсегда утвердиться в своих взглядах, поставить заслон разрушительным течениям в общественном сознании. Быть защитником дорогого.

Мировоззрение материально. Совокупность мировоззрений – сила. Есть правило общей молитвы: созидающая сила духовного единения в том, что совместная молитва во много раз сильнее и действенней молитвы, прочитанной каждым по отдельности.

КРЫМ КРЫМЫЧ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

СЕВА И КЛАВА. ОН – ВНУШИТЕЛЬНЫЙ, КРЕПКИЙ, СТРОГОГО НРАВА. ОНА – КРОХОТНАЯ, ТАИНСТВЕННАЯ, ЧУТЬ ОТРЕШЕННАЯ ОТ МИРСКОЙ СУЕТЫ. ОНИ ДАВНО ВМЕСТЕ. А ПОСЛЕДНИЕ ШЕСТЬ ДЕСЯТКОВ ЛЕТ – ТАК ВООБЩЕ СВЯЗАНЫ ОФИЦИАЛЬНЫМИ УЗАМИ. БАЛАКЛАВА – ЧАСТЬ СЕВАСТОПОЛЯ. И ЭТОМУ СОЮЗУ НИСКОЛЬКО НЕ МЕШАЕТ ТО, ЧТО ОН, СЕВА, МОЛОЖЕ ИЗБРАННИЦЫ ПО МЕНЬШЕЙ МЕРЕ НА 2 ТЫСЯЧИ ЛЕТ.

По пути в Балаклавскую бухту. Первый дом слева – остатки дачи графа Моти Апраксина

ТУТ, КОНЕЧНО, МОЖНО спорить. Рядом с нынешним Севастополем люди селились задолго до Рождества Христова. Один Херсонес чего стоит. Однако ж к тому моменту, когда в конце XVIII века в Ахтиарской бухте русские решились заложить город-порт, эти места без малого триста лет были почти пустынны. Сказались посещения ордынцев и османов.

А вот в Балаклавской бухте на протяжении последних 25 веков человек присутствовал постоянно. Сюмболон – Ямболи – Чембало – Балик Ява – Балаклава... Последнее название было в ходу незадолго до того времени, когда Крым стал частью Российской империи. Первое фигурирует еще в трудах древнегреческих и древнеримских историков. Да что там историки! Великий Гомер упомянул это место в «Одиссее», как бухту лестригонов – племени страш-

ных людоедов, разбивших 11 из 12 кораблей царя Итаки. Так и написал в десятой песне от имени Одиссея о знакомстве эллинов с местным вождем: «Тотчас схватив одного из товарищей, им пообедал». Впрочем, есть мнение, что пообедали экипажами греческого царя каннибалы в другом месте – где-то на Сицилии. Но дыма без огня, как известно, не бывает.

...Серые скалы и густые предгорные леса Южного берега Крыма исчезают с глаз однокомнатно. Только-только были вокруг, нависая над морем, – и вдруг вместо них гряды невысоких холмов песочно-песчаного цвета, поросшие кое-где невысокими деревцами и кустарником. Точь-в-точь современные метросексуалы, уже не бритые, но еще не бородатые. Не в обиду последним будет сказано.

Мужественность холмам к лицу. Сдвинув плечи вокруг петляющей узкой и разбитой дороги, они по-прежнему охраняют выходы к морю, по-прежнему хладнокровно наблюдают за

всяким, сунувшим нос в эти потаенные места. Понять, где начинается Балаклава, трудно. Белесые заборы и стены невнятных строений из инкерманского известняка, редкие люди на обочинах в воскресное утро – и на тебе: прямо перед глазами клотики яхт и сейнеров, ошвартованных по берегам узкой и извилистой бухты, мрачные пирсы, битая-перебитая ветрами набережная. Очень рабочая, без всяких тебе там ялтинских пальмочек и лавочек. Без макияжа, короче. Вдоль причальной стенки, ведущей к главной достопримечательности Балаклавы – скрытой в скале бывшей базе подводных лодок, – равнодушные рыбаки из местных уже забросили удочки и с присущей только рыбакам исключительной доброжелательностью провожают нас глазами. Волны нет и в помине. Даже не верится, что в Форосе, где Черное море – открытое, вот уже который день маренговые валы упорно долбят о прибрежные валуны, разлетаясь пенными крупными брызгами.

Что-что, а тайны в Советском Союзе хранить умели. Сколько раз бывал в Севастополе, а интересоваться Балаклавой вживую – в голову не приходило. Она вроде и была в каких-то 15 километрах от Севы, но в то же самое время ее и не было. Ну, то есть – вообще не было в настоящем времени. В прошлом времени – да, имелась. В частности, во время Восточной войны, когда городок оккупировали британские и французские войска вкупе с военной силой могучего Сардинского королевства. Об этом можно было прочитать в книжках. Равно как и о знаменитой Балаклавской битве, случившейся 25 октября 1854 года, когда в конной атаке погибла английская элитная бригада легкой кавалерии лорда Кардигана. Во время Великой Отечественной – Клава тоже присутствовала в куцых абзацах мемуаров и учебников. О городе можно было прочитать у Куприна и Горького, Паустовского. Опять-таки Гомер... Но так чтоб посетить!..

Даже закрытый одно время для праздных гостей Севастополь мог показаться самым открытым городом в мире по сравнению с Балаклавой, превращенной в сверхсекретную зону в конце 50-х годов XX века. Причиной тому – та самая база подводного флота. Точнее – подземный завод в скале, предназначенный для ремонта подводных лодок Черноморского флота. И вот в наши дни – это вполне доступный музей. Хотя и с особенными правилами посещения. Например, частным образом по билетикам туда не попасть. Только в составе экскурсионной группы и с компетентным сопровождающим военно-морского вида. Внутри многокилометровых тоннелей и шхер расслабиться тоже не дадут. Отстанешь на пару-тройку десятков метров – зычным голосом с командными нотками присоединят к брошенному на минутку коллективу. Фотографировать, правда, можно. Секретов уже не осталось.

Вход на «Объект 825 ГТС», подземную базу подводных лодок Черноморского флота

СЕКРЕТНЫЙ ОБЪЕКТ

«Объект 825 ГТС» начали строить тут в 1957 году. Завершили – через четыре года. В том же, 57-м Балаклаву лишили городского статуса и превратили в «закрытую территорию». Заставшие то время местные жители рассказывают, что чужому попасть сюда было невозможно, но и своему выехать – чрезвычайно сложно. Несколько КПП, специальные документы, личный досмотр. Даже в паспортах ставили фальшивые адреса прописки, а с работников базы брали под-

писку о неразглашении места работы и занимаемой должности. Даже – родственникам. База, видать, того стоила. Несколько километров тоннелей, пробитых в скалах на западной стороне бухты, ремонтные цеха с автономной системой обеспечения, каналы восьмиметровой глубины, вмещающие семь подводных лодок. Подземная, точнее, внутрискальная база могла вместить 3 тысячи человек и работать в течение нескольких месяцев без всякой помощи внешнего мира. Особенность

Рукотворные катакомбы под Балаклавой

базы заключалась в том, что в случае ядерной войны она превращалась в гигантское бомбоубежище. Если верить расчетам, выдержала бы прямое попадание атомной бомбы до 100 килотонн.

Не верить расчетам трудно. Проходишь между створов метровой толщины ворот, в не-

скольких местах рассекающих основной тоннель, – и веришь! А заодно диву даешься – как много может человек, если ему что-то действительно нужно. И как много он умеет. Наверное, горный инженер способен представить и даже объяснить, как все это проектировалось и строилось. Обывателю это не

Герметичные створы ворот, превращающие подземелье в антагонистическое бомбоубежище

под силу. После первых двух-трех сотен метров путешествия по рукотворному подземелью начинаешь ловить себя на невеселых мыслях о бренности сущего и тому подобном. И еще – на том соображении, что ты тут всего-то полчаса, а люди работали когда-то в этих стенах полновесные смены и каждый день, приходя на вахту, проскальзывали внутрь через калитки, вмонтированные в массивные ворота.

Нить Ариадны – в руке нашего гида. Левый рукав пиджака – пустой и спрятан в боковой карман. Звуки голоса гулко отскакивают от неровных тоннельных стен. Монотонная цепочка данных о глубинах, датах, километрах, киловаттах, высотах, объемах, сроках и числе душ человеческих... Кстати, о сроках и душах. Уже на поверхности другой живой источник поведал, что в создании подземного мира власть задействовала 20 тысяч заключенных. И куда они все потом делись, в Балаклаве не знают.

После часа пребывания в скальном плену тянет на волю. Тусклые лампы под высокими потолками, теплый недвижимый воздух, мрак воды в кажущемся бездонным канале, макеты подводных лодок и натуральные торпеды и мины на каждом шагу – все это уже не внове. Кажется, что ты тут очень давно и, хуже того, – навсегда.

ВДОЛЬ БЕРЕГОВ

На улице – свежо. У пирса пригорюнились несколько катеров. Сезон охоты на туристов почти закончен, и шансы выйти в море невелики. Молодой жизнерадостный шкипер с типичным для греческого поселения именем Иван и отлично поставленной речью увлекает на борт. Почти буквально. И мы не жалеем. Балаклавская бухта невелика. Образовавшаяся в скалах расщелина врезается в землю на полтора километра. В самом широком месте от берега до берега – метров 400, не больше. Глубины вполне приличные: от 5 до 35 метров. Особенность бухты в том, что она весьма извилиста. Ширина на входе – всего-то полста метров. С моря никакого входа, да и самой бухты не видать. Кажется, перед тобой сплошная гряда холмов, защищаемых прибрежными скалами. Убеждаемся в этом, едва катер выскакивает из гирла на открытую воду. Лестригоны хоть и людоеды, но смышеные были ребята. Знали, где селиться. Да и все остальные, облюбовавшие это место после, оказались не промах. Тавры, скифы, греки, римляне, генуэзцы, крымчаки, турки. Да и русские, появившиеся тут в конце XVIII века, оценили Балаклаву сразу. Как место, исключительно удобное для основания торгового порта.

Возвращаемся в бухту. Иван едва успевает знакомить с берегами. Он, урожденный балаклавец, красноречив и многословен. В силу возраста период абсолютной секретности, похоже, не застал. Но нет ничего сильнее генетической памяти. И теперь шкипер отыгрывается за старшие поколения. Продолжим мимо бетонной арки в скале – отсюда из подземных доков возвращались в море отремонтированные подлодки. Но не воину единой...

Оказывается, после Крымской войны Балаклава превратилась в модный и престижный курорт. Построился здесь граф Матвей Апраксин, человек весьма близкий императору Николаю II. Госу-

Доброжелательные балаклавские рыбаки на промысле

дарь называл его Мотей. Вот это место – на западном берегу неподалеку от арки. Дачами и домами обзавелись Муравьевы, князья Гагарины, Юсуповы, графы Нарышкины, некоторые крупные буржуа. Всего насчитывалось более сотни дач. Возникли гостиницы приличного класса с высококомерными названиями вроде «Гранд-отель» и «Россия», появилась грязелечебница, даже театр. В театре «Прогресс» выступали большие знаменитости, в частности Мария Петипа. Некоторые здания сохранились. Например, кинотеатр «Монпепос», ныне – «Родина». Да, русская Балаклава всегда была городом если не военным, то полу военным. Впрочем, и ранее – тоже. Например, при генуэзцах здесь в крепости Чембало, остатки которой висят над бухтой с восточной стороны, наход-

ился постоянный гарнизон. В начале XVII века уже турецкий гарнизон едва отбился от напавших на город запорожских казаков. После того как в 1774 году Крым откололся от Ближней Порты, встали на посту Рязанский пехотный и казачий майора Харитонова полки. Во время путешествия Екатерины II в Тавриду в 1787 году по приезде в Балаклаву царицу приветствовал женский отряд «амазонок», составленный из жен офицеров и низших чинов, служивших в Балаклавском греческом батальоне. Дважды – в Восточную и Великую Отечественную – Балаклаву разрушали, а в первом случае разграбили до последнего табурета.

Вот и наш шкипер о том же: обидно, мол, все про войну да про войну. А мирной жизни в Балаклаве вроде как и не было. Будто не приезжали сюда великие писатели земли русской, начиная с Александра Грибоедова. Будто не пил вино с местными рыбаками в здешних тавернах Александр Куприн, мечтавший поселиться на берегах бухты, будто не здешние нравы переносил в свои полные морской романтики книги Александр Грин. Балаклава – это еще и Адам Мицкевич, Василий Жу-

Шкипер Иван и его прогулочный катер

ковский, Лев Толстой, Александр Островский, Иван Бунин, Максим Горький, Константин Паустовский... Кто-то из великих тут останавливался на час-другой, кто-то жил месяцами. А еще здесь любили работать киношники. «Человек-амфибия» и «Пираты XX века», например, снимали в этой бухте. По крайней мере, по словам Ивана, Владимира Коренев в серебристой чешуе нырял в море со скалами, торчащей у входа в бухту. Газетчики 60-х перенесли действие в крымский Новый Свет. Опять-таки секретность.

Швартуемся. Рыбаки еще сидят на пирсе западной стороны. Рядом с жерлом «Объекта» – ресторан с приличествующим месту названием «Тортуга». Пиратов, правда, не видать. Но народ в тельняшках попадается. Кофе в «Тортуге» славный, куда лучше бахчисарайского. Да и вино отменное. Местное, из подвалов Инкермана. Не тот ли это сорт, что подвиг Куприна написать телеграмму в Петербург, в которой писатель сообщил Николаю II о том, что «Балаклава объявляет себя свободной республикой греческих рыбаков». Вместо царя ответил Петр Столыпин, дав прекрасный совет: «Когда пьешь – закусывай».

Вот он – православный мужской монастырь Святого Георгия Победоносца

МЕЖДУ СЕВОЙ И КЛАВОЙ

Это название я запомнил с детства. Первый приезд в Севастополь. Белый город у синего моря, памятники, матросские ленточки, вареная, посыпанная солью лохматая кукуруза, серые точечные фигурки боевых кораблей на дальнем рейде. Ух! А вот купаться-то где? Бетонные плиты городского пляжа не вдохновляли, а потому приходилось мотаться на морском трамвайчике через Северную бухту и дальше берегом моря в пески Учкуевки. Хорошо, но далеко. На Херсонес? Тоже не ближний свет от центра города. Время от времени кто-то советовал: езжайте на Фиолент. На Яшмовый пляж. Там хорошо! Добрые знатоки из отыхающих отговаривали. На мысе – скалы и волны, с ребенком опасно. Тогда на Фиолент мы так и не собрались. Как говорится, прошли годы. Почти полвека. И вот они – скалы. И вот они – волны. И вот он – Фиолент! Все оказалось правдой. Но сначала, как обычно, была дорога.

У замкнутых какой-либо границей территорий, будь то поселок или санаторий, стадион или гарнизон, парк или садовое товарищество, есть одна общая черта: имеется парадный фасад и, скажем так, хоздвор. Если угод-

но, промзона. Всегда где-то там, у дальнего забора, – непорядок, неухоженность, хлам, дыра в этом самом заборе... Так выглядят подъездные пути к знаменитому мысу Фиолент. Севастополь всегда был городом-гарнизоном. И эта его часть сильно смахивает на задний двор. Едем мимо невразумительных строений диковатой южной архитектуры, мимо отстойников для военных грузовиков за сеткой-рабицей, мимо разношерстных мастерских и магазинчиков. Кое-где попадаются крыши весьма недешевых особняков, свидетельствующих о том, что бросовые земли заднего севастопольского двора уже не такие и бросовые. Но с романтикой, прямо скажу, не густо. Редкий случай, когда мой товарищ по скитаниям фотограф Александр Бурый держит аппарат не в руках, а на коленях. Ни к чему тут аппарат.

Прямо по курсу сквозь лобовое стекло пропустило море. Серо-синяя лента ширится на глазах. Еще не видно, но уже кажется, что оно подступает к берегу где-то внизу, под нами, под колесами машины, подминающими остатки асфальта. Стоп, приехали. В том смысле, поясняет водитель, что дорога кончилась. Дальше – пешком. Впрочем, дальше – не так

чтоб и далеко. До обрыва – сотня метров от силы. Уже слышно, как ругаются с камнями прибрежные волны. Слева и справа навалились на берег стройные скалы, и тоже слева, но чуть ниже матовым золотом поманил купол монастырского храма.

Нет у природы никаких задворок и промзон. У людей – есть. А у природы – нет. И мелкие камни, скатившиеся с утеса на узкую тропу, – вовсе не мусор. И кривой миндаль, уцепившийся корнями на старую стену, – вовсе не урод, а отважный красавец, влюбленный в жизнь. Со стометровой высоты Яшмовый пляж – как на ладони. И сразу ясно, что севастопольские советники полувековой давности не обманывали. Здорово! И тогда, на заре советского застоя, пляж Фиолента был единственным достоинством этого места. Потому как не было еще пушкинской беседки на крутом утесе и уже не было поклонного креста на брошенной в море скале, как не было и древнего Георгиевского монастыря, превращенного в место дислокации какой-то воинской части. А теперь все это есть. И несколько человеческих точек на Яшмовом пляже, и парус небольшой яхты, бросившей якорь у берега, – самое неинтересное, что видит глаз. Хотя летом жизнь внизу протекает на-верняка куда энергичнее.

К монастырю можно пройти двумя путями. Верхней дорогой мимо остатков воинской части, паломнического корпуса к главному входу. И – нижней тропой, упирающейся в крутые ступени каменной лестницы, опоясывающей глухую старую стену. Ее, судя по всему, предпочитают немногие. Среди немногих – мы и опытные монастырские коты, избегающие встреч с толпами паломников и туристов. А таковых с каждым годом все больше и больше. И нет тут никакого секрета. Севастопольский мужской монастырь Святого Георгия Победоносца – один из старейших на территории нынешней России. По преданию, его основали еще до Крещения

Скала Явления
у мыса Фиолент

Руси греческие моряки, выброшенные на крохотный прибрежный остров во время жуткого шторма у Фиолента. Было это в 891 году. На том же островке спасенные обрели икону Святого великомученика Георгия. Едва шторм утих, они перебрались на берег и основали обитель.

Так ли, по-другому ли, но известно, что с 1081 года монастырь управлялся херсонесскими епископами. Это уже не предание, а факт. Обитель пережила разорение Херсонеса литовским князем Ольгердом, католицизацию Крыма генуэзцами,

нашествие на полуостров турок-османов, власть крымско-татарских ханов. Поразительно, но турки называли это место Монастырь-Бурун. В переводе – Монастырский мыс. Признавали, стало быть. Во время Восточной (Крымской) войны пострадали все без исключения храмы Севастополя, и только монастырь Святого Георгия остался невредимым. Среди прочих историй сохранилась и такая. Служебные постройки обители заняли французы под лазарет и казармы. В один прекрасный день на Фиолент прибыл турецкий главком Омер-паша. И возжелал войти в Крестовоздвиженский храм. Стоявшие в карауле французские солдаты отказывались впустить пашу со свитой внутрь до тех пор, пока турки не сняли фески. Казалось бы, что французам до православной обители, тем более что начиная с 1806 года в ней готовили священников для Черноморского флота. Тех батюшек, что благословляли православных матросов на бой с врагом. Однако ж было... К слову, среди монахов Свято-Георгиевского монастыря – несколько героев обороны Севастополя. Отец Иоанникий (Савинов) во время ночных встречного боя

Скальная
церковь
Рождества
Христова
в монастыре
Святого Георгия

в марте 1855 года на Корабельной стороне явился в передовые цепи Камчатского пехотного полка и, подняв крест над головой, запел молитву. А когда камчатцы двинулись в атаку, прямо на поле боя начал отпевать убитых. Отец Иоанникий был смертельно контужен в том бою. Посмертно он был награжден орденом Святой Анны 3-й степени, а владелец родных Савинова – граф Шереметев – оформил всем вольную. В 1891 году обитель отметила 1000-летие. Среди прочих событий состоялось установление креста на скале Явления. Он простоял чуть более трети века – до того момента, когда монастырь впервые в истории был закрыт. Даже в 1778 году, когда по распоряжению Екатерины II крымские греки были переселены Александром Суворовым в Приазовье, в обители оставили одного иеромонаха. Отец Калинник в течение пятнадцати лет в одиночестве охранял монастырское хозяйство. К 1929 году в обители не осталось никого. 800 каменных ступеней, вырубленных монахами в камне и ведущих с монастырской скалы к морю, стали служить совершенно другим людям. Например,

солдатам ракетной воинской части, размещенной здесь после войны. А до войны – отдыхающим пансионата, размещенного курортным трестом в монастырской гостинице и братском корпусе. Внизу им было чем заняться: на месте сброшенной в море бульдозером маленькой церковки Святого Георгия устроили танцевальную площадку. Территория обители – скромная. Три церкви, одна из которых скальная, крохотный двор, вымощенная отглаженным ветрами камнем дорожка вокруг храма – вот, собственно, и все.

Главный
монастырский
храм на
Фиоленте –
церковь
Святого Георгия
Победоносца

Ротонда-беседка
Александра
Пушкина
над морем

Служебные постройки, как уже действующие, так и строящиеся, – чуть в стороне. А вниз, к острову Явления, – те самые 800 ступеней. На скале вновь стоит крест. Семиметровый, ярко-белого цвета, он виден с берега в любую погоду. Крест восстановили в 1991 году с помощью Черноморского флота России. Флотские тут, как и когда-то, – не чужие. В монастыре освящаются корабельные Андреевские флаги. Черноморцы помогают обителям налаживать жизнь. Это старая традиция. Монахи отсюда шли служить на боевые корабли флота, а главнокомандующий флотом в течение семнадцати лет адмирал Михаил Лазарев в редкие свободные дни жил при монастыре в маленьком, специально построенном для него домике. На мысе хорошо было не только Лазареву. Бывали тут государи российские – от Николая Павловича до Николая Александровича. Стояли над морем Грибоедов, Толстой, Островский, Чехов, Бунин. Оставили нам чудные пейзажи Айвазовский и Верещагин. По еще одному преданию, апостол Андрей Первозванный ступил на крымскую землю на Фиоленте. Возвращаемся верхней дорогой. Под ней на самом обрыве – красавица-ротонда. Почти балкон в десятках метров над морем. В центре круглой площадки – столп. Не чета Александрийскому в Петербурге: невысокий, четырехгранный, с декоративной крышей. Но тоже красивый. На одной из сторон – барельеф Александра Сергеевича и надпись: «Пушкин здесь был». Он действительно здесь был и, возможно, стоял на том самом месте, где в 2011 году поставили в его честь эту ротонду. Именно отсюда – идеальный вид на лукоморье Фиолента. И кто знает, может быть, «кот ученый», и днем и ночью бродивший по цепи кругом, – предок тех монастырских котов, что попались нам на высоких каменных ступенях, ведущих к храму. Тем более что до поры до времени рос на монастырском дворе огромный древний дуб.

ПО ПУТИ НА ВАЛДАЙ

АВТОР

МИХАИЛ ГЛИНКА

ТО БЫЛ ЛЕТНИЙ АВТОМОБИЛЬНЫЙ ПРОГОН
НЕ СЛИШКОМ ДАВНИХ ЛЕТ. НО КАК РАЗ НЕ СЛИШКОМ
ДАВНЕЕ ИСЧЕЗАЕТ ИЗ ПАМЯТИ ВСЕ СТРЕМИТЕЛЬНЕЙ,
И, ЕСЛИ НЕ ЗАЦЕПИШЬ ЕГО ЗА СКОЛЬКО-НИБУДЬ
НЕОБЫЧНОЕ – ИСЧЕЗНЕТ, И НЕ ЗАМЕТИШЬ...

НИ ВЕСЕННЕЕ ЕЩЕ приглашение друзей присоединиться шестой машиной к их пяти в броске на валдайские озера, ни давнее намерение заново прокатиться по памятным мне местам Новгородчины, вероятно, так и не заставили бы меня тогда сдвинуться с места. Но в Питере с первых дней июля гранила необычная жара. А два трехметровых окна, к которым стоям приставлен спичечный коробок моей квартирки, смотрят прямо на юг. И клятва самому себе приkleиться к стулу, пока не сдам в журнал обещанное, как-то пожухла. Уехавшие на озера – у всех теперь мобильники – сразу же это засекли. Слабохарактерность наказуема – и мне тут же было вменено захватить с собой еще двоих: киношника и математика. Те позвонили тут же. Двоих оказалось трое. Третья, я так понял, стала недавно женой второго. Ехать предстояло на озеро Пирос. Автомобильный атлас указывал, что этот водоем с названием из мифов Древней Греции находится невдалеке от Бологого. Наименования добавочных ориентиров, например Окуловка или, того круче, Егла, годились для диктанта абитуриентам, которых надо срезать. Рулить по трассе Питер – Москва предстояло километров четыреста.

Выехать из города чуть свет не удалось. Предписанные спутники ждали у разных станций метро. Мужскую их составляющую я, кажется, раньше все-таки видел. Во всяком случае, математика. Жену математика видел впервые. Из города мы выбрались довольно скоро. Но несколько часов каждому предстояло провести с малознакомыми людьми. Коммуникатором стал киношник, точнее, кинооператор, который, оборачиваясь с переднего сиденья, стал влезать в разговор сидящих сзади. Хотят ли его слушать, его, видимо, не интересовало. Математики отвечали оппоненту не сразу и негромко. По деликатности и интонациям, с которыми он и она обращались друг к другу, можно было понять, что в браке они недавно. И брак этот для каждого из них – не первый. Когда еду один, я, должно быть, разговариваю с дорогой. Встречным ничего сказать не успеешь, но тому, за кем идешь, или тем, кого обгоняешь, по междометию раздашь. И еще – дорожным указателям. Допустим, знак «40». «Спасибо, вижу». А как не поблагодарить, если вдобавок к знаку и твой стаж езды, которому скоро полвека, сигналит тебе, что вон за той будкой, как щука в траве, притаилась полицейская машина? Дорога бежала. И с ее знаками, оказалось, беседую не я один. Так, когда между Тосно и Любани

нью мелькнул указатель со стрелкой влево и надписью «Красный Латыш», кинооператор заговорил о том, какую роль в фильмах о революции и первых годах после нее отводили этим одетым в черную кожу неразговорчивым прибалтам с маузерами. И как не только сами, но даже упоминания о них бесследно исчезают к концу 30-х... Куда делись?

Мы приближались к сотому от Питера километру. Лет тридцать, а то и сорок назад я, проезжая это место по несколько раз в сезон, всегда еще издали ловил момент, когда слева покажутся огромные густые деревья. Это был Трубников Бор, обычное место наших промежуточных привалов, когда я отвозил на лето в Крестцы... Кого? Да кого я только туда не возил... Здесь, в Трубниковом Бору, между двумя параллельно идущими дорогами, железной и шоссейной, тогда еще оставались следы лет полтораста назад созданного парка, одного из самых замечательных для наших северных мест. Глубокие пруды и темистые аллеи, и по краям – как аллегория судеб – две разные дороги, а еще витающие тени старой барыни-владелицы имения и управляющего этим романтическим поместьем молодого аристократа южных кровей...

– Это искажение правды, – так тихо, что я едва рассыпал, произнесла сзади жена математика. Оказывается, я что-то, сидя за рулем, бормотал.

– Искажение, – еще раз сказала пассажирка, – точнее, неправда, если, конечно, вы имеете в виду мужа ее дочери. Князь Багратион-Мухранский был замечательным мужем... И вообще редким человеком. Когда его жена, дочь старой барыни, лишилась рассудка, то он до самой смерти от нее не отходил.

– Ну а когда умерла? – игриво спросил оператор.

Жена математика опять ответила не сразу.

– Он умер первым, – сказала она. И была длинная пауза. Я рулил и думал о том, сколь выбор того, о чем мы говорим, говорит о нас. Вот кинооператор – и вот вы

бранные им детали в рассказе о красных латышах. Ничего, как говорится, личного, только кинопленка... И – совершенно противоположное у жены математика. Как тихо, но категорически она пресекла даже намек на водевильную тональность, скользнувшую в разговоре о человеке, жившем лет сто пятьдесят назад...

То, что мои пассажиры никаким образом не готовились к поездке, было ясно. Да и когда? Ведь накануне вечером еще никто из них не знал, что уже поутру будет на пути к Новгороду... Но сюжеты, оказалось, стоят вдоль этой дороги, как километровые столбы. И дорога с каждым из нас разговаривает. В том числе и со мной. Так часом раньше, лишь отъехав от Питера, мы миновали Колпино, где еще лет сорок после войны на едва заметном кладбище стояла среди разросшихся кустов деревянная пирамидка военных лет с почти стершейся надписью «65 стрелковый полк, март 1942». Поставить свой отдельный камень военкомат не разрешал. Общий мемориал этого участка фронта позже учредили южнее, в Красном Бору. Наклонные мемориальные доски там стоят на железных ногах. Под досками растет трава. На одной из них имя моего отца – старшего лейтенанта Сергея Михайловича Глинки, погибшего 13 марта 1942 года. Я не езжу в Красный Бор. Для меня он лежит в Колпине...

Сергей
Михайлович
Глинка
(1899–1942)

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ДИВАН

Но мы ведь, кажется, едем на отды whole, в веселое летнее стойбище общих знакомых? Так почему сюжеты, незримо сопровождающие нашу поездку, ей так контрастно не соответствуют? Может быть, именно поэтому я не открыл рта и в давно оставшемся позади Чудове, название которого впечатано в мою память рассказами бабушки. Ее детские годы прошли именно в Чудове – после того, как подвергся высылке ее отец – Сергей Николаевич Кривенко, один из авторов и редакторов журналов «Отечественные записки», «Народная воля», «Русское Богатство», «Новое Слово». Вместе с Н.К. Михайловским был мишенью критики Ленина в статье «Что такое «друзья народа» и как они вою-

Диван
карельской
берескы

ют против социал-демократов». За журналистскую деятельность прадед подвергся суду, полутора годам заключения в Петровпавловке и высылке. Прабабушке Людмиле Николаевне стало не по средствам оставаться в Петербурге.

Часа через три мы миновали по окружной дороге Новгород. Это была половина пути. Жара не спадала, небо иногда затягивали облака, но дождь так и не пошел. Время замедлилось. Уже много километров мы ехали в хвосте длинного каравана большегрузных машин. Мои пассажиры, как сговорившись, замолчали. Они еще не знали, что я решил развлечь их деталями некой житейской истории, ареною которой были места, уже окружавшие нас.

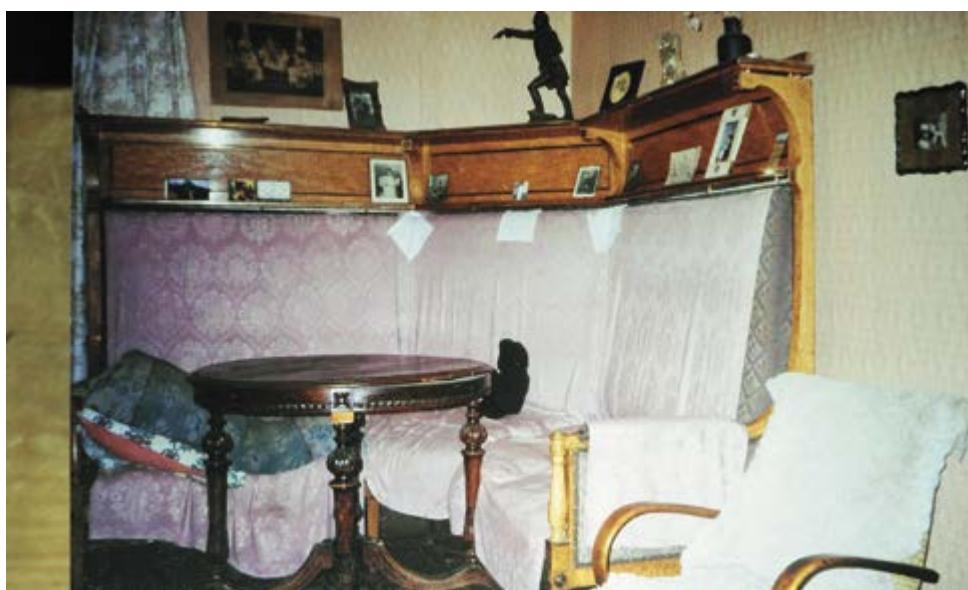
История эта была для меня почти семейной.

Мы въезжали в Крестцы, городок, упоминаемый в истории как Игнач-Крест – место, до которого в 1238 году, идя на Новгород, дошел Батый, остановленный здесь половодьем и распутицей. Шоссе здесь – случай не частый – практически раздваивается, чтобы потом, километра через три-четыре, снова соединиться. Когда я свернул с главной дороги на ту, что идет сквозь городок-поселок, мои пассажиры зашевелились. «Это куда?» – спросил кинооператор. У меня была еще минута-другая, и я сказал, что надеюсь показать им одну довольно редкую особенность строительства здешних домов. Которая, мол, заключается в том, что сначала обзаводятся мебелью, расставляют ее, и лишь после этого вокруг мебели строят дом.

– Это, естественно, шутка? – спросил долго молчавший математик.

Я ответил, что, если повезет, мы увидим это сами.

Сюжет уже пошел, и с дороги, которая все более превращалась в центральную улицу Крестец, мы повернули в улицу боковую, песчаную, с дождевой промоиной и ведущую слегка вниз к берегу реки Холовы.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Нужный мне дом, точнее, зашитую досками избу я увидел сразу. Дом был таким же, как и раньше, разве что стал другого цвета – теперь он был голубым, но, самое главное, явно не перестраивался. Мы подъехали, и как в пьесе – у калитки нужно было материализоваться нужный персонаж: голый до пояса сухощавый седой мужчина в очках. У ног его крутился желтоватый спаниель. Я присмотрелся, сомнения отпали.

– Здорово, Гера, – сказал я, выходя из машины. Мы не виделись лет двадцать. Минуту-другую он смотрел на меня, на всякий случай улыбаясь.

– Ты, что ли? – сказал он и назвал мое имя. Мои спутники нас обступили. Я спросил Геру, где его семья. Были, сказал он, но уехали и к концу недели снова приедут.

– Диван сохранился? – спросил я. Гера смотрел на меня вопросительно. – Диван, – повторил я. – Угловой. Карельской берес

зы. Ну, тот, который был здесь при Борисе Николаевиче?

Это было имя прежнего хозяина

дома, родственника жены Геры.

Лицо Геры разгладилось.

– А куда он денется... – сказал он. – Его же не вынуть.

– Покажешь? – спросил я.

Через сени, темные даже в солнечный день, он провел нас в комнату. Комната была оклеена светлыми обоями. Диван, как и сорок лет назад, занимал ее треть.

– Никто не знает, как он тут оказался, – сказал Гера. – Мы соседей спрашивали... Никто на улице не знает.

По верху высокой спинки дивана шла полка. На полке, как и сорок лет назад, стоял в повелительной позе веселый чугунный Суворов.

– А хочешь узнать, как этот диван здесь оказался? – спросил я. Гера улыбнулся и развел руками. Я спросил, есть ли у него гвоздодер. Гвоздодер нашелся, и мы вышли из избы. Чтобы ко мне потом не было претензий, я предложил, чтобы

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

указанную доску от обшивки дома он отодрал сам. Повозившись, он ее отодрал. Открылось черное от времени бревно. Поперек бревна метрах в двух от угла дома шла вертикальная щель распила, уходившая на другие бревна, как вверх, так и вниз. Из щели торчала почерневшая пакля. Поверх распила, чтобы бревна не разъехались, крест на крест были забиты две железные скобы.

Гера был ошарашен. Доску по другую сторону угла решено было не отдирать. Ясно было, что там мы увидим подобное. Чтобы внести в избу диван, угол сруба выпиливали целиком.

– Ну, дела... – сказал Гера. – А откуда он вообще взялся, этот диван?

А вот это, сказал я ему, я расскажу тебе и твоей жене, когда поеду обратно. А сейчас нас ждут... Мы обещали там быть к обеду.

...Через несколько минут мы снова были на главном шоссе. Мои пассажиры молчали. Молчал и я, но лишь потому, что никак не мог решить – с чего начать.

– Караван устал... – сказал кинопротагонист. – Мы ждем.

Семья
губернатора
Глинки.
1910 год

БРАТЬЯ

Тех людей, схему жизни которых я попытался начертить своим спутникам, давно уже нет, и много раз за эти годы я задавал и задаю себе вопрос: почему, когда мог, я день и ночь их не расспрашивал?

Первые лет десять, а то и пятнадцать, как должен был быть знать, что они существуют, я плохо их помню. Родившись за пять лет до войны и во время войны лишившись родителей, я с двенадцати учился в Нахимовском, а оно, это училище, – объект всесоюзной знати мальчишек – развивало у поступивших самомнение непомерное. Набрался его тогда и я, может, не больше других, но уж, точно, не меньше.

Это к тому, что когда к моей тете приезжали в Ленинград родственники из Крестец, то я, глядывая к ней по выходным, этих приезжих едва ли замечал. Из Крестец они... А это где? Дважды в год наш батальон участвовал в параде на Красной площади, и там, в Москве, нас возили по театрам или, к примеру, на танцевальные вечера в закрытый интернат, где учились дочки дипломатов. Нам было по

тринадцать, четырнадцать, пятнадцать. Сколько лет должно быть человеку, чтобы его уже можно было назвать снобом? Из сказанного поясню две упомянутые позиции – «тетка» и «Крестцы».

Тетка – точнее, четвероюродная сестра моего отца – Мария Петровна Глинка была лет за десять до войны в браке с моим отцом – удаленность родства это допускала. Детей у них не случилось, разошлись они мирно, и тетка Муся осталась добрым другом, как для него, так и для родственников отца и новой его жены. А уж когда он погиб, а в 1944-м в эвакуации умерла мама, то тетка Муся вообще стала считать меня чем-то средним между племянником и сыном... Замечательной доброты она была и в этой доброте порывиста до степеней, которых следовало опасаться. Ей был свойствен нестандартный тип мышления: к примеру, будучи внучкой волынно-польского губернатора Василия Матвеевича Глинки, она, не желая расстаться с парадной фотографией деда, хранила ее разрезанной на две части и в разных местах: то есть мундир с орденами отдельно от головы. Видимо, считала, что так можно избежать опасности при обыске. Впрочем, когда умер Сталин, она поставила большой портрет отца народов на стул, декорировала крепом (была художницей), и вся огромная коммуналка ходила к ней всхлипывать. Кстати, именно она же, когда мне было уже лет четырнадцать и мы нечаянно встретились в Русском музее, вдруг потащила меня в зал, где висели портреты выпускниц Смольного института, и указала на портрет Нелидовой работы Левицкого. «Это, кажется, родная сестра твоего прапрапрадеда, – сказала она. – Но ты в своем Нахимовском, пожалуйста, не болтай...». Год тогда шел примерно 1950-й. Много позже, когда разобрался, выяснилось, что одно из трех «пра» – лишнее. Мамина мама – Екатерина Владими-

Жан-Луи Вуаль.
Портрет
Екатерины
Ивановны
Нелидовой

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Мундир
губернатора
Василия
Матвеевича
Глинки

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

сей факт дошел до меня, лишь когда в Крестцах – поселке-городке в 80 километрах южнее Новгорода – я впервые в самом конце 50-х побывал. Потом я туда зачастил. С начала 60-х у родной сестры тетки Муси, Надежды Петровны Исаевой, жившей в Крестцах, прожил от двух до пяти своих лет мой старший сын. И вот ее-то, Надежды Петровны, муж – Сергей Николаевич Исаев – был одним из тех двоих, рассказом о ком я сбирался занять своих пассажиров, прежде чем высадить их из машины на озере Пирос.

Вторым был брат Сергея Николаевича – Борис Николаевич, в доме которого мои спутники только что осматривали угловой диван.

Братья были высокими и до старости стройными, в чем-то очень похожими и все же разными абсолютно.

О том, что они оказались в Крестцах не по своей воле, мне, как и многое другое, связанное с ними, стало известно позорно поздно. Впрочем, я об этом уже сказал: позорно, что не интересовался, не расспрашивал... Представить же, чтобы они сами стали рассказывать о себе, да еще как о жертвах, – невозможно. Жаловаться? Не та была порода.

Знаю, что Сергей Николаевич сразу после войны был директором крестецкой школы и вел, кроме того, уроки математики. Знаю, точнее, узнал позже, что в начале 50-х его исключали из партии. За что? Вообще-то не так удивляло то, что исключили, как то, каким образом он там оказался...

Борис Николаевич тоже преподавал, впрочем, уже позднее. А в 60-х дядя Боря был то председателем поселкового совета, то что-то делал в райпотребсоюзе... И лишь много позже – годам к семидесяти пяти – стал учить старшеклассниц французскому. А еще, нарочно не придумаешь, теннису. Это в Крестцах. Корт, помнится, был таким, что мячи от него отскакивали под самыми неожиданными углами.

ДВЕ СЕМЬИ

О жизни братьев Исаевых, да и о жизни двух моих теток, я узнавал по крупицам...

Первое десятилетие XX века. Петербург. Семьи Исаевых и Глинок уже давно и, кажется, не одно поколение знакомы друг с другом. В семье Исаевых растут два мальчика, в семье Петра Васильевича Глинки – две дочери. Сергей Исаев родился в 1890-м, Борис в 1893-м, и отцом их был надворный советник Николай Иванович Исаев, чиновник по особым поручениям по сельской продовольственной части, которая тогда входила в состав Министерства внутренних дел. Несмотря на сельский профиль своей службы, Николай Иванович часто ездил в служебные поездки за границу. Впрочем, когда нечаянно наткнешься на сведения о том, как в 1900–1910-х годах вологодское масло успевали доставить до Парижа и Лондона запотевшим от свежести, практический смысл командировок в Швейцарию и Англию министерского чиновника, занимающегося такими поставками, становится гораздо ясней.

Начало 1900-х годов... Война на юге Африки оповестила мир об изобретении колючей проволоки, концлагерей и первом боевом использовании пулемета системы «максим». Песенку «Трансвааль-Трансвааль, страна моя, весь мир горит огнем...» – поют всюду. Погиб «Варяг», Транссибирская магистраль забита вереницами воинских теплушек, Каляев взорвал московского генерал-губернатора... Николай Иванович Исаев – отец двух подрастающих мальчиков. Что за судьба их ждет? Но Николай Иванович – государственник, и в том кругу, где он вращается, своих детей от выполнения долга не прячут. Определить в кадетский корпус? Но именно в эти годы вся читающая Россия не выпускает из рук книги Куприна, клеймящего нравы кадетских корпусов и юнкерских училищ...

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Братья Исаевы – бойскауты

Во время своих поездок Николай Иванович, видимо, интересуется тем, как поставлено воспитание подростков в Европе. А там ширится движение бойскаутизма. В Россию оно уже тоже проникло. Использовать любовь подростков к приключениям и походам, чтобы превратить своих мальчиков в физически развитых юношей, родителям Исаевым кажется находкой. А Сережа и Борис ради такой заманчивой жизни готовы подчиняться любой дисциплине, хоть военной.

Братья Исаевы учатся в 1-й петербургской гимназии на Ивановской улице (с 1918 года – улица Социалистическая).

В другой семье, семье Петра Васильевича Глинки, растут две девочки – Надежда (родившаяся в 1900 году) и Мария (в 1901-м). Сестер возят то в Швейцарию, то на большой семейный сбор в имение Вильский Тартак под Житомиром. Это имение покойного деда девочек, губернатора Василия Матвеевича Глинки. У Петра Васильевича трое братьев, старший из них – Яков Васильевич, начальник канцелярии Государственной думы в течение всего срока ее существования.

Начало 1910-х годов. Братья Исаевы уже студенты Технологического института. Как бывшие бойскауты, они, конечно,

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Яков Васильевич Глинка

спортсмены. Более того, они не только спортсмены, другое название бойскаутов – «разведчики». Пробывший несколько лет в «разведчиках» становится, по сути, инструктором по выживанию в любых условиях, к тому же обязательно технически грамотен. Братья Исаевы ездят на мотоциклетах фирмы «Индиан» (впоследствии слилась с фирмой «Харлей-Дэвидсон»).

Август 1914-го... Братья Исаевы отправляются на войну, при этом на своих же мотоциклетах. У них витой кант на погонах – вольноопределяющиеся. Так называли добровольцев, образовательный ценз которых давал им некоторые льготы, например выбор рода войск. Исаевы в мотороте связных («самокатчиков»), прикомандированной к штабу на границе Польши и Германии. Из пунктов, которые упоминал дядя Боря в связи с войной, помню Вержболово, около которого, везя донесение в штаб Самсонова, он ехал по аллее в поперечных полосах лунного света, почему и не заметил поперечного раскопа... Когда не доставляли бензин, то «Индиан», говорил дядя Боря, иногда удавалось заавести на коньяке.

Становятся ли братья Исаевы офицерами запаса, сведений не имею. Но никто из известных мне Исаевых после 1917 года не эмигрирует. Глинки так-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Наташа Исаева.
1944 год

же остаются в России. В Петрограде начинается квартирное «уплотнение». Родители Нади и Муси успевают «уплотнить» свою квартиру на Кирочной семьею давних знакомых – это Николай Иванович и Наталья Ивановна Берберовы с дочерью Ниной, начинающей поэтессой. У Нины роман с Владиславом Ходасевичем, это 1921 год. Оба вскоре уезжают за границу. В 1922 году Сергей Николаевич Исаев женится на Надежде Петровне Глинке, и в 1923 году у них рождается дочь Наталья. В 1926–1927 годах братья Исаевы живут в Ленинграде. Сергей Николаевич – курсовой командир в Артиллерийской

школе на Забалканском проспекте (теперь – Московский). Борис – курсовой командир в Автоброневой школе в Подъездном переулке. До этого или после этого Борис окончил юрфак университета, не знаю.

Затем в моих сведениях об Исаевых опять провал, знаю лишь, что в конце 20-х оба арестованы. Сначала, кажется, они попадают в какой-то лагерь на севере – не Соловки ли знаменитые? А с 1931-го – Беломорканал... В начале беломорской каторги Сергею Николаевичу чуть более сорока, Борису Николаевичу на три года меньше... Довольно странно, что братьев не разделяют, известно, например, что отца с сыном в лагерях разделяли обязательно. Возможно, впрочем, что братья работают на разных объектах, к примеру на разных шлюзах. Но ни от одного, ни от другого об этих двух годах я ничего не слышал. Кем они работали? Землекопами? Дробили камни? Рубили лес? Участвовали, как большинство, в тех чудовищных соцсоревнованиях, после которых на месте работ оставались трупы?

Надежда Петровна с дочерью переезжает с места на место, чтобы быть все время поблизости от мужа. Где при этом она умудрялась найти жилье? Как обстояли дела со школой для дочки? Не знаю, удавалось ли Надежде Петровне хоть время от времени видеть мужа, но дядя Сережа всегда твердо знал: Надя где-то рядом. Это, по-моему, еще одна глава из поэмы «Русские женщины».

Когда канал построен, братьев Исаевых ссылают в Бийск, затем переводят на поселение еще куда-то... Тетя Надя с дочкой следует за мужем неотступно. Заработка – это продажа каких-то куколок, которых она шьет из тряпья. Каким-то образом Исаевы (это уже последняя третья 30-х) пересекаются с женой «всесоюзного старосты» Калинина – эстонкой Екатериной Иоганновной Калининой-Лорберг. Является ли Калинина в это время уже заключенной или еще не арестована, не знаю, от

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

На пристани
в имении Тартак

некоторых деталей ее биографии леденеешь (донос на родного брата, которого в результате расстреляют), но факт есть факт: Исаевым она чем-то помогла. Может быть, даже не только освобождением, а и тем, что Сергей Николаевич вступил в партию. Но зачем, зачем ему, «каналоармейцу», это было нужно? Возможно, впрочем, что по этой именно причине года за два до войны Исаевым разрешают вернуться из ссылки. Но с ограничением – семь больших городов (Москва, Ленинград, Киев и т.д.) для них закрыты. Сергей Николаевич и Надежда Петровна сначала пробуют поселиться в Новгороде, но он недавний заключенный и ссыльный. На какую работу он может рассчитывать? И вскоре они перебираются в Крестцы, где сразу же после освобождения осел младший брат Сергея, Борис Николаевич. Кого всегда у нас не хватает в деревнях и поселках? Учителей.

КРЕСТЦЫ

1941 год. Война. Уже через месяц фронт приближается к Новгородчине. Сергею Николаевичу пошел шестой десяток. Они оба с братом изношены на Беломорканале, но Борису еще нет пятидесяти, и, хотя в действующую армию его и не берут, военкомат дает ему задание организовать партизанский отряд. Сергей же с семьей грузится на подводу и двигается на восток, подальше от фронта. Умудренный последним десятилетием, он понимает, что бывшему «каналоармейцу» самовольно оставаться в оккупации категорически нельзя. Каким-то образом они добираются до... Не буду называть это место. Отдельные фразы о нем и этом времени слышал от тети Нади – дикая антисанитария, кругом сифилис. Как избавление – лесная школа, куда удается определить Налю (Наташу), у которой открылся туберкулез. Некоторые детали партизанской деятельности Бориса Николаевича мне известны от его

племянницы. До Крестец немцы немного не доходят, и отряд Бориса Николаевича каким-то образом перебрасывают через фронт. К зиме немцы уже под Москвой. Задача отряда – привлечение внимания немцев, чтобы ни один их солдат с этого участка фронта не был отправлен под Москву. Отряду предписано все время находиться в движении, оставляя для немцев явные следы своего пребывания. На весь отряд, численности его не знаю, из оружия выдан один пистолет.

И отряд, состоящий из людей отнюдь не молодых, совершают многокилометровые рейды по свежим сугробам. В эту необычно морозную зиму на Новгородчине много солнечных дней, и глаза Бориса Николаевича вскоре не выдерживают – он слепнет от сияния снега. Но отряду останавливаться нельзя, назначать командиром никого другого Борис Николаевич полномочий не имеет, и еще этот пистолет... И он приказывает, чтобы его, ослепшего, водили в цепочке передвигающихся. На какой-то день он, механически следя за тем, кто ведет его по сугробам, начинает бредить. В этом бормотании мешаются года и лица, германская война, молодость... И, так бывает только в приключенческих фильмах: тот, кто ведет Бориса Николаевича по сияющему снегу,

неожиданно расслышав название ресторана «Медведь», настороживается и понимает, что был участником того происшествия, о котором в бреду бормочет командир... Тут остается только гадать, какие повороты судьбы привели приятелей молодости через тридцать лет на одну и ту же снежную тропу в тылу неприятеля. И почему не узнали друг друга раньше? Но как встретились, так потом и расстаются. Сюжет этой встречи – и это тоже реальная жизнь – не имел дальнейшего продолжения.

А потом были послевоенные Крестцы. И вернувшегося из эвакуации Сергея Николаевича то назначали директором Крестецкой средней школы, то снимали, то назначали вновь, а Надежда Петровна преподавала иностранные языки и музыку. Позже, в 60–70-е, почти все жители Крестец, за исключением совсем старых, были учениками Исаевых. При этом, поскольку Надежда Петровна была добродушны, отзывчивости и наивности беспредельной, она оставалась навсегда другом семейства не только своих учеников, но и их детей, а то и внуков. Характерен, например, такой эпизод. Крестцы, продуктовый магазин. Конец 70-х – то есть масла в магазине не бывает никогда, мясо – раз в несколько дней. Очередь. В магазин входит Надежда Петровна. Голос продавца

Сергей Исаев.
1914 год

Борис Исаев.
1914 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

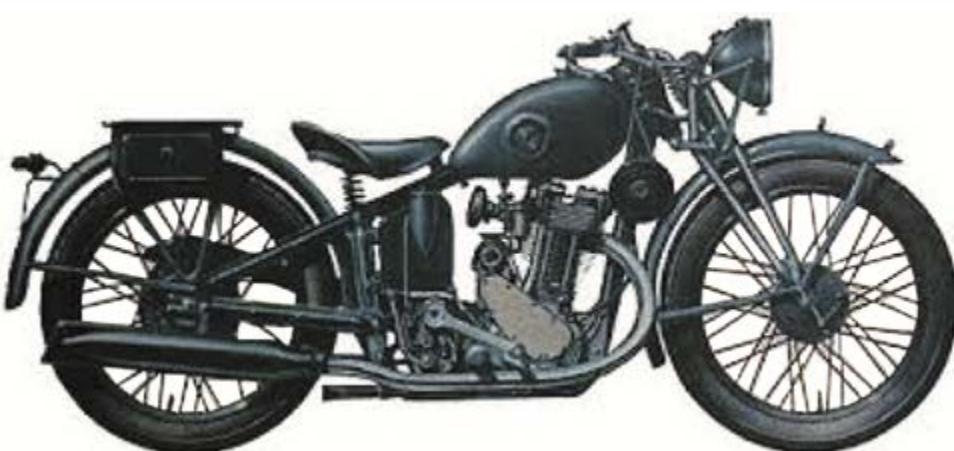
Борис
Николаевич
Исаев.
1960-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

щицы: «За мясом не стойте. Осталось только Надежде Петровне!» Надежда Петровна, в непривычном изумлении: «Ну, почему именно мне? Я же только вошла?» Вся очередь: «Вовремя и вошли, Надежда Петровна!» Сергей Николаевич умер в 1961-м на семьдесят первом году своей жизни, что для человека, копавшего Беломорканал, вероятно, близко к рекорду долголетия. Тетя Надя была безутешна до конца своих дней. Теперь о Борисе Николаевиче. Эпизод с домом, у которого бензопилой выпилили угол, относится уже к концу 60-х годов. Жену Бориса Николаевича, болезненно худощавую тетю Лёлю, я видел в жизни, должно быть, раза два-три, вероятно, это была середина 50-х. Когда ее не стало, не помню. Во всяком случае, в 60-х дядя Боря, хозяин не очень практичный и еще менее рачительный, пытался

как-то продолжать вести в одиночку свое хозяйство: большой огород, ягоды, что-то из живности (коза и куры), но все это хоть было и жизненно важно, но... Но не для того он родился на свет. И случилось так, что неожиданно-негаданно и в деталях никому не известно, как это произошло, но каким-то образом Борис Николаевич узнал, что жива та, которая была любовью его студенческих лет. Она помнилась ему по Петербургу, но теперь жила в Москве, и он написал ей письмо. Она ему ответила. И оба вспомнили (интерпретация моей тетки Муси) и ту весну, и цветущую сирень, и сумерки, и калитку. А еще после первых же писем выяснилось, что мужа своего Оля Капустина (или Салатникова, фамилию я забыл, помню только, что тетка Муся намекала на огород) давно похоронила, детей нет и живет теперь одна в большой и совер-

BMW военного
времени

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

шенно не любимой ею квартире. А такая жизнь, как у Бориса – это есть в маленьком старом городке, – представляется ей счастьем. Борис Николаевич помолодел. Ему было сильно за семьдесят, но, видно, порода у Исаевых действительно не из рядовых, и был он жилист и строен, и все еще не уставал при долгой ходьбе, и десяток килограммов был для него не груз. Да еще – тут уж все ахнули – купил по слуху мотоцикл. Да не какой-нибудь ИЖ-56 в хозяйственную подмогу, то есть с коляской, чтобы не носить сумки или охапку-другую дровец, а трофейный немецкий BMW-одиночку, экземпляр по нынешним временам коллекционный, но тогда еще мелькавший на рынке. Эксплуатировал этот механизм дядя Боря довольно специфически. К примеру, если в колесе вдруг вылетала спица, то дядя Боря просто выламывал ее из второго гнезда и ехал дальше. Возможно, такая манера была у «самокатчиков» Первой мировой, когда на них держалась фронтовая связь. Способ, которым между Борисом Николаевичем и его московской избранницей был заключен брачный союз, еще до того, как они после столь продолжительного перерыва увидели друг друга, мне неизвестен. Кто-то мне, помнится, доказывал даже, что «брачующихся» никто не вправе зарегистрировать как семейную пару, если они не «предстанут» в загсе совместно. Чушь, по-моему. Трудности, конечно, сопутствовали, но были преодолены.

Невеста из Москвы сообщала о скором прибытии в Крестцы, но сначала, удобства ради, она присыпет машиной свои вещи. Чтобы ничего не забыть.

И в один прекрасный день в песчаную крестецкую улицу несколькими маневрами вперед-назад вполз с асфальта мебельный фургон. Началась выгрузка. Что-то вносили в дом, что-то в один сарай, потом в другой, где жили куры. Опорожнившись, фургон, пятаясь, выбрался каким-то чудом на асфальт.

В дворике, усыпанном куриным пометом, стоял угловой диван карельской березы. Габариты дивана и проемы трех дверей в пятый раз мерили бечевкой. Надежды были тщетны. Вот тогда-то старый мотоциclist, поискав глазами среди присутствующих владельца нужного ему инвентаря, сказал коротко:

— Неси пилу.

Скажу лишь, что бензиновые пилы 60-х напоминали своим видом остатки мопеда, попавшего в дорожную катастрофу. И работали соответственно. Присутствующие думали, что Борис Николаевич будет пилить диван, но, как мы уже знаем, они ошибались.

Дня через два после того, как приехала хозяйка дивана, Борис Николаевич, прия к Надежде и Марии Петровнам, был неразговорчив и даже угрюм. Тетки, понятно, на него насыли. Как, мол, да что? Как там твоя Оля? Он по-мужски молчал-молчал, но, уходя, не выдержал.

— Странная какая-то стала... Что ни сделаю, все не по ней... Сижу не так. Сморкаюсь не так. Рукомойник не там... Странная... На другой день с визитом к сестрам прибыла Ольга, их ровесница, то есть за шестьдесят. И тоже совсем не веселая. Тетки воспитывались в хороших школах, но все же в глазах — жажды понять происходящее. Вопросы не в прямую. Ну, как вам Крестцы? Где уже побывали? Что видели?

— Да, — говорит Ольга, — городок, конечно, милый, но меня страшно беспокоит Борис. Как он переменился! Он же никогда таким не был... И это детское упрямство...

Уехала она обратно в Москву, прожив в Крестцах дней пять. А что касается углового дивана, то Капустина-Салатникова теткам моим, с которыми за эти краткие дни успела подружиться, сама сказала: ну, не разбивать же дом еще раз?

Все это я успел рассказать своим пассажирам, пообещав, что в Питере, если им это интересно, могу показать фотографии тех людей, о которых столько всего наговорил.

ПРЕДСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Пожарники
Минска

В ТЕЛЕГРАФНОМ СТИЛЕ

Они лежат сейчас все на Крестецком кладбище — двое братьев, прошедших жизнь, по возможности не расставаясь, и две сестры, которые также старались всегда быть вместе.

Для Радищева Крестцы были лишь промежуточным пунктом его «Путешествия из Петербурга в Москву». О сосланном в Сибирь при Екатерине «бунтовщике хуже Пугачева» вспомнил Павел и от Сибири освободил. А при Александре I Радищева даже ввели в комиссию по составлению законов...

Но для людей, упомянутых на этих страницах, поселок Крестцы — пункт конечный. До конца их жизни никто о них не вспомнил и не спохватился, что людей невинных подвергли каторге и ссылке... Но сколько было таких? Финальные снимки из предложенного семейного фотоальбома, полагаю, могли бы стать основой и для других биографических сюжетов, но эти сюжеты потребовали бы письменного пространства, которого данный формат — формат кратких пояснений — не имеет. Разве что в телеграфном стиле привести два-три примера: вот, мол, сколько всего осталось...

Вот Петр Васильевич (1874—1942), отец Надежды и Марии, в 1904—1906 годах — член правления Минского Вольно-пожарного общества. Был, видимо, столь в этом обществе любим, что и два десятка лет спустя, уже в 20-х, приезжая в Минск из Петрограда, при помощи старых знакомых нелегально ходил пешком за границу (потом так же возвращаясь). Умер в 1942 году в блокаду, от голода.

Противовесом судеб тех, кто угодил на Беломорканал или умер от голода, может быть биография человека, о котором мы уже упоминали — брата Петра Васильевича, сенатора Якова Васильевича Глинки (1870—1950), возглавлявшего рабочий аппарат Государственной думы с 1906 по 1917 год. Оказавшись в 1918 году на Украине, он для заработка копал канавы и тем не менее отказался принять предложение гетмана Скоропадского возглавить Министерство внутренних дел в его правительстве. Реплика «нема дурных», произнесенная им при этом, бережно хранилась в памяти племянниц как доказательство действительной мудрости ляди. Дальнейшее — довольно удивительно: Яков

Васильевич доживет в СССР до 80 лет и умрет своей смертью, ни разу даже не арестованым. Правда, всю свою жизнь после 1917 года он, работая театральным художником в провинциальных театрах, носа не кажет в политику. И еще – к моменту стройки Беломорканала ему было за шестьдесят – такие там уже не требовались.

Другой пример не менее оптимистичен. Снова возвращаясь к вопросу о загадочном вступлении Сергея Николаевича Исаева в партию (а для недавнего зэка это должно было быть со-пряжено с чрезвычайными усилиями), повторно объясняю его для себя лишь одним: попытками хоть в чем-то помочь дочери. Скептик, математик и шахматист, дядя Сережа, несомненно, прошел как каторжанин все ступени размышлений о той слепой системе, в шестерни которой попала его семья... Что он мог думать об этой системе, к каким выводам прийти? И не от этих ли выводов он весь конец жизни жил на снотворных? Но росла дочь, росла в ссылке. И целью родителей стало, очевидно, дать дочери хоть какой-то шанс выбраться. Таким шансом, если повезет, могла стать исправленная анкета отца. Но дальнейшее оказалось неожиданным, вероятно, даже для родителей. Наталья уже в середине войны оказалась в войсках НКВД, и ее жизнь уверенно покатилась дальше по своим, притом абсолютно специальным рельсам. И хотя Сергея Николаевича в позднесталинское время из партии все же исключили, дочери это уже не повредило. Крестцы остались далеко за кормой. Траектория карьеры Натальи Сергеевны прошла в послевоенные годы через ист-фак, но далее известна мне не во всех деталях. Знаю лишь, что в 70-х Наталья Сергеевна курировала кремлевские книжные выставки, часто ездила за рубеж. И лайковое, в талию итальянское пальто с енотовым воротником, драпированное как льющаяся вода, шло к ее строй-

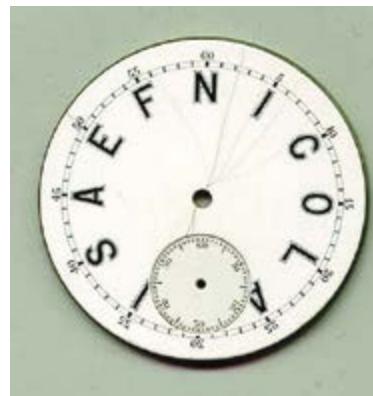
ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Николай
Иванович Исаев.
1880–1890-е
годы

ной фигуре в середине 70-х не меньше, чем белый полушибок работника армейского полиграфотдела в 1944-м. Пальто это, впрочем, прожило у нее недолго. В давке питерского метро ей крест-накрест разрезали его на спине бритвой.

Муж Натальи Сергеевны (не первый) – Семен Галладж был значительно старше ее. В молодые годы он работал кинооператором, в 60-х же числился на «Мосфильме» членом парткома, если не парторгом. Детей Наталья Сергеевна не имела и умерла в 80-х...

Циферблат
ISAEFNICOLA

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Последний сюжет – прямо скажем, пустяковый – помещен здесь лишь в качестве виньетки. Николай Иванович Исаев, отец бойскаутов и мотоцилистов, однажды (в 1900-е годы) вернулся из Швейцарии с карманными золотыми часами, изготовленными по индивидуальному заказу. Вместо цифр циферблат этих часов окружала круговая надпись ISAEFNICOLA, место двенадцатой буквы занимал циферблатик секундной стрелки.

Когда, давно овдовев, тетя Надя в раннебрежневские годы продала в минуту жизни трудную золото этих часов, то обнаженное нутро их с ненужным скопком циферблатом приручила я. Я заказал им никелированный корпус с ушками, приладил какие-то защелки с ремешками и сделал наручными. Получившийся прибор был более похож на туристский компас, нежели на часы, но моим друзьям он неизменно доставлял поводы для развлечений. Однажды, когда, помнится, встречали Новый год, кто-то завопил: «Уже без F минут N, а у нас еще и не налито!»

К концу нашего путешествия совсем замолкли, словно исчезли мои пассажиры. Ну, что ж. Кто не устанет за четыреста километров?

А теперь нам скоро уже было и сворачивать...

По извилистой лесной дороге мы приближались к месту нашего назначения. На одном из поворотов на пне сидел бородатый нищий в драной холщевой рубахе и в лаптях. Я притормозил, чтобы спросить, правильно ли едем, но нищий опередил меня своим вопросом.

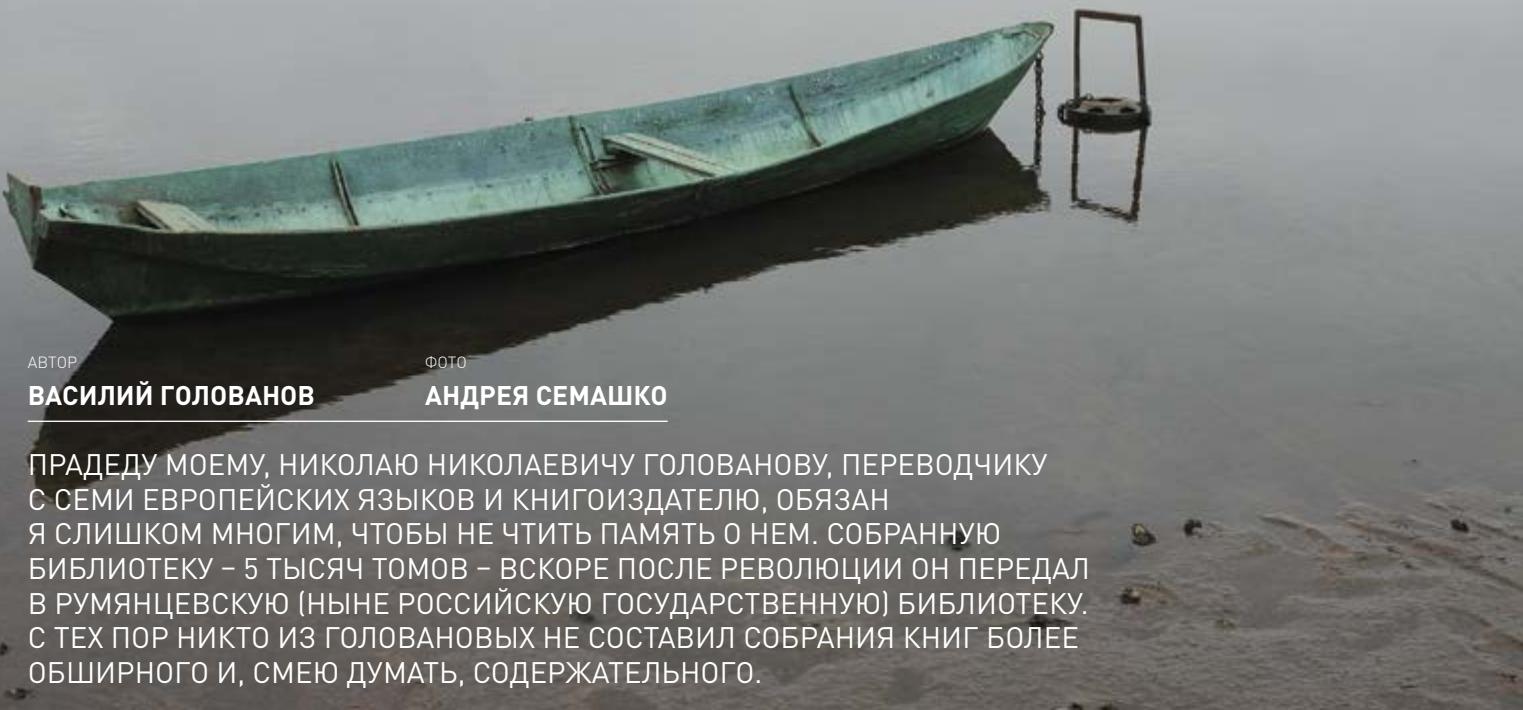
– Курс доллара на сегодня не подскажете?

Обомлел даже кинооператор.

– Ну, чтобы ориентироваться, – сказал нищий. – Туристов ждем.

В глубине лохмотьев у него залп-зверещал мобильник. До озера Пирос оставалось километра три. ●

МОСКВА – ВОЛГА: ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ ПОШЕХОНСКАЯ СТОРОНА

АВТОР

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ПРАДЕДУ МОЕМУ, НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ ГОЛОВАНОВУ, ПЕРЕВОДЧИКУ С СЕМИ ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ И КНИГОИЗДАТЕЛЮ, ОБЯЗАН Я СЛИШКОМ МНОГИМ, ЧТОБЫ НЕ ЧТИТЬ ПАМЯТЬ О НЕМ. СОБРАННУЮ БИБЛИОТЕКУ – 5 ТЫСЯЧ ТОМОВ – ВСКОРЕ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ ОН ПЕРЕДАЛ В РУМЯНЦЕВСКУЮ (НЫНЕ РОССИЙСКУЮ ГОСУДАРСТВЕННУЮ) БИБЛИОТЕКУ. С ТЕХ ПОР НИКТО ИЗ ГОЛОВАНОВЫХ НЕ СОСТАВИЛ СОБРАНИЯ КНИГ БОЛЕЕ ОБШИРНОГО И, СМЕЮ ДУМАТЬ, СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО.

НИКТО НЕ ПОВТОРИЛ подвига его титанического труда (о чем речь ниже), хотя позывы на работу кромешную и непосильную испытывали, конечно, все, в ком течет хоть капля фамильной крови. И уж конечно, по-человечески никто из потомков не был одарен более прадеда, поднявшего пятерых детей и при этом не отступившего ни на шаг от той творческой задачи, которая была ему предъявлена... Кем? Ведомо только Господу, ибо сам он происходил из захудалой ветви купеческого рода, усыхание которой началось с невиданного позора отца: старики обвинили в неуплате денег за поставленную в кредит мануфактуру и секли за то на эшафоте.

Продолжение. Начало см.:
«Русский мир.ru» №7–11.

те. Палач, здоровенный малый, рубаха кумачовая, штаны плисовые, бил плетью, свитой в три нити. Старики Голованов только повторял: «Я уплатил». Дело происходило в уездном городе Весьегонске, основанном на месте старинного села Весь Йогонская и получившем по такому случаю герб – щит с короной и черным раком, «которыми воды, окружающие сей город, весьма изобилуют».

Стремясь взять реванш за позор, причиненный фамилии, старший брат прадеда, Александр Николаевич, прошел через годы совершенно мизерабельного существования, прежде чем восстановил суконную торговлю, разбогател, купил себе кровного заводского коня и выстроил колокольню кириковской церкви, которая, подобно знаменитой Калязинской колокольне, торчала из воды, покуда не была

взорвана, когда в 1940-м было заполнено огромное Рыбинское водохранилище. Решив к столетию фирмы непременно стяжать себе дворянство, он в 1902 году отправился в Москву, где потратил немалые деньги в ар-

Воды в этом году в водохранилище мало...

Старинный герб города Весьегонска. 1780 год

хивах, составляя семейную генеалогию. Влез в долги, купив за 10 тысяч Библию в золотом окладе, куда эта генеалогия и должна была быть вписана. Не расплатившись, попал в полосу неудач, впал в ничтожество, торговал с лотка и проценты по долгам выплатил только к февралю 1917-го, когда революция аннулировала все прошлые долги. Подобной участи брат его Николай, мой прадед, избег, полагаю, лишь потому, что был младшим и не обязан был принимать на себя все фамильные маestности.

Николай обладал феноменальной памятью: прочитанную страницу пересказывал слово в слово. Брат способыствовал его учению, полагая, что он поправит дела «фирмы», и не одобряя «глупостей», которым Николенка стал предаваться еще в Весьегонске, взявшись переводить «Фауста» Гёте. Однако, уехав в Москву, Николай Николаевич посвятил себя глупостям сполна: перевел и издал многие сочинения Шекспира, Шиллера (полное собрание), «Божественную комедию» Данте. А также собственные сочинения, из ко-

Все больше замков на дверях...

тих во дворах, тихо на улице. Все меньше людей живет в Весьегонске

торых наиболее значительна драма «Иуда Искриот» – по случайности оказавшаяся в самом начале цепи литературно-философских попыток осмыслить возможную (и иную, нежели утверждают Евангелия) роль Иуды среди ближайших учеников Христа. Леонид Андреев написал свой нашумевший рассказ «Иуда Искриот и другие» позже, в 1907-м. Х.-Л. Борхес придал проблеме сразу несколько измерений в эссе «Три версии предательства Иуды»...

Откуда гностическая глубина сомнения у человека, мать которого была дочерью дьяка и ничего отродясь не читывала, кроме Псалтири? За свое сочинение прадед был отлучен от церкви. Откуда еретическая смелость мысли у него, возросшего на почве затрапезнейшей российской провинции, с нелегкой руки Салтыкова-Щедрина получившей название Пошенона – то есть не только в глупи, но и в некоей душевной дремучести, возведенной в самодовлеющий

принцип существования? С этими вопросами в голове впервые десять лет назад отправился я в Весьегонск. Однако ответа не нашел. Город показался мне унылым – и только. Ярославская улица, на которой некогда стоял головановский дом, как и весь старый город, была затоплена во-

дами Рыбинского водохранилища. Правда, неподалеку от берега оказался заросший деревьями островок, в глубине которого сохранился церковный фундамент и несколько заросших мхом надгробий, надписи на которых уже нельзя было прочесть. Мы с братом на лодке сплавали на

Опустела к осени площадка для отдыха, что на главной набережной города

остров, нашли крышку человеческого черепа: вода все еще вымывала кости из старых могил. Некоторые к тому же были разрыты мальчишками... Пошехонская сторона, оговаривается Щедрин, начиная последнюю свою чудовищную хронику, не должна быть воспринимаема буквально, «но как вообще местность, аборигены которой, по меткому выражению русских присловий, в трех соснах заблудиться способны». Но это уловка. Речь идет не о «вообще местности», а о местности совершенно конкретной, описанной с той же натуралистической точностью, с какой под вымышленным названием выведено в «Пошехонской старине» родовое салтыковское гнездо Спас-Угол. И, въехав в Пошехонье, тотчас узнаешь и эту «равнину, покрытую хвойным лесом», и эти реки, едва бредущие между топких болот, и неухоженные, заваленные бу-

...А дома топят по-прежнему дровами

реломом леса, ежегодно грозящие пожаром. Пожар и вправду обнаружился километрах в сорока за Тверью, где на обочине выставлен был знак «задымление дороги», по обе стороны от которого, до самого горизонта, поднимался дым над горящим торфяником. Я никогда не видел лесного пожара и, оста-

новив машину, по песчаной дороге метров сто прошел в глубь горельника, изумленно глядя на упавшие деревья, корни которых были подточены огнем. И тут услышал голоса: из самого дыма шли три мужика, один из которых нес мешок, а другой топор. Заметив меня, тот, что нес топор, сунул его за пазуху. Я

В старой части города дома деревянные, и возраста преклонного

спросил, пожарные они или нет и что предпринимается по случаю возгорания. Мужики признались, что к тушению огня касательства не имеют, просто дачники, ходили в лес за золой, а по случаю пожара предпринимается осень, и большая надежда на дожди...

После этого разговора у меня уже не было сомнений, где я. Вокруг простиралась заколдованная Пощеконская сторона, где будто под какою-то логической линзой, неизвестно преувеличенно и выпукло выступает именно абсурдная сторона бренного нашего земного жития, а посему следует быть готовым ко всему и ничему более не удивляться.

Ни бывшим уголовникам, расселенным в развалинах Николаевского Антониева монастыря, людям несговорчивым и понурым, которых случайно застал я поутру за сливом топлива с бензовоза; ни скверу, разбиваемому на дне выработанного карьера, для чего туда самосвал за самосвалом свозили песок, как прежде, вероятно, вывозили; ни

ИЗ «ЗАПИСОК О ГОРОДЕ ВЕСЬЕГОНСКЕ» УЧЕНОГО-АГРОНОМА П.А. СИВЕРЦЕВА

ГОРОДСКИЕ ГОЛОВЫ

Городской голова Федор Иванович Титков был очень жалован народом и получил прозвище «сердечна головушка». Любимая его приговорка была: «Где Марья да Дарья? Подите домой! Были паны, да выехали» [то есть некого больше бояться. – **Прим. авт.**]. Эта приговорка сохранилась со Смутного времени.

Когда приезжал губернатор, то этот городской голова чай заваривал в чугуне, засыпая в него сразу один фунт. Губернатор его спрашивал: «Ну, Федор, за какую милость тебя в головы выбрали?» – «Меня, – говорит, – мир взлюбил».

А Ивана Васильевича Попова [1779–1848], сына соборного священника, когда был городским головой, хуже самого губернатора боялись. Он сдавал в солдаты или отправлял под плети, в полицию, если кто, например, мать не уважает и та придет жаловаться к нему. Иван Васильевич любил ходить на беседы, где и хватал рекрутов. Свяжут, забреют под красную шапку и в рекрутчину.

Так схватил он якобы за притворство Петра Васильевича Ракова, надел ему кандалы. А тот психически расстроен, умирает. Пришел Иван Васильевич Попов к нему. «Прости, говорит, Петр Васильевич! Я думал, что ты притворяешься...» А тот, умирая, отвечал: «А ты меня прости, а тебя Бог простит...»

ФРАНЦУЗЫ И ЧЕРКЕСЫ

В 1812 году через Весьегонск около Рождества проходили беспорядочные толпы французских солдат. Когда армия Наполеона вступила в Москву и стала голодать, то отдельные ее отряды разбрелись по дорогам за пропитанием – при 25-градусном морозе... Я хорошо помню, как Глафира Живенская, мать Михаила Васильевича Никулина, рассказывала нам, детям, как шли бедняги-французы. Были высокого роста, с черными нестриженными бородами, худые, на ногах опорки, завернутые в мешки и разные цветные тряпки; поверх шинелей надеты какие-то лохмотья или перины. Заходили в Живнях почти во все хаты, грелись и просили: «Дай хлеба». Мы знали, что они с войны, накормили их, дали хлеба и лепешек с конопляным семенем.

По завоевании Кавказа, в 1864 году, были у нас пленные черкесы. Один из них, Абаз, говорил, что брата убил. Был князем, носил шапку с крестом, рваную доху. Другой, Абдул, был крестьянином. Третий пленник вскоре умер, похоронили сидя. Жили они сначала на берегу, потом у нас во флигеле. <...> Абаз порядочно знал русский язык, читал, писал, ходил покупать крендели у Карапейкина. Потом черкесов перевели в Тверь. Отец их спрашивал – рады ли, что в Тверь?

Абаз с тоской отвечал:
«Нам Капказ надо»...

скромному уюту местных гостиниц, где единственным достоверным удобством является бак с кипяченой водой, стоящий в коридоре; ни той душевной горячности, с которой дежурный по городу капитан милиции убеждал меня, что ежели машину пытались вскрыть возле гостиницы, то оставлять ее под окнами его дежурной части никак нельзя, потому что если ее вскроют и здесь, то я, вероятно, буду в претензии.

Решительно ничему положил я себе не удивляться, и не удивлялся до тех пор, пока в весьегонской больнице мне не прооперировали пропоротую пятку, положив ногу на футляр от моего фотообъектива и промыв единственным наличествующим в хирургическом отделении антисептиком (спирт с фурацилином), и на прощание во влажной марле не дали несколько листочек «обезьяньего дерева», сказав, что в народе недаром зовется оно «хирургом без скальпеля». И вот тут я удивился. Поэтому что думал, что «обезьянье дерево» – растение бесполезное. А что панацея – не знал.

Прежде Пошехонье было обширнее и совсем близко подкрадывалось к столице со стороны Талдома. Однако развитие сети железных и автомобильных дорог потеснило его, и ныне в своей заповедной самости оно сохранилось лишь внутри неправильной фигуры, очерченной железнодорожными путями вокруг Рыбинского водохранилища: западнее

в краеведческом музее старинный русский быт...

Ярославля и Вологды, севернее Калязина, восточнее Твери и Бологого, южнее Череповца. Внутри этой фигуры заключена обширная, переполненная водой верхневолжских притоков страна, захватывающая дикие, неосвоенные края четырех соседних областей – Ярославской, Тверской, Новгородской и Вологодской.

Пошехонские реки суть: Мелечка, Молога, Шексна, Улома, Кесьма, Волчина, Медведица, Ворожба, Сога, Согожа, Сить, Ламь. Городки: Бежецк, Устюжна, Рамешки, Кукобой, Буй и Кадуй, Красный Холм, Чебсара и собственно Пошехонье, уроженцам которого великий сатирик сослужил такую службу, что, несмотря на все их ухищрения, удвоение названия города (Пошехонье-Володарск), слава о них как о закосневших в своем пошехонье пошехонцах осталась такая, что даже от нынешнего

пошехонского сыра до сих пор веет каким-то унынием...

Селения: Комарицы, Любегощи, Косодавль, Слуды, Пленишник, Чирец, Большой Мок, Коротынь, Средние Чуди и Задние Чуди.

Чуткое ухо непременно различит в упомянутых названиях болотистый звук непроходимой глущобы и полустертые слова позабытого языка веши, чудского племени, что тихо плодилось в комариной глухи, покуда не было в плодовитости переселено славянами.

И точно так же, при определенной тонкости слуха, в уцелевших свидетельствах побывавших в Пошехонье людей легко расслышать имя столицы сего дремучейшего пространства. Салтыкову-Щедрину является оно в ночном кошмаре: «Видел во сне... Приехал будто бы я в Весьегонск и не знаю, куда бежать: в Устюжну или в Череповец».

...Добротно, не-
притязательно,
экологично и...
ничего китай-
ского

ВЕСЬЕГОНСК

«Унылый город», – однозначно констатирует проезжавший через Весьегонск после очередного пожара чиновник И. Суханов в частном дневнике. Издатель «Москвитянина» М. Погодин частностью не обошелся, вышла история. Он отправился в Весьегонск, чтобы осмотреть место на реке Сить, где князь Владимирский Юрий дал решающее сражение Батыеву войску, в котором пал, не стяжав победы, чем судьба Руси была предопределена на

ближайшие два столетия. Однако в Весьегонске никто ничего не знал ни о какой Сити. Погодин записал свой разговор с капитан-исправником. Получился диалог в духе Гоголя: «На что вам эту речку? – На ней происходило знаменитое сражение с татарами. – ... Воля ваша, я знаю свой уезд, как ладонь, и отвечаю головой, что Сити у нас нет». Капитан-исправник был точен, хотя и недалек: Сить протекала в 100 километрах, в соседнем уезде. Но когда Погодин эту историю рассказал друзьям в Москве, Гоголь, натурально, объявился: в рукописи «Мертвых душ», вычеркнув «Болоколамск», вписал «Весьегонск» как наиболее достоверный символ российского захолустья. Положительно, не было проезжего, который помянул бы каким-нибудь добрым словом родину моих предков! После всего сказанного это вроде бы неудивительно. Но объясняюсь. Второй раз в Весьегонск стронуло меня письмо величайшего знатока всей пошехонской и, в особенности, весьегонской

старины Бориса Федоровича Купцова. Он сообщал, что в руки ему попали записки весьегонского агронома П.А. Сиверцева, в которых, в частности, рассказано, как он, Сиверцев, будучи еще очень молодым человеком, с моим прадедом, тоже молодым, устроили первый в городе каток на Мологе и катались на коньках с барышнями, собрав вокруг толпу народа, как на ярмарочное водосвятие...

Представив легкость скольжения по речному льду, искристый снег, запах мороза, смех молодежи, светящийся в зимних сумерках транспарант с изображенной на нем Масленицей в санях, зараженных огнедышащими медведями, я вновь ощутил надежду, что, может быть, хоть через это свидетельство загляну за мрачную ширму Пошехонья – ибо продолжал пребывать в уверенности, что переводчики «Божественной комедии» не появляются из ничего.

По приезде выяснилось, что Борис Федорович записки Сиверцева привел в порядок и собствен-

ПОЛЕТ ТИТУШКОВА

По рассказам моей матери, один из весьегонских чернокнижников, Титушкин, живший на Кузнецкой улице, возвратясь из Санкт-Петербурга в 1860-е годы, сделал для себя крылья из пузырей. Наполнил их каким-то воюющим светильным газом. Крылья привязал на грудь и под мышки. Перед этим будто наварил пива, угощал собравшийся народ, многие плакали, другие посыпали с ним поклоны умершим родителям, детям. Человек собирался улететь на небеса... Титушкин с привязанными крыльями взошел на свои высокие ворота, покрытые крышей на два ската. Дом его был двухэтажный. Последний раз раскался Титушкин перед собравшимися, сняв черный картуз, захлопал крыльями... Толпа оцепенела... А новоявленный Икар свалился на землю и сломал ногу. Полет не состоялся...

КРЕЩЕНСКАЯ ЯРМАРКА

Раньше эта богатая ярмарка много поддерживала в городе народа. Немало мещанских семей только и жили доходами с ярмарки, сдавая под постой квартиры, дома, конюшни, амбары, скотные дворы. Бывало, недели за три до открытия ярмарки потянулись обозы по Бежецкой и Ярославской дорогам. Да лошадей по 300–500. И чего только не везут! <...> Везде у трактиров, заезжих дворов, больших домов стояли возы, отдыхали лошади, продавалось сено, вырубался лед у колодцев. В избах сплошь отдыхал народ на полу, полатях, печах, на лавках. В переднем углу не сходил со стола самовар, бублики, ситник и соленая рыба. В трактирах добавлялись щи из кислой капу-

сты и крошева, мясо (баранина), студень и водка по потребностям и температуре на улице.

Ярмарка была настолько велика, что трудно перечислить привозимые товары и прибывающих за эти две недели продавцов и покупателей.

...Приезжал сюда и заурядный крестьянин, и помещик, и разночинец, и кустарь, и охотник, и рыболов. Карелы и русские, инородцы с Севера. Но главный праздник был, конечно, для купечества. Ярмарка – это фортуна. Она способна была перевернуть всю торговлю и жизненный уклад целых купеческих семейств. Могла сразу обогатить, или разорить, или оставить в равновесии. <...> Еще с Нового года начинали хлопотать старики-купцы. Приготавливали счета, сверяли цены, мозговали с помещениями, подсчитывали ожидаемые барыши и ремонтировали свои волчьи и лисьи тулуны с огромными воротниками, примеряли красные кушаки и замшевые теплые перчатки. Барышни прилагали фартуки, подучивались на счетах и чаще гадали на Святках о женихах. Святочный вечер накануне Крещения все говели со святой водой, которую бережно несли из церкви домой в хрустальных графинчиках и фарфоровых вазах. Ярмарка была в кварталах ближе к Троицкой церкви, на берегу Мологи, и открывалась 6 января. Под ярмарку занималось до 15 городских кварталов. Уломский гвоздь в 2-пуд. бочонках стоял прямо на возах по Ярославской улице. Постное масло (льняное, конопляное, маковое) поступало из Ярославской и Нижегородской губ. Хмель привозили калужане. Два временных корпуса возводили под та-

норучно переписал в толстую, большого формата... Нет, тетрадью это, пожалуй, уже нельзя было назвать. Скорее, в книгу, сотворенную им в единственном экземпляре, пролистав которую я со смешанным чувством удивления и мальчишеского восторга заметил от руки вычерченные схемы и карты. С легкомыслием москвича, привыкшего в общеде к компьютеру и копировальной технике, я попросил эту тетрадь часа на два, чтобы сделать копию. Принимая «записки» из рук Купцова, я ощущал, с какой неохотой расстается он с ними. Я еще не знал, что Купцов, почти не зная меня, отдал в мои руки сокровище – ведь я не читал «записок».

И по совести сказать, не ждал от них слишком много. Поэтому задача видалась мне в чисто техническом аспекте: отксерить 80 разворотов рукописной книги и спокойненько выбрать из нее все, что нужно.

Но ведь – Пошехонье. Сделать ксерокопию в Весьегонске оказалось решительно невозможно. Я побывал в приемной главы администрации, в отделе культуры, в земельном отделе и даже в пожарной части. Единственный еле живой ксерокс я отыскал именно там, но – злой рок! – он был слишком мал, чтобы копировать страницы большего, нежели стандартный, формата. Тогда-то и случилось самое страшное. Устав от беготни по городу, я зашел в ресторан, заказал себе ужин, в ожидании его раскрыл «записки» и стал читать. А потом достал свою тетрадь и стал писать. Писал, пока не устала рука и официанты не уставились на меня

Руины
Казанского
храма (постройка
1811 года) –
напоминание
потомкам о том,
как делать
не надо

как на сумасшедшего. А объяснение было простое: я попал в западню. В руках у меня было сокровище, а унести его с собой я не мог иначе, как переписав всю эту тетрадь от начала до конца – все 160 страниц. Потому что, раскрыв записки ученого-агронома Сиверцева, я улетел в них с головой. Я наконец обрел то, что искал: тот поэтический контекст, в котором мог родиться и стать тем, кем он стал, мой прадед Николай Николаевич.

В последующие сутки я сначала писал, а потом надиктовывал на диктофон куски из записок ученого-агронома Сиверцева. Собирать предания о Весьегонске он начал в 1902-м, последние записи сделал спустя тридцать лет. И получилась великолепная коллекция историй. Благодаря ей впервые Весьегонск явился мне не заколдованной оцепенелой провинцией, а напротив – полным смысла и красоты самобытным пространством, впол-

не достойным служить сценой для того божественного спектакля, что разыгрывается из века в век, приглашая к участию каждого. И знатного, и простолюдина, и самодура-правителя, и заговорщицу-бомбистку, и святого, и чернокнижника, и счастливого любовника, и обманутого мужа, и идеалиста-мечтателя, и прагматика-купчина, и лицея, и того предводителя уездного дворянства, который вдруг бросил все и, не зная даже английского языка, уехал в Америку, на последние деньги купил лесопилку... а в результате основал на побережье Флориды город Санкт-Петербург, выстроил университет в Винтер-Парке, отель в Сарасоте, а в Ашвилле – здание федерального суда. Очень многое вдруг связалось. И стало ясно, что, как бы ни далек был от столиц город моих предков, сквозь него точно так же продернут нерв всей истории нашей: страшной, разумеется,

Три березки и поклонный крест (установлен в 2007 году), говорящий о том, что еще не все совесть потеряли...

полной разрывов, смуты, замириания жизни и все же неизменно возобновляющейся и иногда достигающей даже зрелой полноты, когда устоявшееся на несколько десятилетий относительноное благополучие начинает

вдруг приносить плоды, следы которых в эпохи упадка более всего и шокируют несведущего, принуждая его непрерывно возвращаться: откуда? Откуда на берегах Мологи самарканские монеты X века? Откуда немецкие,

греческие, итальянские купцы в Веси Йогонской? Откуда слава об Устюжне как о кузнице Московского государства, когда вокруг ни Магнитки, ни Курской магнитной аномалии – одни ржавые болота, полные бед-

бак и спички. <...> На Мытной площади – щебяной товар: бочонки, кадки, бортики, крестьянская мебель, плетеные корзины и гнутый обод, гнутые полозья. Рыба коренная (соленая) доставлялась в огромном количестве (более 15 тысяч пудов). <...> Отдельно продавалась готовая одежда, шорный товар (хомут, шлея, дуга), кожаные сапоги. Цена пары сапог была от 3.50 до 8 рублей. Привозилось их до 1000 пар, из них больше крестьянских – тиманы. На Севере больше ходили в березовых и липовых лаптях. Шкура медведя стоила 3 рубля, кожа конская – 2.50. Валенки из Огибалова, Калязина и Бежецка. В иконных лавках – иконы лучшего письма в серебряных ризах, киотах, за стеклами. Чего только не было!

ДОСУГИ

Самыми старинными увеселениями в городе в 1840–1850-е годы были мещанские вечеринки под песни. Танцевали во кружки с платочком, «как плыла лебедь», «как в лужках гуляла», «как мужей и женихов заставляли любить» и т.д. Освещались вечеринки сальными свечами. Иногда кавалеры ходили на вечеринки в соседнюю Устюжну, а утром приходили домой, пройдя туда и обратно сотню верст... Как говорится, для милого дружка семь верст не околица...

На ярмарку в Крещенье иногда приезжало до трех балаганов акробатов, которые все две недели ярмарки при 25-градусном морозе давали представления: днем для простого люда (от 5 до 20 копеек), вечером цена билетов увеличивалась до 10 и 75 копеек. Первое отделение акробаты работали на ковре, второе – фокусы.

В Весьегонск нередко заезжали разные бродячие бедные артисты. Мы тогда ходили с их афишами и продавали билеты. Играли они всегда отлично, но нередко приходилось собирать по подписке деньги на их выезд. Летом бывали и румыно-сербы с шарманкою, а однажды зимою были (1885), играли на катке. Один раз приехал на пароходе чешский духовой оркестр, 25 человек. Играли под окнами, но почти ничего не выручили.

САД МАКСИМОВА

В начале 1870-х годов местом летних общественных гуляний был сад Федора Ильича Максимова. Он был мелким землевладельцем Весьегонского уезда, севастопольский герой, офицер с Георгием и простреленной рукой. Был недолго последним весьегонским городничим (1861), затем первым председателем уездной земской управы, до 1870 года, после чего доживал в С.-Петербурге. Смеялся, что и одной рукой может молоть кофе и жить. В своем саду Максимов устроил пруд с лебедями и фонариками, гимнастику для молодежи. В берлоге сидела на цепи медведица, умывалась и кланялась публике. По дорожкам сидели волки, рыси, журавли, орел, кролики, попугаи, филины, обезьяна. Городские ученики приходили сюда на экскурсии. В пруду ловили карасей. В липовой аллее играли в мяч, в кегли. Здесь же пел любительский троицкий хор – все песни исключительно нотные. В закрытом вокзале играли в стукалку, в ералаш, преферанс, давали здесь и любительские спектакли. В саду и на эстраде играла музыка портного А.М. Сабанеева, состоящая из двух скрипок, виолончели, флейты, трубы, бубна. Играли до утра. Сад был иллюминирован. Вход стоил 40 копеек.

ной болотной руды? Откуда под Красным Холмом, который есть, должно быть, единственная пошхонская возвышенность, развалины Николаевского Антониева монастыря, который, прежде чем разрушиться, послужив последовательно спичечной фабрикой, валяльной мастерской, птицефабрикой и последним прибежищем для заблудших мира сего, был ведь прежде построен? И построен так, что в нем очевидны следы московского или, что точнее, экспортированного в Москвию итальянского стиля, коим красуются и соборы столичного Кремля? Откуда в Весьегонске крупнейшая Рождественская ярмарка, с которой одних только пошлин торговых собирали в казну до 70 тысяч серебром, а товар везли со всего Севера и Поволжья, вплоть до Астрахани? Откуда, наконец, на этой «покрытой хвойным лесом равнине» такое явление, как Бежецк – город, похожий на великолепную декорацию в стиле модерн? Но ведь этот город – не декорация. Он действительно был, и, значит, была жизнь, соответствующая изяществу его линий. Более того, бежецкое приданое жены Генриха Шлимана дало начало его российскому капиталу, употребленному на раскопки Трои. В это почти не верится, но это правда. Просто для того, чтобы увидеть эту реальность, надо найти лазейку за мрачную завесу Пощехонья. И мне повезло: ход я нашел благодаря «запискам» Сиверцева. Словно сказку читал я, как в 1812 году в Весьегонск забрели голодные французы; как в 1877-м во дворе земской больницы жили пленные башибузуки; как незадолго до последнего покушения на царя в городе поселилась странная lady in black, позднее, уже по опубликованным портретам цареубийц, опознанная весьегонцами как Софья Перовская; и как однажды темной зимней ночью сам государь император Александр I проскочил город в возке, не заметив священника, который вышел к нему с хоругвями...

«Винный завод»,
построенный
в 1914 году,
видимо, гордость
местной
администрации

Есть обстоятельства, измыслить которые неспособна никакая фантазия, их творит только жизнь – будь то дождь продолжительностью шесть недель, или топь шириной 100 верст, или слон, оклеветанный заистниками, сосланный в Бежецк и здесь жестоко убитый по специальному приказу государя Ивана IV. А землемер, которого за отсутствием дорог усадили в лодку и 6 верст волокли через лес по ручьям да болотинам прямиком до места размежевания?! А трактир, который в весенне половодье вместе с пьяницами оторвало от берега, потащило вниз по течению, развернуло вспять, прибило на прежнее место и тут только развалило по бревнышку?! А силач, которого на ярмарке обступили враги так, что спасенья ради он в кармане нагреб горсть медных денег да швырнул в них, как картечью выстрелил: многим выбил глаза и зубы, ибо среди медной монеты долго ходили тяжеленные екатерининские пятаки?! Такое бывало, чего и быть-то не могло. Однако кабы не было, кто бы стал о том рассказывать?

ЗАТОПЛЕННЫЙ ГОРОД

И вот, начитавшись «записок», вновь, как десять лет назад, брошу я по острову Кирики и на песке у кромки воды собираю то, что осталось от затопленного города Весьегонска, – разные предметики, которые Рыбинка вот уже шестьдесят лет выбирает на берег. То сапог найду, то осколок фаянсовой миски, то бутылку толстого зеленого стекла, то серп, то замок, то воротные петли, то коровий зуб, то кованый гвоздь, то половинку красивой кофейной чашечки. И чувство такое, что там, под водою, – волшебный Китеж. Тот самый мифический город, в котором все мы родились когда-то, который не сдали врачу, но для чего решили не сдавать, забыли, и где он – забыли, и не знаем, как найти, тогда как он – везде вокруг прямо под нашими ногами... Конечно, Салтыков-Шедрин до конца жизни своей не избавился от фантома Николая I, от цепенящего ужаса матушкиного крепостничества. Он умер в 1889 году, когда только еще начиналась удивительная эпоха небывалого экономического и

культурного подъема России, которая в память о себе и оставила в пошехонской стороне тот самый город Бежецк, который сегодня смотрится как декорация. Щедрин умер, когда прадед мой еще не начал делать свои переводы, а Сиверцев – составлять свои «записки», он слишком много еще не знал, и оттого взгляд его так исчерпывающе беспощаден, так безнадежен...

Вода ушла в этом году так сильно, что обнажились затопленные когда-то дворы. Культурный слой – осколки предметов быта

Ну а у нас-то, знающих, что было далее и чем в 1917 году закончилось это невиданное цветение российской истории, – какие есть основания смотреть с оптимизмом на прошлое свое и, в особенности, на будущее? Да, собственно говоря, никаких. Если только не принимать в расчет оснований самого общего, биологического, так сказать, свойства, которые гласят, что жизнь в конечном счете берет свое. И ведь живем! Иван Грозный в опричнину всю бежецкую знать вырезал под корень за дела конюшего своего Ивана Федорова-Челяднина, «церкви стояли без пения», на запустелые боярские подворья зазывали народ из других мест, да немного нашлось охотников ехать: «немецких городов 32 человека, да юрьевских новокрещенов 49 человек... да 2 человека татар». А едва умер Иван, еще хуже подступило – Смутное время: помимо поляков татарва гуляла, как в старину, заодно с донскими казаками, грабили и били всех,

кто под руку подвернется. После Смуты в Веси Йогонской осталось всего 12 крестьянских и 8 бобыльских дворов да дом кузнеца. Люди христианские имена забыли, опять стали друг друга называть как во времена язычества: Бессонко Харламов, Первушка Кондратьев, Коняшка Степанов, Чудилка Окульев...

И ведь претерпели, живем! Но что любопытно? Что в каждую отдушину «истории», то кровавой, то блудящей, то скучной непререносимо и всегда, разумеется, полной какой-то ужасной статистики, дворовых, засеченных помещиками, и помещиков, убитых дворовыми, детей, снувших в прокопченных кузницах, бурлаков, нищих, «стылых» неурожайных лет, погорельцев и дубиноголовых столонаачальников, – в каждую отдушину, как бы коротка она ни была, наступает время, которое одного за другим начинает производить талантливых людей. Они появляются необъяснимо, гроздьями, сразу во всех областях, как

ВО ВСЕ ВРЕМЕНА БЫВАЛИ ДОБРЫЕ И ВЕСЕЛЫЕ ЛЮДИ

В 1870-х годах был в Весьегонске городским доктором Залесский Александр Васильевич – высокого роста, круглоголовый, красивый, хороший врачеватель и... любитель выпить. Ему было лет 35. Он сначала увлекся Сашенькой Камараш, жил с нею, ругался с бабушкой Александрой Петровной Стрешковой. Один раз он так стиснул пальцами ее толстый нос, что врачи хотели его ампутировать. После этого Екатерина Гавриловна, Сашенька и бабушка выехали навсегда в Череповец.

Потом ему приглянулась красивенькая толстушка Людмила Бутягина. Носил ее на руках к себе на квартиру, жил недалеко. Угощал, целовал, ревновал, но она убегала. Родители не позволяли ей выйти за него замуж.

Иногда Залесский в 12 часов ночи врывался в квартиру ее отца – исправника. Ловил Людмилу с кинжалом в руке. Та пряталась в кухне за печью. Если находил ее, то она выбегала во двор или к соседям. Как кошка, она прыгала с поленницами на поленницу, пряталась в сарае, в каретнике... пока ревнивец не хватал ее в охапку и не увозил добычу к себе домой.

Однажды доктор пригласил видных дам города к себе на кофе. Угостил их, но... с касторкой, а двери зала уединения запер... За свои проделки доктор Залесский сидел даже в остроге, но, несмотря на это, свою верховую лошадь он корнил с тарелки супом и поил чаем. Вводил ее в дом к знакомым. Весьегонский Калигула...

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПАРИЖ

В Замоложье врачом служил Крумбильлер, французский подданный. В 1886 году он был направлен земством в Париж к Пастеру с двумя укушенными бешеной собакой (крестьянин Тимофей Васильев, 30 лет, и Михаил Зверев, 22 лет, сын весьегонского купца).

Зверев мне рассказывал: «До границы мы доехали спокойно, смотрели в окна – раньше-то никуда не выезжали. Когда переехали границу, Тимофей стал дурить. Сейчас, говорит, расширю вам место. Заклацал зубами, как волк, вывернул глаза и... немцы тикают от него на другие места. Доктор его урезонивает...

Осмотривали мы и Кельнский собор. Тимофей на нем свою метку оставил: пусть, говорит, знают, что русский человек здесь был.

В Париже однажды он отпросился на полдня, был в одной сермяге, липовых лаптях, рваном картузе. Черт его знает, где он сумел выпросить брюки, фрак с вырезанными фалдами, открытую сорочку и жилет, поношенные штиблеты и цилиндр.

Свое одеяние принес в свертке. Дорогу, говорит, углем метил. Доктор Крумбильлер понапрасну беспокоился... Русский человек находчив. Другой раз увидел он на пятом этаже в окне самовар. Поднялся, выпросил самовар. Радостно говорил: «Попьем, Миша, чаю! Надоел мне ихний проклятый кофель! Вот и чаю на две заварки мне дали...» Уезжая, он отнес самовар хозяевам. Был на дорогу одет опять в лапти, в которых ехал до дому. В земскую управу в Весьегонске явился во фраке, в цилиндре и в лаптях... таким и гулял по городу...»

будто пришла пора и древо истории стало плодоносить людьми. И сама история эта в переложении талантливого человека, обретает смысл и поэзию, как у Сиверцева...

Странно, может быть, покажется, но та Россия, о которой мы так часто сожалеем как о стране, «которую мы потеряли» вся создалась за неполные пятьдесят лет. И из этих пятидесяти тридцать – то есть жизнь целого поколения – ушли на расчищение николаевских крепостнических завалов, на устроение законов, по которым можно жить, управления хоть мало-мальски честного, устройство судов, больниц, земских школ, торговли, промышленности... Все это к 90-м годам прошлого века только было закончено. А потом сразу – резкий, невиданный взлет, Серебряный век – и Ахматова с Гумилевым в Бежецке.

Не знаю, кем бы стал мой прадед, случись ему родиться в Весьегонске так, чтобы попасть на нынешнее время. И на что употребил бы он свою феноменальную память: на переводы с иностранных языков или сбор-

ку-разборку автомобильного движка? Дело ведь не в людях только, а во времени: ибо время востребует таланты. Люди как-нибудь да подбираются.

В Весьегонске видел я одну отрадную картину: когда сидел в ресторане со своими тетрадями, рядом за длинным столом отмечали десятилетие выпуска бывшие ученики одной из весьегонских школ. Все это были молодые мужчины и женщины, как говорится, в самом соку – и видно было, что каждый нашел себе в жизни место, живет осознанно и хорошо и, в общем, достойно. Говорили тосты друг за друга, какие-то слова приятные своей учительнице – в Москве слов, сказанных с такой простотой и сердечностью, не услышишь. И я подумал: нам бы хоть лет тридцать пожить полюдски, чтоб никто не мешал, чтоб работать можно было, чтоб обиравловки не было, чтоб властям можно было доверять – мы бы поднялись... Но тридцать лет – срок колossalный в новом историческом хронотопе. И ждать нас никто не будет. И как разрешить этот вопрос, не

знаю ни я, ни городские власти, вновь, как встарь, обрастающие признаками пошехонской дремучести... И как всегда в нашей истории одна остается надежда на отдельного, частного, слабого человека, которому и не по силам поднять страну, не по силам даже отбиться от чиновников, от морока пошехонского. А все же больше надеяться не на кого... Рассуждения мои прервало лезвие, вонзившееся в пятку. Не больно, но глубоко. Это я доходился по водам, на осколок бутылки наступил. До лодки идти надо было босиком через весь остров, а потом еще по болоту, через грязь. Так что мусора набилось в рану – мамма миа! Так я и оказался в операционной хирургического отделения весьегонской больницы. И здесь, как и говорил, удивился. Причем дважды. Сначала удивился, что бесполезное «обезьянье дерево» есть панацея. А потом, уже в гостинице лежа на кровати, удивился, как мне повезло: потому что, приди я на десять минут позже, я б никого из врачей не застал. Суббота, три часа дня. И – Пошехонье все-таки...

Дома ставили,
как и положено,
на камни,
но и это их
не спасло...
Остатки
фундамента
затопленного
дома